

СТРАСТИ

болезни души

Составитель Сергей Михайлович Масленников

Сибирская Благовонница
Москва
2011

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 10-19-1939

С 83 Страсти — болезни души. Избранные места из творений святых отцов. Дневник кающегося. / Сост. и предисл. Масленникова Сергея Михайловича. — М.: Сибирская Благовонница, 2011. — 314, [6] с. (Серия «Страсти — болезни души»).

ISBN 978-5-91362-413-0

Христианин!

Задай себе вопрос: «Почему я не имею важнейших добродетелей: крепкой веры, упования на Бога, кротости, смирения, долготерпения, мира сердечного?..»

Ответить точно, вряд ли, удастся, потому что нет правильных духовных знаний.

Вспомни притчу о сеятеле (см.: Мк. 4, 3–20).

Перечисленные выше добродетели — это плоды, которых нет, хотя семя (Слово Божие) сеется в нас. Как видно, сеется слово на неподготовленную почву сердца, заросшую тернием. Это терние — и есть страсти, опутавшие душу и заглушающие добрые всходы.

Хочешь научиться распознавать сорняки и пропалывать их, чтобы иметь плод, если уж не во сто, то хотя бы в тридцать крат?

В этом тебе поможет предлагаемая книга из серии «Страсти — болезни души», содержащая мнения святых отцов по этой теме, и «Дневник кающегося» для современного христианина.

УДК 42

ББК 86.37-42

© Масленников С. М., составление,
предисловие, приложение, 2011

© Издательство Сибирская
Благовонница, оформление, 2011

ISBN 978-5-91362-413-0

Предисловие составителя

Учение о страстях, которое в древности было известно многим опытным христианам, особенно монахам, в современной земной Церкви практически забыто. Даже названия страстей не всем известны, тем более почти никто не знает противоположных им добродетелей. Страсти, как сорняки, надо пропалывать на грядке сердца, а добродетели, как добрые плоды, терпеливо выращивать. Садовод, не различающий сорняков и добрых всходов, получит ли урожай? Скорее всего нет, потому что неудаленные сорняки заглушат полезные растения, а то еще и будет выдернуто и выброшено то, что хотели вырастить. Оставшись без урожая, такой земледелец будет голодать. Так и христианин, не победивший страсти и не взрастивший добродетели, обречен на голод ада.

Но если трудно в настоящее время встретить живого учителя благочестия, то это не означает, что научиться христианской аскетике вообще невозможно. Отцы Церкви, предвидя оскудение веры в последние времена, оставили нам свои писания, как бы некоторые драгоценные сокровища, сокрытые на поле (см.: Мф. 13, 44). Вот только нужно приложить старание к тому, чтобы их найти. Надо брать творения учителей и внимательно читать. К глубокому сожалению, не только нехватка времени мешает нам, и не только неготовность ума к восприятию духовных тайн делает чтение мало полезным; самым главным препятствием, конечно, остается нерадение, отсутствие ревности ко спасению, то есть пребывание в состоянии «мертвой веры». Поэтому учение о страстях остается для нас тайной, не открыв которую мы не только не победим свои страсти, но даже и не обнаружим их. Сердце наше так и останется «логовом змей», «жилищем сатаны». Не войдет в него Дух Святой, *ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром?* (2 Кор. 6, 14–15).

Мы похожи на больных, которые, имея внутри своего тела несколько смертельных болезней, нисколько об этом не волнуются, а нередко болезни эти считают признаком крепкого здоровья. К чему приведет такое заблуждение? Пожалуй, любому понятно. К сожалению, понятно бывает только касательно тела, которому все равно придется умирать, а вот позаботиться о вечной душе своей — не можем. И страсти — смертельные болезни души — остаются не обнаруженными и развиваются при нашем сознательном, активном участии.

Для современных христиан серьезной проблемой является подготовка к исповеди, потому что нет правильных понятий о страстях и грехах. Ведется ли тогда борьба с ними? Часто можно слышать: «Не вижу своих грехов! Каждый раз исповедую одно и то же! Уже неудобно перед батюшкой! Не знаю, как на исповедь идти! Подскажите мне мои грехи!» В результате на исповеди вместо раскаяния в конкретных грехах рассказываются длинные, запутанные истории, в которых нередко осуждаются окружающие и оправдывается сам виновник. Бывает, что

истории из прошлой жизни рассказываются на исповеди по несколько раз, только в разных храмах и разным батюшкам, потому что «своему» уже рассказывали, а нынешних грехов так и не видим, и, конечно, не потому, что их нет. Просто ум — око души — слеп, и ослеплен он гордостью и помрачен всеми другими страстями.

Что делать страдающему больному, когда нет опытного врача? Если умирать не хочется, то надо открывать учебники и справочники по медицине и определять по имеющимся симптомам болезнь, подбирая соответствующие лекарства. Хотя бы так в критической ситуации надо пытаться сохранить свою жизнь. Так и учение о страстях поможет христианину правильно диагностировать болезни души и подобрать необходимые средства для лечения, даже при отсутствии рядом человека, хорошо разбирающегося в аскетике.

Но вот опять беда! Надо ведь признать себя больным, а мы считаем себя здоровыми. Тогда зачем справочники, зачем горькие лекарства? Поэтому Господь и говорит: *Не здоровые имеют нужду во враче,*

но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (Мк. 2, 17). Для «здоровых» остается тайной учение о страстях, как ненужное и малопонятное, а болезни развиваются.

Кто же все-таки способен признать себя «больным»? Чаще те, кто попал в большую беду и не может найти выхода, дойдя почти до отчаяния. Хорошо, если такой знал дорогу в храм или кто-то подскажет ему. Хорошо, если в храме встретится опытный священник, имеющий время и любовь к «заблудшим овцам», возложит такого калеку по душе на свои плечи и понесет... Но нередко такие страдальцы ходят из храма в храм, ездят из монастыря в монастырь в поисках чудесного избавления от своих проблем, а главного так и не понимают, что завели-то их в эту беду-ловушку их собственные страсти. Читают, почти ничего не понимая, часами акафисты, каноны и разные молитвы, а выхода все нет. Значит, чтобы выбраться, надо найти настоящую причину — развитые в себе страсти — и победить их. Тогда чудом будет уже не мгновенное избавление от бед, а медленная кровопролитная борьба со страстями,

по слову Господа: *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12). *Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф. 7, 13–14). Этот узкий путь и есть борьба со страстями, похожая на распятие на кресте, потому что заповеди Евангельские отцы сравнивают с крестом, на котором и должен быть распят христианин. Без этой самой борьбы вера никогда не оживет в сердце. Что впустую жаловаться? Надо начинать делать, *ибо как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва* (Иак. 2, 26). А что делать-то? Бороться со страстями, запрещая себе грешить и понуждая себя к исполнению заповедей Христовых. Дух Святой не может содействовать нам в делании грехов и нерадении. В этом есть другой помощник — дьявол: *Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего* (Ин. 8, 44). Значит, если мы творим дела, противоположные заповедям, не считаем их за грехи и не каемся в них, то напрасно думаем быть сынами Отца Небесного,

потому что в такой ситуации отцом нашим является сатана, который помогает нам грешить, успешно развивая в наших сердцах страсти. Если же хотим стать сынами Отца Небесного и получить от Него Духа Святого, то и должны делать дела праведные — заповеди Христовы, для исполнения которых и будет дан Святой Дух, Который, придя к делателю, оживит веру в его сердце. И Сам Христос говорит: *Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). Итак, чтобы стать сынами Отца Небесного, нужно прежде стать братьями Иисусу Христу: *Ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать* (Мк. 3, 35).

Любая страсть похожа на дерево. Засевается она в сердце человека при зачатии его — от родителей. Развивается постепенно и за несколько лет уже становится деревцем, способным приносить плоды. Что это за плоды? Это и есть грехи, соответствующие своей страсти, как и у всякого дерева — свой плод. Чем крепче дерево, тем больше плодов, и, что самое страшное, этими же плодами

«питается» само дерево (страсть) — вот какая саморазвивающаяся система: чем больше грехов — тем сильнее страсть; чем сильнее страсть, тем больше грехов. Куда ты теперь денешься, человек? Это и есть внутренний плен, рабство сатане.

Но чем питалась эта страсть, когда сама плодов еще не приносила, ведь в юном возрасте, как деревце еще бесплодно, так и младенцы имеют неразвитый еще ум и сознательно грешить не могут? Ответ очень прост! Ребенок учится всему от тех, кто его окружает. Он впитывает все то, что видит и слышит вокруг, и, в основном, от своих родителей. Если родители не знают свои болезни, то, заразив ими ребенка при зачатии, теперь еще и развивают эти болезни — страсти — собственными примерами. Таким образом родители становятся невольными губителями душ собственных детей. Коль сами слепые, то и слепого за собой в яму (ад) заведем (см.: Лк. 6, 39). Поэтому родителям необходимо знать и лечить свои болезни души не только для собственного спасения, но и ребенку своему передавать этот драгоценный опыт с младенчества,

показывая правильные жизненные примеры поведения, а в меру развития ума своего чада объяснять ему смысл заповедей, грехов, добродетелей, научая замечать свои грехи и каяться в них. При качественной духовной работе с ребенком можно значительно связать засеянные страсти, а к сознательному возрасту подготовить его для самостоятельной духовной борьбы, чтобы победить болезни души и взрастить противоположные им добродетели. Без этого всего страсти будут развиваться автоматически, как это происходило и у нас самих. И нельзя бороться только с одной-двумя страстями, потому что сила их легко будет «перекачиваться» в другие, и в определенное время по коварному замыслу дьявола все вернется на свои места и неожиданно ударит по человеку.

Какие плоды приносит дерево-страсть? У каждой страсти грехи могут быть разной силы. В зависимости от степени тяжести выделены грехи смертные и простительные (смотри творения святителя Игнатия Брянчанинова). Остальные можно назвать тяжкими. Если от простительных грехов

не были полностью свободны даже святые, то такие грехи можно назвать песчинками. Однако «песчинок» бывает в день так много, что если не замечать и не каяться тут же, то за неделю накопится целый мешок песка, который по весу будет равен большому камню. Хоть камень привяжи к человеку, хоть мешок песка — плыть будет невозможно, человек утонет. Тяжелый камень — это смертный грех, и одного такого достаточно, чтобы душа оказалась в аду, если при жизни он не будет раскаян, исповедан и омыт должной епитимией. А мы за свою безбожную жизнь сколько их совершили? Но живем мы при этом спокойно, нисколько не волнуясь о своем состоянии и будущей вечной участи. А почему? Да потому, что *жало смерти — грех* (1 Кор. 15, 56). Вот сатана «ужалил» нас несколькими смертными грехами, то есть убил, — и мы мертвы. Тогда что может мертвый? Он уже ничего не чувствует и ничего не может предпринять, потому и бездействует. Так и мы, убитые многократно смертными грехами, *спим довольны* (1 Кор. 11, 30 в ц.-сл. варианте) и о своей мертвости даже не подозреваем, потому что

состояния жизни мы никогда не испытывали, да и вокруг все такие же «мертвецы», как мы, — сравнивать не с кем. Творения отцов не читаем, если читаем, то почти ничего не понимаем, а если и что-то поняли — не знаем, как правильно применить. Начиная применять, по неопытности только повреждаем себя. «Разжевать» же нам, то есть объяснить доступным, простым, современным языком, бывает обычно некому, да и нам все время некогда. Потому и *немало умирает* (1 Кор. 11, 30), оставаясь в состоянии «мертвой веры». А страсти тем временем растут, принося все больше плодов-грехов, и в меру их укрепления они делаются способными приносить уже особые плоды — смертные грехи, даже один из которых убивает душу «наповал». Чего ждем? Сатана-то понятно чего ждет — нашей кончины, чтобы навсегда заполучить душу в ад, это и есть его цель. А мы почему содействуем ему? Ведь после смерти покаяние теряет силу, уже не может действовать и превращается в отчаяние. Покаяние, как изменение жизни, может быть употреблено только во время земной жизни. После смерти — воздаяние! Очнемся ли наконец?

Пробуждению от смертельной спячки может поспособствовать ознакомление с предлагаемой подборкой из творений святых отцов о страстях и смертных грехах, а также прилагаемый «Дневник кающегося» для современного христианина. В нем грехи разделены как по страстям, так и по степени тяжести внутри страсти, что помогает распознать свои болезни души, научиться замечать грехи и готовиться к исповеди. Желающие могут проверить по «Дневнику» всю свою жизнь и подготовиться к генеральной исповеди. Надеемся, что многим это откроет глаза (ум) на качество своей веры и поможет прийти к действительному покаянию. Помоги, Господи!

СВЯТОЙ
ИОАНН
КАССИАН

Борьба плоти и духа (Собеседование 4-е)*

8. Есть брань в членах наших, как читаем у Апостола: *Плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы.* (Гал. 5, 17). По промыслительному распоряжению Божию, она внедрилась как бы в самую природу нашу. И можно ли почитать ее иным чем, как не естественною как бы принадлежностию человеческого естества после падения первого человека, если она всем без исключения обща? Надлежит, однако ж, верить, что она имеется в нас по воле Божией, во благо нам, а не во зло, если она всем природна. Она оставлена в нас для возбуждения в нас ревнования о высшем совершенстве.

* *Иоанн Кассиан, св.* Обозрение духовной брани. Гл. 3. Добротолюбие. Т. 2. М., 1998. С. 16–20. Здесь и далее нумерация сохранена как в оригинале.

9. Слово *плоть* в сем месте должно принять не в смысле человека как существа, а в смысле воли плотской, или худых пожеланий; равно и под словом *дух* разуместь надо не какое-либо существо личное, а пожелания души добрые и святые. Такой смысл определил сам же Апостол, говоря так: *Поступайте по духу и вы не будете исполнять вождений плоти; ибо плоть желает противного духу*, и проч. (Гал. 5, 16, 17). Так как те и другие пожелания находятся в одном и том же человеке, то и ведется внутри нас непрерывная междоусобная брань. Тогда как похоть плоти, главным образом стремящаяся к греховному, находит удовольствие в одном том, что относится к удовлетворению потребностей настоящей жизни, дух, напротив, весь желает прилепляться к делам духовным, оставляя даже самые необходимые потребности плоти, и желает предаться исключительно тем одним, не уделяя даже и малой заботы тленной плоти сей. Плоть услаждается изобилием и всякими удовольствиями; духу неприятно попечение даже о предметах естественных потребностей. Та желает насыщаться сном и наполняться пищею;

этому так питательны бдения и посты, что он не хотел бы допускать сна и пищи даже и сколько нужно для жизни. Та желает изобиловать всякими богатствами; этот недоволен даже тем, что имеет малое количество хлеба на каждодневное употребление. Та желает нежиться и окруженною быть толпою ласкателей; этому отраднее жестокое житие и просторность неприступной пустыни, и неприятно присутствие смертных. Та пленяется почестями и похвалами человеческими; этому радостны гонения и обиды.

10. Когда воля наша водится самолюбием и земною мудростию, то загадывает держать некую достойную всякого осуждения средину между сими двумя стремлениями, располагаясь так воздерживаться от плотских страстей, чтобы при этом ни сколь не терпеть прискорбностей, неизбежных при исполнении требований духа, — без казнения плоти желая достигнуть телесной чистоты, без труда бдений стяжать чистоту сердечную, с упокоением плоти обиловать духовными добродетелями, без ожесточенных злословий получить благодать терпения, являть смирение Христово без ущерба

в чести мирской, следовать простоте благочестия с высокомерием века сего, служить Христу с людскою славой и благоволением, говорить решительную правду, не встречая никакого, даже малого оскорбления, — вообще достигнуть благ будущих, не теряя настоящих. Такая воля не ведет к истинному совершенству, но, поставляя в состояние противной теплоты, делает такими, каковы те, о коих с укором говорит Господь в Апокалипсисе: *Знаю твои дела: ты ни холоден, ни горяч; о, если бы был холоден или горяч! Но как ты тепл... то извергну тебя из уст Моих* (Откр. 3, 15, 16). Но благодать, пришедши, возбуждает энергию духа и восстанавливает в нем высшие стремления, отрешающие от всего земного. Подвергаясь влиянию их, воля не может уже оставаться такою равнодушною и теплохладною, но восприимлет ревность о лучшем и ему приносит в жертву все низшее. Между тем, однако ж, тяготение к прежнему покою равнодушия остается в ней, и она бывает очень готова опять ниспасть в него. Чтоб этого не случилось, во плоти оставляются движения, враждебные высшим стремлениям, к которым воля, вкусившая высших

благ, благоволить не может и, лишь только ощутит их, тотчас оживляется всею ревностию и мужественно охраняет высшие свои блага. И бывает, что, коль скоро воля ниспадет в богопротивную теплохладность, восстает брань плоти и пробуждает ее к энергии. Из сего явно, что мы навсегда оставались бы в состоянии помянутой выше богопротивной теплоты, если б из него не выводила нас восстающая в нас брань. Ибо при ней, когда, раболепствуя самоугодию, захотим сделать себе некоторое послабление, тотчас восстает плоть и, уязвляя нас жалами греховных движений и страстей, не дает стоять в отрадной чистоте, желаемой, и увлекает к охлаждающему удовольствию, — не благоволимому, — увлекает как бы на путь, заросший тернием. Но это раздражает заснувшую ревность по Богу; она восстает и прогоняет подступивших врагов. Ежедневно действуя в нас, брань сия приводит нас к благодетельной решимости — отвергши пространную и беспечную жизнь, стяжевать чистоту сердца с многим потом и сокрушением духа: хранить чистоту тела строгим постом, голодом, жаждою и неспанием, восходить в доброе настроение

духа чрез чтение, размышление и непрестанные молитвы.

11. Подобное нечто таинственно изображено в распоряжении Божиим касательно враждебных Израилю народов, как читаем в Книге Судей: *Вот те народы, которых оставил Господь, чтобы искушать ими израильтян... для того только, чтобы знали и учились войне* (Суд. 3, 1–2). Такую брань устроил Господь не потому, чтобы не хотел покоя Израилю или не имел попечения о его благе, но потому, что видел, как много она полезна для него. Подвергаясь почти непрестанному нападению тех народов, он не мог не чувствовать постоянно нужды в помощи Божией, и потому должен был пребывать во всегдашнем уповательном обращении к Нему и в молитве. Не имея возможности оставить дело брани, не имел он времени предаться и беспечности или расслабеть от лени и праздности. Ибо часто безопасность и счастье низвергают того, кого не могли победить несчастья.

12. И отчего иного у скопцов по плоти мы находим душу усыпленную, как не оттого, что, по заблуждению освободив себя от этой

плотской потребности, думают, что не имеют нужды ни в труде телесного воздержания, ни в сокрушении сердца. Расслабленные такою беспечностью, не заботятся они о стяжании истинного совершенства, или об очищении сердца от душевных страстей. Такое состояние, возвышаясь над состоянием плотским, остается только душевным, которое словом Самого Господа названо достойным отвержения — за то, что, от холодного перешедши к теплomu, остановилось на сей противной теплоте.

13. Итак, в самом начале отречения, переставая быть плотскими, то есть начиная отделяться от обычаев мирских и воздерживаться от явной плотской нечистоты, мы должны поспешать и всю силую стараться тотчас усвоить себе и состояние духовное, чтобы иначе, по одному тому, что отреклись от мира по внешнему человеку, или прекратили осквернение себя плотским любодейством, мечтая о себе как о достигших уже совершенства, не сделаться нам потом нерадивыми и беспечными в истреблении причин страстей и, таким образом остановясь посредине между плотию и духом,

не остаться не достигшими степени совершенства духовного, полагая, что для сего совершенства достаточно по одному внешнему состоянию отделиться от жизни и удовольствий мира и быть только не причастными разврату и смешению плотскому. Ибо если останемся в сем состоянии теплоты (равнодушия), которое считается самым худшим, то будем изbleваны из уст Господа, как Он говорит: *Но как ты тепл... то извергну тебя из уст Моих* (Откр. 3, 16). Справедливо Господь объявил о тех, кои, быв восприняты Им во утробу любви, потом охладели, что они будут Им изbleваны с некоторым омерзением. Ибо легче обращается ко спасению и восходит на верх духовного совершенства человек плотской, то есть мирской или язычник, нежели тот, кто, восприняв иго Христово, не вступил на путь к совершенству и попустил охладеть первому огню ревности духовной. Ибо когда тот, будучи смиряем чувственными страстями и сознавая себя нечистым по причине плотского осквернения, придет в сокрушение и прибегнет к Источнику всякой чистоты и совершенства, то, гнушаясь тем холодным

состоянием неверия и беспечности, в коем находился, горя же духом, удобнее взойдет к совершенству. Напротив, кто с холодно-стию принимается за дело Божие и без смирения и должного усердия вступает на путь этого звания, тот, однажды будучи поражен этою бедственной заразою, не может уже ни сам собою умудриться на лучшее, ни принимать вразумление от других. Ибо он, по слову Господа, говорит в сердце своем: *Я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды*; тогда как к нему приличнее приложить то, что следует далее: *А не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ* (Откр. 3, 17). Таким образом он становится хуже мирского человека тем, что теряет сознание, как он беден, слеп и наг, как во многом требует исправления, сколь великую имеет нужду в наставлениях и вразумлении со стороны других, почему не принимает никакого спасительного слова, не разумея, что в будущем веке будет подлежать неизбежно строжайшему суду и наказанию.

Общее очертание страстей и борьбы с ними (Собеседование 5-е)*

14. Главных страстей восемь: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость.

15. Страсти бывают двух родов: естественные, вырождающиеся из естественных потребностей, как, например, чревоугодие и блуд, и неестественные, не коренящиеся в естестве, как, например, сребролюбие. Действия же их проявляются четвероюко: некоторые действуют только в теле и чрез тело, как чревоугодие и блуд, а некоторые проявляются и без содействия тела, как тщеславие и гордость; далее, иные возбуждаются совне, как сребролюбие и гнев, — а иные исходят из внутренних причин, как уныние и печаль. Такого рода обнаружение действия страстей

* *Иоанн Кассиан, св.* Обзорение духовной брани. Гл. 4. Добротолюбие. Т. 2. М., 1998. С. 20–25. Нумерация сохранена как в оригинале.

подает повод допустить в них еще два рода, деля их на плотские и душевные: плотские в теле зарождаются и тело питают и услаждают; а душевные из душевных склонностей исходят и душу питают, на тело же нередко действуют разрушительно. Эти последние врачуются простым врачеванием сердца внутренним; а плотские двояким лекарством врачуются — и внешним, и внутренним.

16. Поясним нечто из сказанного более пространном рассуждении. Страсти чревоугодия и блуда, коренясь в теле, возбуждаются иногда без содействия души, по одному раздражению потребностей, из коих исходят; но влекут и душу по ее связи с телом. Для обуздания их недостаточно одного напряжения душевного против них вооружения, но надо при сем укрощать и самое тело постом, бдением, истомлением посредством труда; нужно бывает и временное уединение, а нередко и совсем отшельничество. Ибо как они происходят от порочности души и тела, то и побеждены быть могут не иначе как трудом обоих. Тщеславие и гордость зарождаются в душе без посредства тела. Ибо какую нужду имеет тщеславие в телесном чем,

когда из-за одного желания похвал и славы доводит до падения плененную им душу? Или какое телесное действие имело место в возгордении Люцифера, когда он зачал его в одной душе и помышлении, как говорит пророк: *А говорил в сердце своем: взойду на небо... буду подобен Всевышнему* (Ис. 14, 13, 14). Не имел он в такой гордости подстрекателя совне; она и зародилась и созрела вся внутри его.

17. Эти восемь страстей хотя имеют разное происхождение и разные действия, однако шесть первых, то есть чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, соединены между собою особым неким сродством, по коему излишество предыдущей дает начало последующей. Ибо от излишества чревоугодия необходимо происходит блудная похоть, от блуда — сребролюбие, от сребролюбия — гнев, от гнева — печаль, от печали — уныние. Потому против них надо сражаться тем же порядком, переходя в борьбе с ними от предыдущих к последующим: чтоб победить уныние, сначала надо подавить печаль; чтоб прогнать печаль, прежде нужно подавить гнев; чтоб погасить гнев,

нужно поправить сребролюбие; чтоб исторгнуть сребролюбие, надо укротить блудную похоть; чтоб подавить блудную похоть, надо обуздать страсть чревоугодия. И остальные две страсти, тщеславие и гордость, — таким же способом соединяются между собою, то есть усиление первой из них дает начало другой, от чрезмерного тщеславия рождается страсть гордости; таким же порядком и победа над ними приобретается, то есть, чтоб истребить гордость, надобно подавить тщеславие. Но с теми шестью страстями они не соединяются родовым образом, ибо не от них рождаются, а, напротив, по истреблении их. В эти две страсти мы впадаем особенно после победы и восторжествования над прочими страстями. Впрочем, хотя эти восемь страстей в таком между собою находятся отношении, как теперь показано, однако ж, частнее они разделяются на четыре союза: блудная похоть особенным союзом соединяется с чревоугодием, гнев — со сребролюбием, уныние — с печалию, гордость — с тщеславием.

18. Каждая из страстей не в одном виде проявляется. Так, чревоугодие бывает трех

видов: или порождает пожелание есть прежде установленного часа, или ищет многоястия до объедения, не разбирая качеств пищи, или требует лакомой пищи. Отсюда беспорядочное ястие, похоть, обжорство и сластолюбие. От этих трех происходят разные злые недуги в душе: от первого рождается досадование на монастырский устав, — от этого досадования возрастает недовольство жизнью в монастыре до несносности, за которою скоро следует обычно и бегство из монастыря; от второго возбуждается плотская похоть и сладострастие; а третье ввергает в сребролюбие и не дает места нищете Христовой.

Блудной страсти три вида: первый совершается чрез смешение одного пола с другим; второй производится без смешения с женщиною, за который от Господа был поражен Онан, сын патриарха Иуды (см.: Быт. 38, 9–10), и который в Писании называется нечистою; третий производится умом и сердцем, о котором Господь в Евангелии говорит: *Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Эти три вида блаженный Апостол указал в следующем стихе:

Умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть. (Кол. 3, 5).

Сребролюбия три вида: в первом оно не дает отрекающемуся от мира обнажиться от всякого имущества; во втором оно заставляет того, кто все уже раздал бедным, снова приобретать такое же имущество; в третьем оно разжигает желание к приобретениям и того, кто ничего прежде не имел.

Три вида и гнева: первый — тот, который пылает внутри; второй — тот, который прорывается в слово и дело; третий — тот, который горит долгое время и называется злопамятством.

Печали два вида: первый — что посещает по прекращении гнева или причиняется нанесенными убытками и потерями и неисполнением желаний; второй происходит от опасений и страхов за свою участь или от неразумных забот.

Уныния два вида: один ввергает в сон, а другой гонит из келлии.

Тщеславие хотя многовидно, однако ж главных у него два вида: в первом превозносимся плотскими преимуществами и видимыми вещами; а во втором воспламеняемся

желанием суетной славы из-за духовных предметов.

Гордости два вида: первый — плотской, второй — духовный, который губительнее первого. Он особенно искушает тех, которые преуспели в некоторых добродетелях.

19. Хотя эти восемь страстей искушают весь род человеческий, впрочем, не на всех одинаковым образом нападают. Ибо в одном главное место занимает дух блуда; в другом преобладает гневливость; в ином властвует тщеславие; а в другом гордость господствует, так что хотя все страсти на всех нападают, но каждый из нас различным образом и порядком раболепствует им.

20. Посему нам надобно вести брань с этими страстями так, чтобы всякий, открыв, какая страсть особенно вредит ему, против нее главно направлял и борьбу, употребляя всякое старание и заботу для наблюдения за нею и подавления ее, против нее направляя копья ежедневных постов, в нее бросая ежеминутно стрелы сердечных стенаний и воздыханий и непрестанно проливая слезы в молитве к Богу о прекращении мятущей его брани. Ибо никто не может восторжествовать над

какою-либо страстию, пока не убедится, что своим тщанием или трудом не может одержать победу над нею; хотя при том ему, чтоб очиститься от нее, и самому необходимо день и ночь пребывать во всяком труде и всякой заботе о том.

21. Когда такой борец почувствует, что освободился от первейшей своей страсти, тогда опять должен с полным вниманием рассмотреть тайники своего сердца, чтоб, увидев, какая за тем еще есть в нем сильнейшая сравнительно с остальными страсть, против нее в особенности подвигнуть все духовные оружия. Побеждая таким образом всякий раз первейшие в себе страсти, он скорее и легче будет одерживать победу над остальными, низшими их.

22. Когда одержишь победу над одною или несколькими страстями, не должно тебе превозноситься сею победою. Иначе Господь, увидев надмение сердца твоего, перестанет ограждать и защищать его — и ты, оставленный Им, опять начнешь быть возмущаем тою же страстию, какую победил было при помощи Благодати Божией. И пророк не стал бы молиться: *Не предай, Господи,*

зверям душу, исповедающуюся Тебе (Пс. 73, 19), — если б не знал, что возносящиеся сердцем опять предаются страстям, которые победили, чтоб смирились.

Борьба с восемью главнейшими страстями*

23. Изображая борьбу с восемью главными страстями, будем описывать свойства их, указывать причины, и предлагать пригодные против них врачевства.

Борьба с чревоугодием

24. Первая, в какую следует нам вступить, борьба есть борьба с чревоугодием, или со страстию пресыщения.

25. Касательно образа воздержания в пище, или постничества, не может быть постановлено одинаковое для всех правило, потому что не у всех тел одинакова

* *Иоанн Кассиан, св.* Обозрение духовной брани. Гл. 5. Добротолубие. Т. 2. М., 1998. С. 25–98.

крепость, добродетель же сия соблюдается не одною силою души, но должна соразмеряться и с силою тела. Не для всех возможно соблюдать пост по неделям; некоторые не могут быть без принятия пищи более трех или двух дней, а иным трудно пробыть без пищи до заката солнца. Не для всех также питательны овощи, или зелия, или сухой хлеб. Еще — иному для насыщения нужно два фунта, а другой чувствует тягость, если съест фунт или полфунта. Но все воздержники должны иметь одну цель, чтобы, принимая пищу по мере способности, не вдаваться в пресыщение. Ибо не только качество пищи, но и количество расслабляет душу, возжигая в ней вредоносный, греховный огонь.

26. Какими бы яствами ни было насыщено чрево, от этого зарождаются семена похоти плотской, и ум, подавленный бременем яств, не бывает уже силен добре править кормилом рассуждения. Не одно чрезмерное употребление вина опьяняет ум, но и излишество всяких яств обыкновенно делает его шатким и колеблющимся и лишает чистых и непорочных помышлений. Для содомлян причиною их развращения и гибели было

не одно пьянство, но и пресыщение чрева. Слушай, как Господь через пророка укоряет Иерусалим: Отчего согрешила сестра твоя Содома, если не оттого, что ела хлеб свой до сыта и пресыщения? (ср.: Иез. 16, 49). Поелику чрез такое насыщение хлебом они разжжены были неугасимым жаром похоти плотской, то по суду Божию были с неба пожжены серным огнем. Если таким образом их одна чрезмерность в употреблении хлеба по страсти пресыщения низвергла в стремнинную пропасть развращения, то что сказать о тех, которые, при цветущем здоровье тела, позволяют себе есть мяса и пить вино в непомерном количестве, употребляя их не сколько требует немощь, а сколько внушает самоугодливое похотение.

27. Святые отцы мерою воздержания в пище положили то, чтоб пищу, которую принимать заставляет нас необходимость поддерживать жизнь тела, переставали мы вкушать, когда еще хочется есть. Судя по сему и немощный телом может являть добродетель воздержания в совершенстве наравне с крепкими и здоровыми, если силою воли будет обуздывать пожелания яств, когда сего

не требует брeнность плоти. Ибо и Апостол говорит: *Попечения о плоти не превращайте в похоти* (Рим. 13, 14). Он не совсем запретил иметь попечение о теле, а не велел только, чтоб это делалось по похоти, — похотливую заботу о плоти отъял, а разумного, необходимого для жизни содержания ее не исключил; запретил первое, чтоб чрез поблажку плоти не низпали мы до пагубных дел похотливых, а дозволил второе, чтоб тело, будучи расстроено неразумною строгостию, не оказалось бессильным к исполнению духовных наших занятий и трудов.

28. Итак, мера воздержания должна быть определяема судом совести каждого. Всякий должен назначить себе настолько воздерживаться, сколько требует сего брань плотского восстания. Посты, уставом определенные, всеконечно должно соблюдать; но если после них не будет соблюдаема воздержность в употреблении пищи, то соблюдение их не доведет до совершенной чистоты. Голодание в продолжительные посты будет иметь плодом только временное в ту пору изнеможение и истомление тела, а не чистоту целомудрия, если вслед за тем

пойдет насыщение тела вдоволь, так как чистота души неразрывно связана с голоданием чрева. Не имеют постоянной чистоты целомудрия, кто не довольствуется тем, чтобы держать постоянную ровность воздержания. Строгие посты, если за ними последует излишнее послабление себе в пище, бывают ни во что, и плод их скоро вытесняется страстию чревоугодия. Почему лучше разумное с умеренностию подкрепление себя пищею каждый день, нежели по временам долгий и крайне строгий пост. Неумеренное неядение умеет не только колебать постоянство и твердость души, но и совершение молитв делать безжизненным по причине изнеможения тела.

29. Для сохранения чистоты души и тела недостаточно одного воздержания в пище, если к сему не будут присоединены и прочие добродетели душевные. Так, перво-наперво надо научиться смирению чрез добродетель послушания, сокрушение сердца и утомление тела. Денег не только имения должно избегать, но и самое желание их с корнем исторгать. Ибо не довольно не иметь их, — что большею частию бывает

и по необходимости, — но не должно допускать самого желанья иметь их, если б случайно они были предложены. Надобно ярость гнева подавлять, отяжеление печали преодолевать, суетную славу презирать, высокомерие гордости попирать, а также и ума непостоянные и шатательные туда и сюда отбегания обуздывать непрерывным памятованием о Боге. Всякий раз надобно нам возвращать сердце наше от парительного блуждания к созерцанию Бога, как только лукавый враг, покушаясь отвлечь ум наш от сего созерцания, вкрадется в тайники сердца.

30. Тот никогда не может подавить возбуждений похоти, когда она загорится, кто не силен бывает обуздать позывов чревоугодия. Чистота внутреннего человека распознается по совершенству сей добродетели. Ибо никак не поверишь, чтобы мог поспорить в борьбе с сильнейшими соперниками тот, кого видишь преодолеваемым слабейшими в легкой схватке.

31. Итак, первую нам надо поправить похоть чревоугодия и ум свой утончить не только постами, но и бдениями, а также чтением

и непрерывным сокрушением сердца при воспоминании обо всем, чем прельщены или побеждены были, то стена при чувстве ужаса от множества грехов, то горя желанием совершенства и чистоты. И до того надо его довести, чтобы он, будучи занят и как бы поглощен такими подвижническими трудами и помышлениями, самое подкрепление себя пищею почитал не столько дозволенным предметом удовольствия, сколько бременем, наложенным в виде наказания, и приступал к нему более как к неизбежно необходимому для тела, нежели сколько как к желательному для души. Если будем себя постоянно держать в таком духовном попечении и сокрушении, то скоро укротим похотливость плоти, доходящую до крайнего неистовства при подогревании ее яствами, и притупим пагубные жала ее. Так можем мы, при обилии слез и непрерывности плача сердечного, угашать печь тела нашего, царем вавилонским, то есть дьяволом, в нас возжигаемую чрез подстроение нам случаев ко грехам и возбуждению страстей, коими тогда мы, подобно прибавке нефти и смолы в печь, сильнее разгораясь

(на непотребное); пока благодатию Божиею, чрез веяние ее духа росного в сердцах наших, совсем не будет потушено в нас пламя похоти плотской. И вот наше первое состязание — желанием совершенства погашать похоть пространнопитания и чревоугодия! Чего ради не только излишних яств желание надо подавлять созерцанием добродетелей, но и необходимую для естества нашего пищу, как неблагоприятную целомудрию, принимать не без заботливой осторожности сердечной. И течение нашей жизни должно установить таким образом, чтобы ни в какое время не отвлекаться от духовных занятий, разве только когда слабость тела побудит снизойти к необходимому о нем попечению. Но и когда, более удовлетворяя потребности жизни, нежели рабствуя вожделению души, подчиняемся этой необходимости, должны как можно скорее спешить оставлять то, как дело, отвлекающее нас от спасительных занятий. И во время самого принятия пищи не надо отставать от сих занятий. Ибо мы никак не можем отклониться от услаждения предлежащими яствами, если душа, приковав внимание к Божественному созерцанию,

не будет услаждаться в то же время паче любовью к добродетелям и красотою вещей необходимых. Да и вообще все настоящее начинает быть презираемо, как тленное, когда кто держит взор ума неотлучно прикованным к благам нетленным и вечным, еще во время пребывания в теле вкушая уже сердцем блаженство жизни будущей.

32. Победив таким настроением похоть чревоугодия и пространнопитания, как не рабы уже плоти, мы будем признаны достойными вступить и в высшие противоборства — сразиться с нечистыми силами, которые обыкновенно вступают лично в борьбу только уже с победителями. Таким образом, подавление плотских вожделений оказывается неким солиднейшим основанием всех браней. Не победив своей плоти, никто не может законно сражаться; а кто незаконно сражается, не венчается.

33. Хочешь ли слышать истинного борца Христова, сражающегося по законному правилу ратоборства? Внимай. *Я, — говорит он, — бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмирю и поработаю тело мое, дабы, проповедуя*

другим, самому не остаться недостойным (1 Кор. 9, 26–27). Видишь, как он в себе самом, то есть в плоти своей, как на твердейшем некоем основании, установил главное дело ратоборства и весь успех борьбы совместил в одном измождении плоти и покорении тела своего? *Я, говорит, бегу не так, как на неверное.* Не течет на неверное тот, кто, созерцая Небесный Иерусалим, имеет в нем неподвижную мету, к коей ему должно неуклонно направлять скорое течение сердца своего. Не течет на неверное тот, кто, забывая заднее, простирается в преднее, стремясь к предназначенной *почести вышнего звания Божия о Христе Иисусе* (Флп. 3, 13–14), куда устремляя всегда взор ума своего и куда спеша со всею готовностью сердца своего, с уверенностью взывает: *Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил* (2 Тим. 4, 7). И поелику признавал, как неутомимо, с живейшим по всей совести рвением, тек в след благовоние мастей Христовых (см.: Песн. 1, 2–3), и умерщвлении плоти успешно одержал победу в духовном ратоборстве, то с несомненным упованием наводит, говоря: *А теперь готовится*

мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный (2 Тим. 4, 8). А чтобы и нам открыть подобную надежду воздаяния, если в подвиге того же течения будем подражать ему, прибавил: *И не только, но и всем возлюбившим явление Его*, провозглашая, что в день суда и мы соделаемся причастными его венцу, если, любя пришествие Христово, — не только в коем Он явится и для нехотящих, но особенно то, в коем Он всегда сшествует святым душам, — одержим победу в ратоборстве чрез умерщвление плоти. О сем последнем пришествии Господь говорит в Евангелии: *Мы (Аз и Отец Мой) придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). И еще: *Се стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр. 3, 20).

34. Впрочем, Апостол не один только подвиг течения, совершенный им, описывает, говоря: *Бегу не так, как на неверное* [что в особенности относится к устремлению ума и горячности духа его, коими он со всем жаром последовал Христу, с Невестой воспевая: *Влеку меня, мы побежим за тобою* (Песн.

1, 3); и еще: *К тебе душа моя прилепилась* (Пс. 62, 9)]; но свидетельствует, что он и в другом еще роде ратоборства одержал победу, когда говорит: *Бьюсь не так, чтобы только бить*, но умерщвляю тело мое и порабощаю, что, собственно, относится к преболезненным трудам воздержания, к телесному пощению и измождению плоти. Тут он представляет себя бодренным неким борцом со своею плотию, обозначая, что не напрасно давал ей удары воздержания, но что чрез умерщвление своего тела успел стяжать торжество победы — когда, укротив его бичами воздержания и измождив ударами пощения, доставил духу-победителю венец бессмертия и пальму нетления. Видишь законный порядок ратоборства, усматриваешь исход духовных состязаний — как борец Христов, одержав победу над бунтовщицею — плотию, и повергши ее некако под ноги свои, как великий триумфатор, везется на победной колеснице?! Не на неверное течет он, так как уверен, что скоро внидет во святой град, Небесный Иерусалим. Тако подвизается в постах, то есть в умерщвлении плоти, не яко воздух бияй, то есть не яко напрасно

дающий удары воздержания, потому что он ими не пустой воздух, но духов злобы, враждующих в нем, поражал чрез умерщвление своего тела. Ибо кто говорит: *Так, чтобы только бить воздух*, тот дает разуметь, что не пустой и не порожний воздух поражает, но вместе и неких сущих в нем. Поелику он, преодолев эти роды браней (то есть с телом), снова выступал, теперь украшенный многими победными венцами, то естественно стал подвергаться нападениям сильнейших врагов и, восторжествовав над первыми из них завистниками, в благонадежии начал возглашать: *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12).

35. Для борца Христова, пока он в теле, никогда не оскудевают случаи к получению пальм за ратоборство; но чем более возвышается он успехами своих побед, тем более сильный ряд ратоборств предлежит ему. Ибо после того, как победит он и покорит себе плоть свою, какие толпы супостатов, какие полчища врагов восстают против сего победоносного воина Христова, быв

раздражены его победами! Это, чтоб воин Христов, нежась покоем мира, не стал забывать о славных боях своего ратоборства и, опустившись от бездействия, в чувстве безопасности от врагов, не потерял охоты и мужества оказывать победные доблести, достойные высших наград. Итак, если, не умаляясь, а возрастая в силе и мужестве, желаем достигнуть высших победных триумфов, то и нам следует в том же порядке проходить бранные подвиги и сначала совершить то, в силу чего можем с Апостолом говорить: *Бьюсь не так, чтобы только бить; усмиряю и порабощаю тело мое*, — а потом, когда возьмем верх в этом бое, вступить и в такой, по успехе в коем могли бы мы опять с Апостолом говорить: *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных*. Ибо с этими мы никаким образом иначе вступить в ратоборство не можем, как после победы над плотию, и никогда не удостоимся мы испытать борьбу с духами, если все будем низлагаемы в борьбе с плотию и поражаемы в состязании с чревом. И по справедливости

будет нам сказано от Апостола с укором: *Вас постигло не иное, как искушение человеческое* (1 Кор. 10, 13).

36. Монах, желающий достигнуть подвига внутренних браней, пусть наперед такую назначит себе и держит предосторожность, чтоб прежде уставом определенного и для всех общего часа подкрепления себя пищею, и притом вне трапезы, отнюдь не позволять себе принять что-нибудь из пищи или питья, какая бы приятность и сладость их ни манила к тому. Но и по окончании трапезы да не попускает он себе дерзнуть на нечто подобное, хотя бы то в малейшей малости. Равно должно ему строго соблюдать время и меру сна, как уставом положено. И этого рода похотения с таким же рвением надобно отсекаать, с каким должны мы отсекаать движения блудной страсти. Ибо кто не мог подавить излишние пожелания чрева, тот как сможет погасить разжжение плотского вожделения? И кто не мог укротить страсти явные и малые, тот как сможет победить тайные, проторгающиеся без всяких свидетелей?

37. Не внешнего врага надобно нам бояться: враг наш заключен в нас самих. Почему

и ведется в нас непрестанно внутренняя война. Одержжи мы в ней победу — и все внешние брани сделаются ничтожными, и все станет у воина Христова мирно и все ему покорно. Нечего будет нам бояться врага совне, когда то, что есть внутри нас, быв побеждено, покорится духу. Не должны мы верить, что нам для совершенства сердца и чистоты тела может быть достаточен один тот пост, который состоит в воздержании от видимых яств. Нет, к сему должно присовокупить еще и пост души. Ибо и она имеет свои вредные яства, от коих, отучнев, впадает в обрывы сладострастия и без обилия телесного питания. Осуждение ее есть пища, и притом преприятная. Гнев также ее есть пища, хотя не так легкая, а подчас вредная и даже смертоносная. Зависть есть пища души, ядовито повреждающая ее соки и непрестанно мучающая ее, несчастную, счастливыми успехами других. Тщеславие ее есть пища, которая на время услаждает ее приятным вкушением, а после делает пустою, обнаженною и лишенною всякой добродетели и оставляет бесплодную и неспособною приносить плоды духовные — и, следовательно, не только

лишает воздаяния за безмерные труды, но и привлекает большие наказания. Всякое похотствование и блуждание сердца непостоянного есть некое пасение души на своего рода пастбище, питающее ее вредными яствами, небесного же хлеба и твердой пищи делающее непричастною. Почему, в святом пощении нашем удерживаясь от всего этого, сколько сил есть, мы соделаем целесообразным и благоплодным соблюдение телесного поста. Ибо утруждение плоти, быв соединено с сокрушением духа, представит приятнейшую Богу жертву и устроит достойное Его святости обиталище в чистых и благоукрашенных сокровенностях сердца. Но если, постясь телесно, мы будем опутываться пагубнейшими страстями душевными, то никакой не принесет нам пользы измождение плоти, когда при этом оскверненными остаемся в драгоценнейшей нашей части, когда то есть мы бываем неисправны тою частию нашего естества, которая, собственно, соделывается жилищем Святого Духа. Ибо не плоть тленная, а сердце чистое соделывается обиталищем Богу и храмом Духа Святого. Итак, надлежит нам, когда постится внешний наш

человек, и внутреннего удерживать от вредных вкушений. Его особенно представлять чистым Богу, чтоб сподобиться принять в себя посетителем Христа, увещевает святой Апостол, когда говорит: *Во внутреннем человеке верою вселиться Христу в сердца ваши* (Еф. 3, 16–17).

38. Пищу надо избирать такую, которая бы умеряла, а отнюдь не возбуждала жар похоти плотской и притом была удобоприобретаема и сообразна с общим обычаем и употреблением братьев. Чревоугодие проявляется в трех видах: один побуждает упреждать уставом определенный час принятия пищи; другой любит насыщать и переполнять чрево пищею, какого бы рода она ни была; третий удовлетворяется лишь приятнейшими и изысканнейшими яствами. Почему против него монах должен соблюдать тройкое правило: во-первых, ожидать уставного времени разрешения на пищу; потом, не поблажать пресыщению; в третьих, довольствоваться простою какою-нибудь и дешевою пищею. А что в сем отношении допускается несообразного с общим обычаем и употреблением, того древнейшее предание отцов

не одобряет как оскверненного суетностию, тщеславием и хвастливостию. И мы никого не видели из тех, кои отличались даром ведения и рассуждения, и никого не знали из тех, коих благодать Божия выставила вперед, как блистательнейшие светила, для подражания, которые бы воздерживались от вкушения хлеба, почитаемого простым и не ценным. И, наоборот, никогда не видали мы, чтоб кто-нибудь из тех, которые употребляли только зелень, овощи и древесные плоды, имелся в числе опытнейших мужей или сподоблялся благодати рассуждения и ведения.

39. Дела любви должно предпочитать посту. Этому научились мы у египетских отцов. Ибо когда мы, желая узнать правила сих старцев, пришли из Сирии в Египет, то нас принимали там с изумительно живым радушием сердечным и, куда бы мы ни проходили, нигде для успокоения нас не стеснялись соблюдением определенного уставом часа для принятия пищи, как мы обвыкли видеть в монастырях Палестинских, но везде разрешали на пищу прежде того, кроме только среды и пятка. Один из старцев, когда

мы спросили его, почему у них так свободно мимоходится правило каждодневного поста, ответил нам: «Пост всегда со мною, вас же я не могу удержать с собою навсегда. При том хотя пост многополезен и всегда нужен, но он составляет жертву произвольную; исполнение же дела любви есть неотложимое требование заповеди. Итак, принимая в вас Христа, я должен напитать Его. Когда же провожу вас, тогда сделанное ради Него снисхождение могу вознаградить строжайшим постом. *Можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, кода с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни* (Лк. 5, 34–35).

40. Крайности, как говорят святые отцы, с той и другой стороны равно вредны — и излишество поста, и пресыщение чрева. Знаем мы некоторых, которые, не быв побеждены чревоугодием, низложены были безмерным постом и впали в ту же страсть чревоугодия по причине слабости, происшедшей от чрезмерного поста.

41. Нам надобно заботиться как о том, чтобы по желанию плотского удовольствия

не принимать пищи прежде назначенного времени или сверх меры, так и о том, чтоб употреблять ее в назначенный час, хотя бы и не хотелось, потому что и чрезмерное желание плотского удовольствия, и отвращение от пищи возбуждаются врагом нашим. Притом неумеренное воздержание вреднее пресыщения, потому что от последнего, в силу раскаяния, можно перейти к правильному действию, а от первого нельзя.

42. О том, как пройти между обеими крайностями, соблюдая разумную мерность, прежние отцы наши часто рассуждали, и всем родам пищи предпочли хлеб и мерою употребления его, — два небольшие хлебца весом около фунта.

43. Общее правило умеренности воздержания состоит в том, чтобы каждый сообразно с силами, состоянием тела и возрастом столько пищи вкушал, сколько нужно для поддержания здоровья тела, а не сколько требует желание насыщения. Кто не соблюдает одинаковой меры, но то постится чрезмерно, то пресыщается, тот вредит как молитве, так и целомудрию: молитве — потому что от неядения не может быть бодрым

в молитве, клонясь от бессилия ко сну; а целомудрию — потому что тот огонь плотской похоти, который возжигается от чрезмерного употребления пищи, продолжает действовать и во время строгого поста.

44. Мерное употребление пищи, по мнению отцов, состоит в ежедневном употреблении такого количества пищи, чтобы после вкушения ее еще чувствовался голод. Такая мера сохранит душу и тело в одинаковом состоянии и не попустит человека вдаваться ни в чрезмерный пост, расслабляющий тело, ни в пресыщение, подавляющее дух.

45. Предлагаем еще одно спасительное наставление блаженного Макария, чтоб книгу нашу о постах и воздержании назидательно заключить мнением такого мужа. Он говорит, что монах так разумно должен вести дело пощения, как бы имел пребыть в теле сто лет, и так обуздывать душевные движения — забывать обиды, отрывать печаль, ни во что ставить скорби и потери, — как могущий умереть каждый день. Этим советуется в отношении к первому, то есть посту, душеполезное благоразумие, которое бы заставляло монаха шествовать

всегда путем ровной строгости в воздержании, не позволяя ему, в случае даже изнеможения тела, переходить от строгости к излишеству, а в отношении ко второму, то есть обузданию движений душевных, спасительное великодушие, которое было бы сильно не только презирать то, что кажется благополучным в мире сем, но и пребывать несокрушимым несчастьями и скорбями и пренебрегать ими, как ничтожными, туда имея постоянно устремленным взор ума своего, куда каждый день и каждую минуту чает быть позванным.

Борьба с духом блуда

46. Вторая у нас, по преданию отцов, борьба есть с духом блуда, — борьба паче других долгая, всегдашняя и весьма немногими начисто препобежденная, брань лютая, которая начинает бороться с первого возраста зрелости — и не престаёт прежде препобеждения прочих страстей. Поелику восстание здесь бывает двоякое, двояким вооруженное оружием к борьбе, то и противостоять ему надобно тоже с двояким оружием

в руках. Недостаточно одного телесного поста к стяжанию совершенной чистоты целомудрия; его превосходить должны покаянное сокрушение духа и неотступная молитва против этого нечистейшего духа, потом непрестанное поучение в Писаниях в соединении с умным деланием, также труд телесный и рукоделие, удерживающее сердце от блуждания и возвращающее его в себя, паче же всего глубокое истинное смирение, без которого ни над какую страстию никогда не может быть приобретена победа.

47. Препобеждение этой страсти обуславливается совершенным очищением сердца, из которого, по слову Господа, исходит яд этой болести. *Ибо из сердца*, — говорит Он, — *исходят злые помыслы... прелюбодеяния, любоддеяния* и проч. (Мф. 15, 19). Итак, прежде надо очистить то, откуда исходит источник жизни и смерти, как говорит Соломон: *Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни* (Притч. 4, 23), ибо плоть покорствуется его произволению и власти. Закону постнического скуднопитания всеконечно должно следовать со всем усердием, чтоб обилием

яств насыщенная плоть, воспротивясь велениям души, в буйстве не низвергла долу правителя своего — духа. Но, если мы всю суть своего дела совместим в одном измождении тела, не постничествуя в то же время душою от прочих страстей и не занимая ее ни поучением в Божественном, ни другими духовными деланиями, то никак не возможем востечь на самый верх истинной чистоты, потому что в таком случае то, что в нас есть господственное, будет осквернять наше тело, хотя бы оно было чисто. Итак, нам должно, по указанию Господа, прежде очистить *внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их* (Мф. 23, 26).

48. Прочие страсти обыкновенно очищаются, кроме прочего, и обращением с людьми и каждодневными с ними занятиями и делами и некако врачуются самою неприятностию и досадою по причине падения в них. Так, например, порывы гнева, оскорбления, нетерпеливости кроме сердечного поучения и бодренного внимания врачуются и посещением братьий и частым вызыванием сих страстей. Так как они, будучи при сем раздражаемы, чаще обнаруживаются,

то чаще и обличаются, и скорее потому уврачевываются. Но эта болезнь, при измождении тела и сокрушении сердца, имеет нужду также в уединении и удалении от людей, чтоб, имея таким образом отклоненными поводы к пагубному лихорадочному разжжению ее, прийти скорее в состояние совершенного оздоровления. Как для больных какою-либо болезнью полезно бывает, чтоб вредные для них яства и на глаза им не были приносимы, дабы при взгляде на них не родилось у них смертоносное желание, так и к прогнанию этой особенно болезни (похотливости) много очень способствуют безмолвие и уединение, чтобы больная душа, не будучи вызываема вне разными лицами и вещами, свободнее восходила к чистейшему умному созерцанию и чрез то удобнее могла с корнем исторгать заразительное возбуждение похотения.

49. Иное дело быть воздержным, и иное — чистым, пришедшим в невозмутимое состояние целомудренной непорочности и девственной невинности. Такая добродетель приписывается одним девственникам и девственницам душою и телом, какими

признаются, например, в Новом Завете оба Иоанна (Предтеча и Евангелист), а в Ветхом — Илия, Иеремия, Даниил. На их степени стоящими не несправедливо почтеть и тех, кои, по падении, долгими подвижническими трудами и ревностным взысканием потерянного достигли до подобного им состояния чистоты и непорочности душевной и телесной и жало плоти чувствуют не столько по нападению срамной похотливости, сколько по движению лишь естества. И вот такого-то состояния, говорим мы, крайне трудно достигнуть среди многолюдства — даже и не невозможно ли? — что, впрочем, всякий пусть не чает узнать из нашего рассуждения, а сам пусть доищется до сего чрез испытание своей совести. Мы не сомневаемся, что есть очень много воздержных, которые нападение плоти, редко ли или каждодневно ими испытываемое, прогоняют и подавляют то страхом геенны, то желанием Царства Небесного. Относительно их старцы полагают, что, хотя они могут не быть совсем расстроены и побеждены страстными раздражениями, нельзя, однако ж, им быть безопасными от нападений и совсем неуязвимыми. Ибо тому, кто

находится в положении борющегося, хотя он и часто побеждает и одолевает противника, неизбежно иногда и самому испытывать тревогу и уязвление.

50. Если по сердцу нам с Апостолом законно подвизаться подвигом духовным (см.: 2 Тим. 2, 5), то не на свои силы (потому что человеческие усилия не сильны это совершить), но на помощь Господа надеясь, положим со всем рвением побеждать этого нечистейшего духа. Ибо до тех пор эта страсть не перестанет оспаривать у души победу, пока она (душа) не сознает, что успешно вести такую борьбу выше ее сил и что она своими трудами и своим усилием никак не может одержать победу, если не будет подкреплена помощью и заступлением Господа.

51. И действительно, если всякий успех в добродетели есть дело благодати Господа и преодоление всякой страсти есть Его победа, то преимущественно это дело (то есть стяжание чистоты и преодоление похотной страсти) есть особенная благодать и дар, как подтверждается мнениями святых отцов и опытами очищения от сей страсти, по свидетельству тех, кои сподобились стяжать его.

Ибо не чувствовать жала плоти есть некоторым образом то же, что, пребывая в теле, выйти из плоти, облакаясь плотию, быть вне естества. И потому невозможно человеку на своих, так скажу, крыльях взлететь на такую небесную высоту совершенства, если благодать Господня даром чистоты не извлечет его из тины земной. Ибо люди плотяные никакую добродетелию так близко не уподобляются небесным Ангелам в подражании их жизни, как стяжанием благодати чистоты, чрез которую они, еще продолжая жить на земле, имеют, по Апостолу, *жительство на небесах* (Флп. 3, 20) и здесь, в бренной плоти, обладают уже тем, что обещается святым в будущей жизни, по отложении тленной плоти.

52. Слушай, что говорит Апостол: *Все подвижники воздерживаются от всего* (1 Кор. 9, 25). Он выставляет подвижающегося на ристалищах в образец нам в духовном нашем подвижничестве. Тот, для успеха в состязаниях, не только от всякой запрещенной пищи, пьянства и нетрезвости воздерживается, но и от бездействия, праздности и лени, стараясь постоянным упражнением и вниканием в дело и силы свои развить,

и уменье приобрести; он оставляет всякую заботу и печаль о делах житейских и супружеских, одною томя себя заботою: как бы возыметь успех и получить победный венец; особенно же он заботится хранить себя чистым от осквернения плотского, чтоб даже и во сне как-нибудь не обольститься срамными грезами и чрез то не умалить силы, приобретенной долгим временем и немалою заботою. Тут видишь ты все, что надлежит делать и духовному подвижнику; видишь и то, что для успеха в духовном твоём делании и тебе предлежит преимущественно хранить чистоту и целомудрие. Ибо если там, в мирских внешних состязаниях о венцах тленных, так необходима чистота, то сколь безмерно необходимее она в нашем духовном внутреннем стремлении к венцам небесным? У нас требуется не внешняя только чистота от плотского греха или невольного осквернения, но наипаче и внутренняя чистота мысли и чувства. Нам надлежит всяким хранением блюсти чистыми самые сокровенности сердца. Что те (ристалищные состязатели) желают иметь только телесно, тем мы должны обладать в глубинах совести,

в коей подвигоположник наш Господь зрит до малейших черт все движения нашего произволения. Надлежит убо нам тому, что боимся сделать открыто, не допускать возникнуть внутри неосторожным помышлением и, что стыдимся обнаружить пред людьми, тем не оскверняться и тайным в сердце согласием. Ибо хотя это и может укрыться от людей, но не может утаиться от Ангелов и Самого Всемогущего Бога, от Которого не сокрыты никакие тайны.

53. Признаком и мерою совершенства стяжанной чистоты можно поставить то, если у нас, когда отдыхаем или разнеживаемся в глубоком сне, не возникает никакого обольстительного образа или если возникает какой, то не силен бывает возбудить никаких движений похотных. Ибо такое движение, хотя не вменяется в полную вину в грехе, однако ж служит верным признаком, что душа еще не достигла совершенства, и показывает, что страсть еще не дочиста исторгнута, когда мечтательные образы успевают производить такого рода наругание.

54. Качество помыслов, которое среди развлечений дня не совсем тщательно

охраняется, обнаруживается во время ночного покоя; и потому, когда случилось сказанное наругание, то в этом не сон должно почитать виновным, а нехранение внимания в предшествующее время и видеть в сем обнаружение скрывающейся внутри болести, которую ночной час не породил впервые (как не бывшую прежде), а только, скрытую во внутренних фибрах души, вывел на поверхность кожи во время подкрепления тела сном, обнаруживая внутренний лихорадочный жар страсти, который сами мы возожгли, питаясь в продолжение всего дня недобрыми помыслами. Так и телесные болезни не в то время порождаются, в какое видимо обнаруживаются, но наживаются в предшествующее тому время, когда кто, без осторожности питаясь всякою вредною для здоровья пищею, собирает в себя болезнеродные соки.

55. Се и Сам Бог, Творец и Создатель всего рода человеческого, зная лучше всех природу творения Своего, туда направляет врачевание, откуда главным образом исходят причины страстной болести сей, когда говорит: *Всякий, кто смотрит на женщину*

с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем (Мф. 5, 28). Делая замечание о сладострастии глаз, Он не столько их обличает, сколько то внутреннее чувство, которое худо пользуется их услугою в смотрении. Это сердце, больное и уязвленное стрелою похотения, смотрит с вожделением, благодеяние зрения, дарованное Творцом на добро, обращая по своей страстности на служение худым делам и скрытую в нем самом болезнь сладострастия изводя в явь по поводу воззрения. Почему и спасительная заповедь предписывается тому, по чьей страстности происходит злое уязвление чрез зрение. Ибо не говорится: всяким хранением блюди очи твои, но: *Больше всего хранимого храни сердце твое* (Притч. 4, 23).

56. Первым и главным действием хранения чистоты сердца да будет у нас то, чтоб, когда по тонкой подсаде дьявольской злокозненности прокрадется в ум наш воспоминание о каком-либо лице женского пола, хотя бы то матери, сестер, родных и даже святых жен, — мы как можно скорее спешили изгнать его из наших мыслей, дабы, если долго промедлим в таких помышлениях, враг, наш

обольститель, от этих жен не перевел незаметно ума нашего и к таким, чрез которых мог бы всеять душевредные мысли. Почему, стараясь исполнить заповедь *больше всего хранимого храни сердце твое*, мы должны, по первоначальному Божию повелению, заботливо блюсти ядоносную главу змия (см.: Быт. 3, 15), то есть начатки злых помышлений, чрез которые диавол покушается вползти в нашу душу, чтобы, если глава его по нашему небрежению проникнет в наше сердце, не вползло туда и все тело его, то есть не породилось из нечистых помышлений и согласие на греховное услаждение. Когда же враг будет впущен внутрь, то, пленив душу, конечно убьет ее ядовитым угрызением своим. Возникающих на земле нашей грешников, то есть плотские чувства, также должны мы избивать во утрия их рождения (ср.: Пс. 100, 8) и разбивать о камень сынов Вавилона, пока еще они младенцы (ср.: Пс. 136, 9). Ибо если не будут они избиты, пока еще нежны и слабы, то, выросши по нашему потворству, они с большою силою восстанут на нас и или погубят нас, или, если будут побеждены, то, конечно, не без больших воздыханий

и трудов. Ибо, когда сильный, то есть дух наш, с оружием охраняет свой дом, то есть охраняет покой сердца нашего страхом Божиим, *тогда в безопасности его именование* (Лк. 11, 21), то есть плоды трудов его и добродетели, долгим временем стяжанные. Когда же сильнейший *его нападет на него и победит его*, то есть диавол чрез согласие с внутренними от него помыслами, *тогда возьмет все оружие его*, на которое он надеялся, то есть памятование Писаний, или Страх Божий, — *и разделит похищенное у него* (Лк. 11, 22), то есть навыки в добродетелях развеет всякими противоположными им пороками.

57. *Сия есть*, — говорит святой Павел, — *воля Божия — святость ваша* (1 Фес. 4, 3). И, чтоб не оставить в нас сомнения или темного непонимания, что именно называет он святостию, — правду ли, или любовь, или смирение, или терпение, — ибо всеми сими добродетелями приобретается святость, — он далее прямо обозначает, что, собственно, хотел назвать святостью: *Ибо воля Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда, чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести,*

*а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога (1 Фес. 4, 3–5). Смотри, какими похвалами превозносит он целомудрие, называя его честью сосуда, то есть тела нашего, и святынею. Следовательно, напротив, кто пребывает в страсти похотной, тот находится в состоянии бесчестия и нечистоты и живет чуждо святости. Немного ниже св. Павел еще прибавляет, опять называя целомудрие святостию: *Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости. Итак, непокорный (презирающий это) непокорен не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святого (1 Фес. 4, 7–8).* Ненарушимую силу и важность придал он заповеди своей, когда сказал, что, кто отменяет сие, то есть то, что я сказал, тот не человека презирает, то есть меня, заповедающего сие, но Бога, во мне говорящего, Который и Духу Своему Святому назначил в обиталище сердце наше. Видишь ли, какими в простых словах похвалами превознес он сию добродетель! Во-первых, ей, собственно, приписывает святость, потом утверждает, что ею сосуд тела нашего освобождается от всякой нечистоты, в-третьих, что, извергну срамную нечистоту, сосуд сей*

будет пребывать в чести, как святыня, наконец, что есть самое высшее ее преимущество: чрез нее обитателем сердца нашего будет Дух Святой.

58. Приведу и другое подобное сему свидетельство того же Апостола. Пиша к Евреям, он говорит: *Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12, 14). И здесь также он ясно утверждает, что без святости, которую обыкновенно называет непорочностию и чистотою души и тела, совершенно невозможно видеть Бога.

59. Чем выше и небеснее достоинство целомудрия, тем сильнее вызывает оно наветы вражеские. Почему тем усиленнее должны мы соблюдать не только воздержание тела, но и сокрушение сердца с непрестанными молитвенными воздыханиями, чтоб печь плоти нашей, которую царь Вавилонский непрестанно покушается поджечь поджошками плотских подсад, непрестанно же угашать и охлаждать нисходящею в сердца наши росой Духа Святого.

60. Такое настроение можно нам удерживать постоянно, если будем всегда помнить,

что Бог есть ночной и дневной Зритель и Знатель не только тайных дел наших, но и всех помышлений, — и веровать, что мы имеем дать Ему ответ и за все, что вращается в сердце нашем, как за все дела и поступки наши.

61. Чтоб даже во время сна нечистые грезы не оскверняли нас, для этого всегда надобно держать равномерно умеренный пост. Ибо кто нарушит разумную меру строгости в воздержании от пищи, тот потом непременно зайдет и за должную меру послабления себя в сем. С изменением же меры подкрепления себя пищею неизбежно должно изменяться и качество нашей чистоты. Но при сем должно иметь постоянное смирение сердца и терпение, равно как внимательное предохранение себя в течение дня от гнева и прочих страстей. Ибо коль скоро упадет в нас огонь гнева, то после легко проникнет к нам и жар похоти. Паче же всего необходимо бодренное блюдение себя ночью. Ибо как чистота и охранение себя днем предуготовляют чистоту ночную, так и ночная бодренность предпосылает сердцу, равно как и вниманию к себе, силу и крепость противостоять всему нечистому дню.

62. Можно ли совсем погасить огонь похоти, коей жар как бы врожденным чувством в себе плоть наша? Поищем наперед, что полагает о сем блаженный Павел. *Умертвите*, — говорит он, — *земные члены ваши* (Кол. 3, 5). Какие же это члены заповедует он умерщвлять? Конечно, не руки и ноги или другие какие части отсекаать, а истреблять тело греховное, о коем в другом месте говорит он: *Чтобы упразднено было тело греховное* (Рим. 6, 6), — и которое, как всякое другое тело, имеет и свои члены. Их-то и заповедует Апостол умертвить. А какие это именно, он тут же и перечисляет. Ибо, сказав: *Умертвите земные члены ваши*, продолжает: *Блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение*. Первый член — блуд: это грех плотского незаконного совокупления; второй член — нечистота, которая без всякого прикосновения к женщине иногда случается во время сна или и во время бодрствования; третий член — страсть, которая, находясь в сокровенности души, может воспламеняться и не по действию похотения в теле; четвертый член — злая похоть,

которая может относиться не только к вышесказанной страсти нечистой, но и вообще ко всем пагубным вожделениям и которая есть только болезнь развращенной воли; последним членом греховного тела ставит Апостол любостяжание, внушая, что не только должно воздерживаться от пожелания чужих вещей, но и свои надобно великодушно презирать, как действительно и поступало упоминаемое в книге Деяний первое общество верующих (см.: Деян. 4, 32–35). Из всего сказанного делаю такое заключение: если многие ради Христа отвергли свое имущество, так что не только обладание деньгами, но и желание их от сердец своих отсекли, то следует, что таким же образом можно погасить и блудное разжжение. Ибо Апостол не соединил бы невозможного дела с возможным. Но, признавая то и другое возможным, заповедал равно то и другое умертвить. И настолько блаженный Павел уверен был в возможности искоренить блудную страсть из членов наших, что не только заповедал умертвить ее, но повелел, чтоб даже и имя ее не было произносимо между нами, говоря: *А блуд и всякая нечистота и любостяжание*

не должны даже именоваться у вас, как прилично святым; также и сквернословие, и пустословие, и смехотворство неприличны вам (Еф. 5, 3–4). Потому не может быть сомнения, что страсть блуда может быть истреблена из членов наших, — так как Апостол повелел отсекал их так же, как и любостяжание, суесловие, смехотворство, которых отсечение удобно.

63. Впрочем, мы должны знать, что, хотя бы мы соблюли всю строгость воздержания, и именно голод, жажду, бдение, постоянный труд, и с неослабным усердием занимались чтением душеспасительных книг, не можем, однако ж, сами, посредством этих подвигов, приобрести непрерывную чистоту целомудрия, если не придет к нам на помощь особенная благодать Божия. Да ведает всяк, что он должен неутомимо упражняться в сказанных подвигах только для того, чтобы, терпеливо переносимую прискорбность от них приклонив к себе милосердие Божие, сподобиться Божественного дара освобождения от брани плоти и от господства преобладающих страстей, а не в той надежде, будто он сам собою посредством их

может достигнуть несокрушимой чистоты целомудрия телесного, которого так желает и ищет.

64. Желания настоящих вещей не могут быть подавлены или отвергнуты, если вместо них не будут восприняты другие, спасительные. Потому если желаем истребить плотские вожеления из сердец наших, то на место их должны поскорее насадить желания духовные, чтобы дух наш, всегда стремясь к предметам их, не имел ни охоты, ни времени обращать внимание на прелести преходящих радостей земных. И когда дух наш каждодневными упражнениями в духовном делании установится в таком настроении отрешения от всего, тогда опытно уразумеет и силу следующего стиха, который и все мы нередко повторяем, но силу которого ведают лишь немногие опытные: *Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь* (Пс. 15, 8). Только тот действительно постигает силу и смысл сего стиха, кто, достигнув до той чистоты тела и духа, о коей говорим, сознает, что он в каждую минуту охраняется Господом, чтобы опять не уклонился на прежнее, и что десница его, то есть

святые действия, постоянно ограждаются Им. Ибо Господь всегда присущ святым Своим не по левую сторону — потому что святой муж не имеет ничего левого, то есть худого, — но по правую. А для грешников и нечистых Он бывает невидимым, потому что они не имеют правой стороны, на которой Он обыкновенно бывает присущ.

65. Много степеней целомудрия, по которым восходят к непоколебимой чистоте. Лестницу такого усовершенствования целомудрия я разделю на шесть степеней, которые, однако ж, в действительности проходятся незаметно, по подобию наших тел, которые в каждый день нечувствительно получают себе приращение и без нашего ведома вырастают до совершенного своего вида. Первая степень целомудрия есть, если монах не подвергается возмущению плотской похоти в бодрственном состоянии; вторая — если ум не замедляет в сладострастных помыслах; третья — если при виде женщины нимало не тревожится вожделением; четвертая — если в бодрственном состоянии не допускает и простого движения плотского; пятая — если и самое тонкое согласие

на плотское действие не ранит ума, когда рассуждение или чтение приведет на память человеческое рождение; шестая — если даже и во сне не бывает возмущаем соблазнительными мечтами о женщинах.

66. Полная целомудренная чистота от начатков воздержания от похотных мыслей и движений отличается совершенным успокоением плотских возбуждений и покоем от них. Совершенно созревшее целомудрие всегда хранит невозмутимую и неколебимую чистоту тела и души и есть не что иное, как святость. Это бывает, когда плоть, перестав похотствовать на духа, начинает согласовываться с его желаниями и добродетелию и когда они оба соединятся между собою твердым миром и, по изречению псалмопевца, как братья, станут жить вкупе (см.: Пс. 132, 1). Тогда и Бог с ними бывает, ибо говорится, что *в мире место Его* (Пс. 75, 3), — то есть не в шуме брани и борьбы со страстями, а в мире целомудрия и в постоянном покое сердца. Почему когда кто, чрез погашение плотских страстей, сподобится стяжать это место мира, то в то же время делается и жилищем Божиим.

Борьба с духом сребролюбия

67. Третья борьба предстоит нам с духом сребролюбия — со страстию, чуждою и несвойственною нашей природе и в монахе порождающеюся не от чего другого, как от малодушия слабоэнергичной души и не как следует настроенной и большею частию от худо положенного начала отречения от мира, в основе коего не лежала горячая любовь к Богу. Прочие движения страстей, кажется, в нас самих имеют начало, будто насажденные в человеческой природе и некакo внедренные в плоть. Они, будучи современны нашему рождению, движением своим предваряют проявление в нас способности различать добро и зло — и препобеждаются не иначе, как долгим трудом. А эта болюсть (сребролюбие) позднее их привходит и совне навязывается душе, почему легче может быть предотвращена и извергнута. Но если по беспечности она будет пренебрежена и однажды впущена в сердце, то бывает более всех губельна и труднее всех изгоняема, ибо соделывается корнем всех зол (см.: 1 Тим. 6, 10), служа источником возбуждения разных страстей.

68. Эта страсть, если улучит власть над малодушною и холодною душою монаха, то сначала побуждает его к малому стяжанию, во впечатлительных картинах описывая ему некоторые будто справедливые и разумные причины, по коим ему необходимо или уберечь для себя несколько денег при отречении от мира, или приобрести после того. «Того, — жалуется она, — что дается в монастыре, недостаточно и едва сносно для здорового и крепкого тела. Что будешь делать, если приключится телесная болезнь, а у тебя не будет припрятано что-нибудь на случай, чем бы пособить себе в немощи? Содержание монастырское прескудно, небрежение же о больных превеликое. Если ничего собственного не будет у тебя, что можно бы употребить на поправление телесного здоровья, то придется тебе умереть жалким образом. Да и самая одежда, доставляемая монастырем, недостаточна, если не промыслишь иметь нечто, на что мог бы достать себе другую. Наконец, нельзя бывает все время прожить в одном и том же монастыре; а в таком случае, если не приготовишь себе денег на путевые расходы и переправу чрез море,

то не сможешь, когда захочешь, переселиться оттуда и, таким образом будучи стеснен крайнею бедностию, постоянно будешь влачить жизнь работническую и жалкую без всякого успеха». Когда такими помыслами опутает ум свой монах, тогда начинает придумывать, как бы приобрести хоть один динарий, и с этою целию приискивает какую-либо частную работу, которую и исполняет со всею заботливостию, без ведома аввы своего. Продав ее потом тайно и получив желанную монету, в страхе за нее суетится он и хлопочет, где бы ее положить или чьему бы хранению ее вверить; а между тем уже начала точить его еще острейшая забота, как бы удвоить эту монету, — и он напряженно строит важные планы, что бы такое купить на нее и какой бы с нею употребить для сего оборот. Когда же и это удастся ему, по его желанию, тогда у него возникает жаднейшая алчба золота, которая затем все тем сильнее и сильнее разгорается, чем большее количество прибыли получается, ибо с умножением денег увеличивается и неистовство страсти к ним. В поджожку ей приходят далее и другие заботливые помышления: обещается долгая жизнь, преклонная

старость, немощи разные и продолжительные, которых в старости и перенести не будет возможности, если в ранние лета не заготовишь побольше денег. Так несчастная душа, связана будучи узами сей змеи (сребролюбия), все далее и далее влечется в желании с непотребною заботою умножать недобре начатое собрание имущества, сама в себе порождая заразу, которая все жесточе и жесточе пожирает ее, подобно пламени. Будучи вся поглощена корыстолюбным помыслом, она ни на что не обращает сердечного воззрения, кроме того, откуда могла бы достать денег, чтоб с ними поскорее улететь из-под ига монастырской строгости. Коль скоро блеснет ей какая-либо надежда на получение денег, тут она ничем уже не дорожит: из-за нее она не погнушается ни ложью, ни клятвоступлением, ни воровством, ни нарушением верности. Словом, золото и чаяние корысти во всем бывает для нее богом, как для иных чрево. Почему блаженный Апостол, провидя пагубный яд сей болезни, назвал ее не только корнем всех зол, но и идолослужением, говоря: *И любостяжание* (умертвите), *которое есть идолослужение* (Кол. 3, 5).

69. Есть три вида этого недуга, которые всеми отцами с одинаковым отвращением осуждаются: один тот, гибельность которого мы выше описали, — который, обольщая некоторых несчастных, убеждает их собирать то, чего они и прежде не имели, когда жили в мире; второй тот, который побуждает опять возжелать и возвратить то, что оставили в начале своего отречения от мира; третий тот, который, зарождаясь при самом не добре полагаемом начале иночества, приемлемого с несовершенным от всего отречением, не допускает тех, которых успеет заразить этою холодностию душевною, совершенно обнажить себя от всех достояний мирских, устранив их скудостью всего вперед и расслабив неверием, потом, за удержание при себе денег и другого имущества, которые должны были оставить, отрекаясь от мира, никак не дает уже оно им достигнуть Евангельского совершенства. И в Святом Писании находим мы примеры осуждения этих трех видов падения с нелегкими для них наказаниями. Так, Гиезий, желая получить то, чего и прежде не имел, не только не удостоился получить благодать пророчества,

которую имел получить от учителя своего как бы по наследственному преемству, но и поражается проказою по проклятию Елисееву (см.: 4 Цар. 5, 21, 27). Иуда же, желая возвратить себе деньги, которые прежде, последовав за Христом, отверг, не только впал в предательство Господа и потерял сан Апостольства, но и жизнь свою общим исходом окончить не удостоился, заключив ее самонасильственной смертию (см.: Мф. 27, 5); а Анания и Сапфира, удержав некоторую часть из того, чем владели, из уст Апостольских наказываются смертию (см.: Деян. 5, 1–11).

70. Об этих, которые отреклись от мира, но потом, быв побеждены неверием, боятся оставаться обнаженными от всякого земного имущества, таинственно предписывается во Второзаконии: *Кто боязлив и малодушен да не исходит на войну, но пусть идет и возвратится в дом свой, дабы он не сделал робкими сердца братьев его, как его сердце* (Втор. 20, 8). Что, спрашивается, очевиднее этого пророчества? Не явно ли желает Святое Писание, чтоб они лучше и начала не полагали такому званию, и имени его не принимали

на себя, чем и других своим словом и худым примером расслаблять неверным страхом своим и отклонять от Евангельского совершенства. Итак, им повелевается, чтобы уходили с брани и возвращались в дом свой, потому что с раздвоенным сердцем никто не может сражаться на войне Господней. *Ибо человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих* (Иак. 1, 8). И, вникая в смысл той Евангельской притчи, в коей говорится, что царь, вышедший с десятью тысячами против другого, шедшего на него с двадцатью тысячами, не надеясь иметь успех в сражении с ним, пока еще тот далече был от него, послал просить мира (не желая, очевидно, и начинать сражения), приходим к тому же заключению, что и означенным выше лицам лучше совсем не полагать начала отречению от мира, чем, начавши, после выдерживать его не усердно и не во всей точности, подвергая себя чрез то большой опасности. Ибо, как говорит Премудрый, лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить: *Что обещал, исполни* (Еккл. 5, 4). Хорошо здесь говорится, что этот с десятью тысячами идет, а тот с двадцатью. Ибо число

страстей, нападающих на нас, больше числа добрых расположений, сражающихся за нас. Но *никто не может... служить Богу и маммоне* (Мф. 6, 24), и: *никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9, 62).

71. Такие обыкновенно позволительность для себя любостязания, подобного преждему, стараются оправдать авторитетом Святого Писания. Истолковывая его в неправом смысле, они с радостию готовы извратить и по своему желанию изменить мысль Апостола и даже Господа, не свою жизнь или разумение приспособляя к смыслу Писания, но Писанию делая насилие по желанию своего самоугодия. Желая и в настоящем случае показать, что Писание согласно с их мнением, они говорят: написано: *Блаженнее давать, нежели принимать* (Деян. 20, 35). Превратнейшим образом понимая сии слова, они полагают, что ими совершенно уничтожается сила того изречения, в коем говорится: *Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19, 21). Думают

они, что по такой благовидности им не должно оставлять свое богатство, и провозглашают себя блаженнейшими паче оставивших его, когда, будучи сами обеспечены прежним имуществом, от избытка его уделяют и другим; между тем как стыдятся воспринять со Апостолом славную нищету ради Христа и не хотят довольствоваться трудами рук своих и монастырским скудноватым содержанием. Им остается одно из двух: или сознать себя самопрельщенными и никогда не отрекавшимися от мира, когда так пристрастны к прежнему богатству; или, если хотят самым делом и трудами испытать монашеское звание, все отвергнуть и расточить, чтоб, ничего не удерживая при себе из того, от чего отrekliсь, хвалиться со Апостолом голодом и жаждою, холодом и наготою (см.: 2 Кор. 11, 27).

72. Ходит изречение св. Василия, епископа Кесарийского, которое он сказал одному сенатору, цепеневшему такую, о коей у нас речь, холодностию, — который, говоря, что отрекся от мира, удержал при себе нечто из своего имущества, не хотя содержать себя трудами рук своих и обучаться истинному

смирению скудостью во всем, прискорбным трудом и монастырскою подчиненностью: «И сенатора, — сказал он ему, — ты потерял, и монахом не сделался».

73. Итак, если хотим законно подвизаться духовным подвигом, то изгоним из сердца наших и этого губительного врага, которого сколько победить не велико, столько быть от него побежденным бесчестно и безобразно. Ибо быть поражену сильным хотя больно, по причине повержения долу, и сожалетельно, по причине потери победы, но в таком случае для побежденных некое исходит утешение из сознания сильности противника. Если же придется это испытать, когда и противник плохонький, и род ратоборства нетруден; тогда, гораздо больнейший боли повержения долу, будет причинен унижительный стыд и гораздо тяжелейший урона срам.

74. Окончательной победы и совершенного торжества над этим врагом можно ожидать только тогда, когда совесть монаха не будет запятнана обладанием даже малейшей монеты. Для того же, кто, увлекшись хотя бы маленьким денежным подарком, однажды

воспринял в сердце свое корень любостязательной похоти, невозможно тотчас же не загореться огнем желания большего. И воин Христов до тех пор будет победителем, будет находиться вне всякой опасности, недоступным нападению сей страсти, пока сей непотребнейший дух не посеет в сердце его начатков своей похоти. Почему, как во всех родах страстей главным образом надобно блюсти главу змия, так особенно в отношении к этой надлежит тщательнейшие держать предосторожности, чтоб как-нибудь не проникла внутрь глава ее. Ибо если она будет впущена внутрь, то своею же материю питаясь и приходя в силу, сама по себе разожжет чрезмернейший пожар. И потому не только обладания деньгами надобно опасаться, но и самое желание их совсем надлежит исторгнуть из души и не столько избегать дел сребролюбия, сколько отсекать с корнем страсть его, ибо никакой пользы не принесет нам неимение денег, если в нас будет желание иметь их.

75. Возможно и не имеющему денег не быть свободну от болезни сребролюбия; и никакой пользы не принесет действие

обнажения себя от всего тому, кто не смог отсечь страсти любостяжания, усладившись делом обнищания, а не самую добродетелию нищеты и не без туги сердца помирясь с тяжелою необходимостью (так поступить). Ибо как иных не оскверненных телом Евангельское слово провозглашает нечистыми сердцем (см.: Мф. 5, 28), так и несколько не обремененным тяжестью денег возможно быть осужденными вместе со сребролюбцами, по сердцу и уму. Им не доставало только случая к стяжанию, а не воли, которая в очах Божиих всегда имеет более веса, чем необходимость. Почему нам надобно всячески заботиться, чтобы плоды трудов наших не пропали даром, ибо достойно сожаления — последствия обнажения себя от всего и обнищания терпеть, а плоды сего терять по причине бесплодного грешного пожелания воли.

76. Хочешь ли знать, какие пагубные плоды приносит и какие разветвления других страстей пускает из себя эта страсть на пагубу того, кто ее воспримет, — если не будет тщательно истреблена? Посмотри на Иуду, причисленного к сонму Апостолов! Как она

его, не похотевшего стереть смертоносную главу сего змия, сгубила ядом своим, опутав сетями вожделения своего, в какую стремнистую пропасть преступления низвергла, когда научила за тридцать сребренников продать Искупителя мира и Виновника человеческого спасения? Он никак не был бы доведен до такого безбожного дела предательства, если б не был заражен болезнью сребролюбия, и не сделался бы святотатственным виновником убиения Господа, если б прежде не привык окрадывать вверенный ему ковчежец.

77. Вот разительнейший пример тиранства этой страсти, которая, как мы сказали, однажды плененной ею душе не попускает уже соблюдать никакого правила честности и никаким увлечением прибытка не дает насытиться. Ибо конец неистовству ее полагается не разбогатением, а обнажением себя от всего. Вот и этот самый Иуда, получив в свое распоряжение назначенные для раздаяния бедным вложения, с тем чтобы, насытившись обилием этих денег, по крайней мере умерил свою страсть, таким, напротив, непомерным разгорелся возбуждением

страсти, что не только окрадывал тайно ковчежец, но и Самого Господа продать восхотел. Ибо неистовство сей страсти не насыщается никакою громадностью богатства.

78. Посему-то святой апостол Петр, зная, что имеющему что-либо по страсти невозможно уже удержать в должных пределах любостяжание и что конец сей страсти полагает не сумма малая или большая, а совершенное от всего обнажение себя, смертью наказал Ананию и Сапфиру за то, что они нечто удержали для себя из своего имени. И погибли они за ложь по любостяжанию, как Иуда сам себя погубил по вине предания Господа. Какое между ними сходство в преступлении и в наказании! Там сребролюбие привело к предательству, а здесь ко лжи. Там истина предается, а здесь совершается грех лжи. Хотя действие греха там и здесь повидимому не сходно, но они оба сходятся в одинаковой цели. Тот, чтоб избавиться от бедности, воспохотствовал снова поиметь то, что, было, отверг; а эти, чтоб не сделаться бедными, покусились удержать для себя нечто из имени своего, которое должны были или Апостолам все верно принести, или все

раздать братьям. Оттого-то в том и другом случае и последовало одинаковое наказание смертию, что тот и другой грех произрос из одинакового корня сребролюбия. Если теперь (сделаем дальнейшее наведение) на тех, которые не чужих стяжаний воспохотели, но свои собственные покусились приберечь и не имели вожделения стяжевать, а только желание уберечь, изшел такой строгий приговор, то что сказать о тех, которые вожделевают собирать деньги, которых никогда не имели, и, выказывая пред людьми нищету, пред Богом оказываются богатыми по страсти любостяжания.

79. Любостяжателей должно признавать прокаженными духом и душою, подобно Гиезию, который, вожделев тленных денег мира сего, поражен был заразительною нечистою проказою. Ею-то он и оставил нам очевидное указание на то, что душа, оскверненная преступною страстию к любостяжанию, поражаема бывает духовною заразою страстей и имеется пред очами Господа нечистою с вечным проклятием.

80. Итак, если, стремясь к совершенству, оставил ты все и последовал Христу,

вняв слову Его: *Пойди, продай имение твое и раздай нищим и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за мною* (Мф. 19, 21), то зачем, возложив уже руку на рало, озираешься вспять, чтоб словом того же Господа провозглашену быть не гожим для Царствия Небесного (ср.: Лк. 9, 62)? Поставленный на кровле — высоте Евангельского совершенства, — для чего сходишь опять в дом свой, чтоб взять оттуда что-либо из того, что прежде того так охотно презрительно тобою (см.: Лк. 17, 31)? Поставленный на поле делания добродетелей, зачем опять усиливаешься облечь себя бременем мирского стяжания, от которого ты обнажил себя при отречении от мира? Если же ты тогда, бедностию предупрежденный, не имел что оставить, то тем менее следует тебе теперь приобретать то, чем прежде не владел. Это, по особенному Божию благоволению к тебе, ты так приготовлен был (бедностию к отречению от мира) — для того, чтоб, не связанный никакими путами стяжаний, тем поспешнее ты притек к Нему. Впрочем, да не унижается никто из бедных за это (что не имеет, что оставить), ибо никого нет, кто бы не имел,

что оставить. От всех стяжаний мира отрекся тот, кто с корнем отсек самую страсть к приобретению их.

81. Эту добродетель нестяжательности сохранить целою и неповрежденною мы иначе не можем, как живя в монастыре, если, по Апостолу, *имея пропитание и одежду, будем довольны тем* (1 Тим. 6, 8).

82. Итак, держа в памяти осуждение Анании и Сапфиры, убоимся удерживать что-либо из того, что совершенно оставить дали обет, намереваясь отречься от мира. Страшась также примера Гиезия, который за грех сребролюбия наказан неисцельною проказою, поопасемся стяжевать то, чем прежде не владели. Равно ужасаясь как злодеяния Иудина, так и исхода его, будем всеми силами избегать собирания снова денег, от которых отказались однажды навсегда. Сверх же всего этого, помышляя о смертности нашего естества и неизвестности часа смертного, поопасемся, чтобы день Господень, наступив, как тать в ночи, не застал нашей совести запятнанною стяжанием, хотя бы и одного овола, ибо он и один, упразднив все плоды нашего мироотречения, сделает, что сказанное

в Евангелии богачу гласом Господа будет обращено и к нам: *Безумный, в сию ночь душу твою возьмут у тебя, кому же достанется то, что ты заготовил?* (Лк. 12, 20).

И, нимало не думая о завтрашнем дне, никак не попустим себе уклониться от устава общежития. Чего, без сомнения, мы никак не сможем исполнить, не сможем также мирно прожить под правилами монастырского устава, если в нас не будет прежде на прочном основании утверждена добродетель терпения, источником коего служит не другое что, как смирение.

Борьба с духом гнева

83. В четвертой брани предлежит нам с корнем исторгнуть из глубины нашей души смертоносный яд гнева. Ибо доколе он гнездится в сердцах наших и ослепляет око ума нашего пагубным мраком, дотоле мы не можем ни стяжать правильного различения добра и зла и остроты досточестного созерцания, ни обладать зрелостью совета, ни быть причастниками жизни, ни держаться неуклонно правды, ни даже воспринимать

истинный духовный свет, ибо сказано: *Смятется от ярости око мое* (Пс. 6, 8); не можем соделаться причастниками мудрости, хотя бы мнением всех были провозглашаемы премудрыми, так как *гнев гнездится в сердце глупых* (Еккл. 7, 9); не можем достигнуть и жизни долговечной, хотя бы по определению людей почитаемы были разумными, потому что *гнев губит и разумных* (Притч. 15, 1); не сможем всегда добре держать весы правды по указанию сердца, *ибо гнев человека не творит правды Божией* (Иак. 1, 20); никоим образом не можем обладать и важною почтенностию, так обычно даже и между людьми века сего, хотя бы по преимуществам рождения почитаемы были знатными и почтенными, так как *муж ярый не благообразен* (Притч. 11, 25), никак не можем обладать и зрелостию совета, хотя бы казались стяжавшими обширные познания, ибо *вспыльчивый может сделать глупость* (Притч. 14, 17); не можем быть покойны от тревог и смущений и свободны от грехов, хотя бы от других вовсе не было нам причиняемо беспокойств, так как *человек гневливый* (сам после) *заводит ссору, и вспыльчивый много*

грешит (обнаруживает не стыдясь) (Притч. 29, 22).

84. Некоторые, усиливаясь извинить эту пагубную болезнь души, покушаются ума-лить ее (непотребность) при помощи непо-требнейшего толкования Писаний, говоря: не беда, если гневаемся на братьев погрешаю-щих, так как и Сам Бог воспламеняется гне-вом и яростию против тех, которые или не хо-тят знать Его, или, зная, не чтут как должно, как, например: *И воспылал гнев Господа на народ Его* (Пс. 105, 40), или как в другом месте, где пророк молится, говоря: *Господи, не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня* (Пс. 6, 2). И не разуме-ют они, что вместе с тем как чрез это дают людям свободу действовать по сей страсти на пагубу себе, еще и Богу беспредельному, Источнику всякой чистоты, нечестиво при-писывают нечистую плотскую страсть.

85. Если эти и подобные места Писания понимать буквально, в грубом чувственном значении, то выйдет, что Бог спит и пробуж-дается, сидит и ходит, обращается к кому и отвращается от него, приближается и уда-ляется, — и члены телесные имеет: главу,

очи, руки, ноги и подобное. Как этого всего без крайнего святотатства нельзя буквально разуместь о Том, Кто, по свидетельству Писания же, невидим, неописуем, вездесущ, так без богохульства нельзя приписывать Ему и возмущение гневом и яростию. Под названием телесных членов и движений обозначаются Божественные свойства и промыслительные о нас действия, которые мы удобнее можем понять под сими уподобительными названиями: очи означают Божие всевидение и всеведение; руки и ноги — Его творчество и промышление, мышцы — силу и вседержительство и прочее. Так и о гневе или ярости Божией, когда читаем, должны разуместь то не человекообразно, но достойно Бога, чуждого всякого возмущения, — именно под этим понимать, что Он есть Судия и праведный воздаятель за все, неправое делаемое в мире сем, и, устрасаясь при чтении такого рода изречений праведного наказания Божия, всячески остерегаться делать что-либо противное воле Его.

86. Да будет убо монах, стремящийся к совершенству и подвигом духовным законно

подвизаться желающий, чужд всякого движения страсти гнева и ярости, слыша, что заповедует ему избранный сосуд: *Всякое раздражение, и ярость, и гнев, и крик, и зло-речие со всякою злобою да будут удалены от вас* (Еф. 4, 31), — который, говоря: всякий гнев да будет удален от вас, не изъял из-под такого приговора никакого движения гнева, будто необходимого или полезного. Почему монах, и поспешая, если необходимо, врачевать согрешающего брата, пусть делает это так, чтоб, когда заботится подать лекарство страждущему очень легкою, может быть, лихорадку, разгневавшись, не ввергнуть себя самого в худшую того болезнь ослепления. Ибо тому, кто хочет залечить рану другого, надо самому быть здорову и свободну от всякой болезни, чтоб не сказано было ему оное Евангельское слово: *Врач, исцели самого себя* (Лк. 4, 23), также: *Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: дай я выну сучок из глаза твоего, а вот, в твоём глазе бревно?* (Мф. 7, 3–4).

87. От какой бы причины ни возгоралось движение гнева, оно ослепляет очи сердца и,

налагая покров на остроту умного зрения, не дает видеть Солнца Правды. Все равно, золотой ли лист, или свинцовый, или из другого какого металла наложен будет на глаза, ценность металлов не делает разности в ослеплении. Бывает, впрочем, от гнева и услуга нам очень пригодная, когда рассерживаемся, досадуя на сладострастные движения нашего сердца, и негодуем, что в тайниках нашей груди поднимается то, что делать или о чем даже говорить стыдимся пред людьми, трепеща от страха при мысли о присутствии Ангелов и Самого Бога, везде и все проникающего, и о всевидящем Оке Божиим, от Которого никак не могут укрыться никакие тайны нашей совести. Или когда против этого самого гнева рассерживаемся, зачем он вкрался, возбуждая нас против брата, и с гневом извергаем пагубные его внушения, не давая ему назло нам укрываться в тайниках груди нашей. Так гневаться научает нас и пророк, который столь решительно отрешал от своих чувств эту страсть, что и врагам своим явным, даже от Бога преданным в руки его, не хотел воздавать воздаяние. Так, когда Семей, бросая камни в царя Давида, в слух ему

злословил его пред всеми и Авесса, сын Саруин, в отмщение за такое оскорбление царя хотел отъять его голову, блаженный Давид, подвигшись благочестивым негодованием против такого его внушения, сохранил непоколебимую свою кротость и показал образец смирения и твердого терпения, говоря: *Что мне и вам, сыны Саруины? Пусть он злословит, ибо Господь повелел ему злословить Давида. Кто же может сказать: зачем ты так делаешь?.. вот, если мой сын, который вышел из чресл моих, ищет души моей, тем больше сын вениамитянина; оставьте его, пусть злословит, Господь повелел ему. Может быть, Господь призрит на уничтожение мое, и воздаст мне Господь благостию за теперешнее его злословие* (2 Цар. 16, 10–12).

88. Таким образом, нам разрешается гневаться, но спасительно, то есть на себя самих и на привходящие худые помыслы, — гневаться на них и не согрешать, то есть не приводить их в дело на пагубу себе. Этот же самый смысл яснее выражает и следующий небольшой стих: *Размыслите в сердцах ваших, на ложах ваших и утишитесь* (Пс. 4, 5), то есть что помышляете вы в сердцах своих,

по причине вторжения внезапных удобосмутительных внушений, то, после того как мирным рассуждением успеете утишить всякий шум и бурность гнева и как бы на покойное возлечь ложе, исправляйте и заглаждайте спасительным сокрушением. И блаженный Павел, воспользовавшись указанием этого стиха, после того как сказал: *Гневаясь, не согрешайте*, прибавил: *Солнце да не зайдет во гнев наш, и не давайте место диаволу* (Еф. 4, 26–27). Если пагубно допускать, чтоб Солнце Правды заходило во гнев наш, и если мы, разгневавшись, тотчас даем место диаволу в сердце своем, то как пред этим повелел гневаться, говоря: *Гневаясь, не согрешайте?* Не явно ли он выражает сим следующее: гневайтесь на свои страсти и на самый гнев ваш, чтоб иначе, при вашем потворстве, не начало в омраченных гневом умах ваших заходить Солнце правды — Христос и с отхождением Его не дали вы места в сердцах ваших диаволу.

89. В иносказательном смысле под солнцем можно понимать разум, который справедливо называется солнцем ради того, что освещает все помышления и стремления

сердца нашего, и под запрещением гнева видеть заповедь не погашать сего светила страстию гнева; чтоб, с захождением его, не занял всего сердца нашего мрак бурного смятения с производителем его диаволом и мы, объятые тьмою гнева, не остались, как бы в темную ночь, в неведении, что нам делать. В таком смысле понимать это место Апостола предано нам в наставлениях старцев, которые не дозволяют нам допускать даже на один момент вкрадываться в сердце наше гневу, всевозможно блюдясь попасть под кару, изреченную на это в Евангелии: *Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5, 22). Притом, если б позволительно было продолжать гневаться до захождения солнца, страсть гнева, пользуясь таким разрешением, всегда спешила бы удовлетворять своему мщению, будто законно, прежде, чем солнце познает запад свой.

90. Что же сказать о тех, коих неумолимости не полагает предела даже само заходящее солнце, но которые многие дни держат злобу на тех, против коих рассердились? Пусть они на словах иногда говорят, что не гnevаются, но дела нередко

явно обличают в них сильное негодование, когда, например, они не обращаются к ним с приличною речью и не разговаривают с обычною ласковостию. Им думается, что они при этом не грешат, потому что не ищут отмщения своему раздражению. Но они только не смеют или не могут обнаружить его, в сердце же кипят им и молча переживают его и чрез то обращают яд гнева в свою пагубу; они не изгоняют тотчас силою души горечь досады, но переваривают ее в течение многих дней и кое-как со временем немного укрощают.

91. Как будто не удовлетворяет уже своему мщению и досаде тот, кто из внушаемого гневом исполняет только, что может! Так и делают те, которые сдерживают гневные движения не по желанию миролюбия, а по немощи мщения, срывая его, однако ж, чем могут. Ибо, не имея возможности причинить тем, на коих рассердились, ничего более, как чтоб не говорить с ними с обычною ласковостию, этим и срывают свое на них сердце. Как будто довольно умерять гнев в обнаружении его делом, а исторгать его из тайников сердца нет нужды,

чтоб, омрачившись его тьмою, не лишиться здоровой рассудительности и света ведения и не перестать быть храмом Духа Святого, при обитании в нас духа гнева. Ибо затаенный в сердце гнев хотя людей предстоящих не оскорбляет, но светлейшее сияние Духа Святого выживает, все равно как и гнев обнаруженный.

92. И как можно думать, что Бог послабляет нам хоть одну минуту держать гнев, когда Он не позволяет приносить жертвы духовных молитв наших, если сознаем не то, что мы гневаемся на другого, а что другой имеет нечто на нас, говоря: *Если ты принесешь дар к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником и пойди прежде примиришься с братом твоим и тогда приди и принеси дар твой* (Мф. 5, 23–24)? Как же думать, что нам дозволяется держать скорбь на брата, не говоря, многие дни, но хоть бы до заката солнца, если даже тогда, как он имеет нечто на нас, не дозволяется нам приносить молитвы свои Богу, — нам, которым от Апостола заповедуется: *Непрестанно молитесь* (1 Фес.

5, 17), и: *Желаю, чтобы на всяком месте приносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения* (1 Тим. 2, 8)? Итак, если будем держать такой яд в сердцах своих, то нам остается или никогда не молиться и таким образом быть виновными пред Апостольскою и Евангельскою заповедию, коею повелевается нам непрестанно и на всяком месте молиться, или, — если, как-нибудь обморочивая себя, дерзнем изливать молитву свою, несмотря на запрещение ее, — зная, что в таком случае не молитву Господу приносим, а изъявляем гордую непокорность в духе бунта против Него.

93. Но что нам долее останавливаться на Евангельских и Апостольских заповедях, когда и ветхий закон, который, кажется, несколько послабляет немощам нашим, тоже предостерегает от него, говоря: *Не враждуй на брата твоего в сердце твоем* (Лев. 19, 17), — и опять: *Путь злопомнящих в смерть* (Притч. 12, 28), — и еще: *Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего* (Лев. 19, 18)? Видишь, что и там неблагорасположенность к братьям отсекается не в деле только, но и в тайных помышлениях, когда

повелевается с корнем извергать из сердца ненависть и за обиду не только не воздавать, но даже и не помнить о ней.

94. Иногда побежденные гордостью или нетерпением, когда чувствуем особое внутреннее понуждение исправить свой нестройный и беспорядочный нрав, жалуемся в себе, что недостает нам пустыни, в том, подразумеваются, чаянии, что там, не будучи никем тревожимы, тотчас приобрели бы мы добродетель терпения, извиняя очевидно тем свое нерадение (об укрощении порывов гнева) и причину возбуждения их не своему приписывая нетерпению, а слагая на братьев. Но если мы будем таким образом на других слагать причины нашей в сем неисправности, то никогда не возможем прийти в должную меру терпения и совершенства. Дело исправления и умирения сердца нашего не помещай в руках произволения другого, нашей власти нимало не подлежащего, но соблюдай его в благонастроении нашего произволения. Чтобы нам не приходиться в гнев, это должно зависеть не от совершенства другого, но от нашей добродетели, стяже-

ваемой не чужим терпением, а собственным великодушием.

95. К тому же искать пустыни следует совершенным и очищенным от всякой страсти, или по выварении начисто всех страстей в обществе братий, и вступать в нее не по малодушному бегству, а по желанию достигнуть высоты Божественного созерцания, которая и совершенными не может быть иначе приобретена, как в пустыне. Ибо какие страсти перенесем мы в пустыню не уврачеванными, те будут чувствоваться скрытыми в нас, а не истребленными. И как пустыня для очищенных сердцем приберегает чистейшее созерцание и в приискреннейшем видении открывает ведение духовных тайн, так обыкновенно и страсти тех, кои не очистились от них, не только сохраняет, но еще усиливает. В таком случае иной дотоле кажется себе терпеливым и смиренным, пока ни с каким человеком не видается и не входит в сношение; но тотчас возвращается к прежнему своему нраву, как только какой-либо случай вызовет его к движению: тогда тотчас выникают из него страсти, которые скрывались, и, как необузданные кони,

откормленные в долгом бездействии, с большим стремлением и неистовством вырываются из своих затворов на погибель своего всадника. Ибо страсти, не будучи наперед очищены, более неистовыми делаются в нас, когда пресекаются случаи обнаружения и обуздания их среди людей. И самую тень терпения, которым, как воображалось, мы, живя в смешении с братьями, по видимому обладали и которое проявляли, по крайней мере, из уважения к ним и стыда показаться пред всеми малодушными, теряем мы в беззаботной пустыне беспечности.

96. Подобно это тому, как все роды ядовитых змей или зверей, пока укрываются в пустыне и в своих норах и логовищах, не вредят, — и, однако ж, не провозглашаются из-за того безвредными, что никому в таких случаях не вредят, ибо это бывает тогда не по доброкачественности их, а потому, что такими быть необходимо вынуждает их пустыня; как же скоро улучат они возможность вредить, тотчас износят и обнаруживают скрывающиеся в них яд и зверство. Так-то и ищущим совершенства не довольно не гневаться на людей (когда нет с ними сношений

и столкновений. Гнев при этом жив, только притаился и готов тотчас обрушиться на что ни попало). Припоминаю, как, живя в пустыне, рассерживался я иногда на писчую трость, если не нравилась толстота или тонкость ее, иногда на ножичек, если, когда режешь им, он, затупившись, не скоро резал, — иногда на камень, если не скоро вылетала из него искра огня, когда спешишь к чтению; и движение негодования при этом вторгалось иногда такое, что невольно вырывалось из уст проклятие на бездушную вещь или уж непременно на дьявола, чем и испарялось смущение — и душа успокаивалась. Таким образом, в деле совершенства мало принесет пользы отсутствие людей, на которых возбуждался бы гнев, когда, если наперед не будет приобретено терпение, страсть гнева может упражнять свои силы и на вещах немых и на безделицах, ибо, оставаясь в сердце нашем, она не дает нам ни достигнуть мирного устройства, ни освободиться от прочих страстей.

97. Почему, если желаем достигнуть того высшего Божественного блага, о коем говорится: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8); то не только

из действий наших должны отторгнуть сию страсть, но и с корнем исторгнуть ее из глубин души. Ибо не слишком-то много будет пользы подавлять неистовство гнева в слове и не обнаруживать его в действии, если Бог, от Которого не укрываются тайны сердечные, будет видеть его в сокровенностях сердца. Евангельское слово и заповедует иссекать паче корни страстей, чем плоды их, которые по исторжении корней, конечно, не будут уже более распложаться, — а душа получит таким образом возможность постоянно пребывать во всяком терпении и святости, когда гнев не только будет устранен с поверхности нашей деятельности и наших поступков, но и исторгнут из сокровенностей помышлений. И потому надо убивать гнев и ненависть, чтоб не впасть в грех человекоубийства, которое без них не может быть допущено. Ибо *всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5, 22); и *всякий ненавидящий брата своего есть человекоубийца* (1 Ин. 3, 15). Поелику он в сердце желает погибнуть тому, на кого серчает, то, хотя у людей не признается он пролившим кровь собственною рукою или мечом, по страсти же

гнева провозглашается убийцею от Господа, Который не за производство только действия, но и за намерение воли воздаст каждому или наградою, или наказанием, как Сам Он говорит чрез пророка: *Я знаю деяния их и мысли их, и вот приду собрать все народы и языки, и они придут, и увидят славу Мою* (Ис. 66, 18). И Апостол: *Мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую в день, когда ... Бог будет судить тайные дела человеков* (Рим. 2, 15–16).

98. Итак, подвижнику Христову, законно подвизающемуся, надлежит с корнем вырвать из себя страсть гнева. Для совершенного же уврачевания этой болести потребно такое лечение: прежде всего уверовать, что гневаться не подобает ни под каким видом, ни по праведным, ни по неправедным причинам, зная, что коль скоро источник наш свет, свет нашего сердца будет помрачен тьмою его, то мы тотчас потеряем и свет различения вещей, и твердость благоразумия, и благопристойность, и мерило правды; потом держать убеждение, что если дух гнева замедлит в нас, то вследствие того неизбежно помутится чистота духа нашего и он

никак уже не может быть храмом Духа Святого; наконец, помышлять и о том, что нам, пока пребываем в гневе, никак нельзя будет молиться и изливать пред Богом прошения свои. Паче же всего, имея пред очами неизвестность предела человеческой жизни, будем постоянно думать, что мы можем преселиться из тела каждый день и что нам нимало не помогут там ни соблюдение чистоты целомудрия, ни отречение от всех имуществ, ни презрение богатства, ни труды постов и бдений, когда за один гнев и ненависть Судия вселенной угрожает вечными муками.

Борьба с духом печали

99. В пятой брани предлежит нам отбивать остны* всепожирающей печали, которая если как-нибудь получит возможность обладать нашим сердцем, то пресекает видение Божественного созерцания и, душу всю низвергнув с высот святого благонастроения, расслабляет вконец и подавляет: ни молитв не дает ей совершать с обычною

* Остен — жало, игла (*ц.-сл.*).

сердечною живостию, ни чтению Священных книг — сему духовному орудию и врачевству — не допускает прилежать, ни мирною и тихою с братьями быть не оставляет, ко всем также обязательным делам послушания делает нетерпеливою и ропотливою и, отняв всякое здравое рассуждение и возмутив сердце, делает ее как бы обезумевшею и опьянелою и сокрушает и подавляет пагубным отчаянием.

100. Почему если желаем законно трудиться в подвигах духовной брани, то с не меньшим вниманием должны врачевать и эту болезнь. Ибо *как моль одежде и червь дереву, так печаль вредит сердцу человека* (Притч. 25, 20), — как ясно и определенно выразил силу этой зловредной и пагубнейшей страсти Божественный Дух. Как одежда, изъеденная молью, не имеет уже никакой цены и не гожа более на честное употребление и как дерево, червями источенное, уже не на постройку или украшение какого-нибудь здания, хотя бы и посредственного, заслуживает быть отложенным, а на сожжение огнем — так и душа, пожираемая угрызениями всесокрушительнейшей

печали, не гожа уже бывает ни для того первосвященнического облачения, которое миро Духа Святого, с неба сходящее прежде на браду Аарона, принимает потом на ометы свои, как это изображается в пророчестве святого Давида в следующих словах: *Как драгоценный елей на голове, стекающий на бороду Ааронову, стекающий на края одежды его* (Пс. 132, 2), — ни для построения и украшения того духовного храма, которого основания положил Павел, премудрый архитектор, говоря: *Вы храм Божий, и Дух Божий, живет в вас* (1 Кор. 3, 16), и на который какие идут деревья, то описывает Невеста в Песне Песней, говоря: *Кровли домов наших — кедры, потолки наши — кипарисы* (Песн. 1, 16). И вот такие-то роды дерев избираются для храма Божия, и благовонные и негниющие, которые не подлежали бы ни порче от ветхости, ни течению червей.

101. Иногда болезнь эта имеет обычай порождаться от предшествовавшей страсти: или гнева, или похотения, или любостязания, когда кто испытывает потерю предвзятой в уме надежды удовлетворения их

делами или вещами по роду их; иногда же без всяких наличных причин, могших ввергнуть нас в эту пропасть, по воздействию лукавого врага внезапно схватывает нас такая прискорбность, что мы не бываем в состоянии принять с обычною приветливостию посещение даже самых дорогих и нужных нам лиц, и, что бы ни было ими сказано в подходящем разговоре, почитается тогда нами неуместным и лишним; и не дается им никакого приятного ответа по причине неисполнения всех изгибов сердца нашего желчною горечию.

102. Этим наияснейше доказывается, что не всегда по вине других возбуждаются в нас остны прискорбностей, но паче по собственной нашей, потому что мы сами в себе носим причины всех восскорбений, именно в семенах страстей, которые, как только оросит душу нашу дождь искушений, тотчас прорываются в ростках и плодах своих. Никто никогда не понуждается ко греху, хотя бы дурной пример других возбуждал его к тому, если он не имеет сокрытой в сердце своем материи того греха. И никак нельзя верить, чтобы, например, кто тогда только внезапно

воспринял страсть срамного похотения (не зная ее прежде), когда, взглянув на красивую женщину, поражен был ее красотой; но надо паче полагать, что если он при этом вождедел ее, то это потому, что воззрение на нее вывело наружу скрывающуюся внутри болезнь. Почему нам надо на то преимущественно обратить все попечение, чтоб свои очистить страсти и свои исправить чувства и расположения.

103. Есть еще и иной род печали — непотребнейший, когда она в душу согрешившую влагает не намерение исправить жизнь и очиститься от страстей, а пагубнейшее отчаяние. Она-то ни Каину не дала покаяться после братоубийства, ни Иуде не попустила после предательства взыскать средств удовлетворения, а увлекла его, чрез внушенное ею отчаяние, к удушению.

104. Полезною для нас должны мы почитать печаль только в таком случае, когда мы восприемлем ее, быв подвигнуты или раскаянием во грехах, или горячим желанием совершенства, или созерцанием будущего блаженства. О ней и блаженный Павел говорит: *Печаль ради Бога производит покаяние*

в спасение, а печаль мирская производит смерть (2 Кор. 7, 10).

105. Но та печаль, которая соделывает покаяние ко спасению, несомненно верному, благопокорлива, приветлива, смиренна, кротка, приятна и терпелива; так как она, исходя из любви к Богу, хотя по желанию совершенства неутомимо простирается к телесному самоозлоблению и сокрушению духа, но в то же время некако бывает обрадываема и оживляема надеждою преуспения и потому удерживает всю приятность приветливости и благодушия, имея в себе все плоды Духа Святого, которые исчисляет тот же Апостол: *Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22–23). А эта — мира сего печаль — крайне ропотливая, нетерпеливая, жесткая, исполненная отталкивающей строптивости, бесплодного горевания и пагубного отчаяния; того, кого обымет, расстраивает и отвлекает от всякого занятия и спасительного о себе болезнования и не только пресекает действие молитвы, но и опустошает все сказанные выше плоды

духовные, которые обыкновенно доставляет та печаль, яже по Бозе.

106. Почему, кроме той печали, которая воспримется или по спасительному покаянию, или по ревности о совершенстве, или по возжеланию будущих благ, всякая другая, как мирская и смерть приносящая, должна быть отреваема и совсем извергаема, наравне с духом блуда, сребролюбия и гнева.

107. Эту пагубнейшую страсть можем мы изгонять из себя, если, занимая непрестанно душу свою духовным поучением, будем оживлять и восставлять ее надеждою и созерцанием будущего блаженства. Этим способом можем мы преодолеть все роды печалей: и те, которые исходят от предшествовавшего гнева, и те, которые приходят от потери прибыли и понесения убытка, и те, которые рождаются от нанесенной нам обиды, и те, которые происходят от неразумного расстройства душевного, и те, которые ввергают нас в смертное отчаяние, ибо, при сем всегда обрадовываемы бывая созерцанием вечных будущих благ и пребывая неподвижно в таком настроении, мы не будем ни падать духом в обстоятельствах несчастных,

ни возноситься в счастливых, смотря на те и другия как на ничтожные и скоропреходящие*.

Борьба с духом уныния

108. Шестая борьба предлежит нам со страстию, которую мы можем назвать унынием, скукою или тоскою сердечною. Она сродна печали, испытывается наипаче странствующими по пустыням иноками и есть неприязненный враг пребывающих в уединении и всякого монаха беспокоит, особенно около шестого часа (по-нашему — двенадцатого часа, в полдень), как лихорадка какая, в определенные часы нападающая на больную душу со своими всерасстраивающими действиями. Некоторые старцы** называют ее бесом полуденным, о котором поминается в 90 псалме.

* К утолению духа печали читай еще 7-е отделение выписок из св. Кассиана, — о борьбе с бедствиями и скорбями.

** *Евагрий*. Об осьми помыслах к Анатолию. См.: «Добротолюбие». Т. 1.

109. Когда уныние нападает на бедную душу инока, то порождает ужасание от места, отвращение к келлии и презрение к братьям, с ним живущим или на некотором от него расстоянии, как к нерадивым и совсем не духовным, самого же его совсем разленивает и отбивает от всякого дела, каким обычно ни занимается он в своем обителище. И в келлии сидеть отбивает оно у него охоту, и к чтению приступить не допускает, и заставляяет воздыхать и жаловаться, что, столько времени проживши здесь, нимало не преуспел и никакого не стяжал плода духовного, и болезновать внушает, что останется в этом месте попусту и, когда мог бы управлять другими и многим приносить пользу, никого здесь не воспитал и никого своим наставлением и учением не породил духовно. Затем оно расхваливает ему отдаленные монастыри, и места те описывает как более полезные к преуспеванию духовному и более могущие способствовать к спасению, и общение там с братьями рисует преприятным и исполненным духовного назидания; напротив, что тут у него, то представляет несносным, напоминая,

что от братьев, здесь пребывающих, никакого нет назидания, а все нужное для содержания тела добывается только с безмерным трудом. Наконец внушает оно уединеннику, что, пребывая в этом месте, не может он спастись, если, оставя келлию, в которой ему, если еще более будет медлить в ней, придется погибнуть, как можно скорее не переселится отсюда в другое место. После сего, часу в пятом и шестом, оно в такое изнеможение приводит тело его и такой возбуждает голод, что он чувствует себя как бы долгим путем и самым тяжелым трудом утомленным и изможденным или как бы перенесшим двухдневный и трехдневный пост без подкрепления себя пищею. И вот озирается он в беспокойстве туда и сюда, вздыхает, что нейдет к нему никто из братьев, почасту выходит из келлии и входит в нее и на солнце посматривает, будто оно не так скоро спешит к закату. В таком неразумном смятении ума, как бы мраком покрывшись, становится он неспособным ни к какому духовному деланию и начинает думать, что против такой напасти не может найтись никакое другое средство, кроме посещения какого-

либо брата или утешения себя сном. Тут начинает этот разорительный дух подносить боримому им, что надобно сделать необходимые поздравления братьям или посетить больных, вблизи или вдали находящихся, внушает также как долг какой, что надо бы найти здесь таких-то и таких-то родственников или родственниц и почаще ходить к ним с визитами, что такую-то благочестивую и Богу посвятившую себя женщину, лишенную, однако ж, всякого пособия от родных, было бы великим делом благочестия почаще посещать и доставлять ей все, в чем она имеет нужду, так как свои родные небрегут о ней, и что больше в такого рода делах благочестия надо трудиться, чем бесплодно и без всякого преуспеяния сидеть в келлии.

110. Так волнуется бедная душа, запнутая такими вражескими кознями, пока утомленный духом уныния инок или в постель попробует броситься, или, оставя келейный затвор, попытается поискать избавления от такой напасти в посещении какого-либо брата. Но это последнее, чем он пользуется в настоящее время как врачевством, спустя немного обратится в руках

врага в средство еще к большему его расстроению. Ибо враг чаще и ожесточеннее будет нападать на того, кто, как узнал он на деле, тотчас обращает к нему тыл, как только завяжется борьба, и спасения себе ищет не от победы и не от противоборства, но от бегства; пока он, мало-помалу отбившись от келлии, начнет забывать о главном деле своего звания, состоящем в стремлении к Божественной, всепревосходящей чистоте, которая нигде не может быть достигнута, как только в безмолвном всегда пребывании в келлии и непрерывном Божественном получении. Так воин Христов наконец убегает из своего воинства, впутывается в житейские дела и становится уже неугодным Воеводе (см.: 2 Тим. 2, 4), под Которым служить обещался.

111. Блаженный Давид весьма прекрасно выразил все пагубные последствия от этой болести в следующем стихе: *Душа моя истекает от скорби* (Пс. 118, 28). И подлинно, не тело, а душа дремлет в это время. Ибо душа, уязвленная стрелой этой разорительной страсти, действительно засыпает для всякого стремления к добродетели

и наблюдения за своими духовными чувствами.

112. Итак, истинный воин Христов, желающий законно подвизаться в борьбе за совершенство, и эту также болезнь должен стараться изгонять из тайников души своей и против этого непотребнейшего духа уныния смело вооружаться противоборством — чтоб ни от уязвления стрелою сна не пасть, ни беглецом не выступить из затвора своего уединища, хотя бы то под благовидным предлогом благочестия.

113. Ибо кого начнет он преодолевать с какой-либо стороны, того или оставит пребывать в келлии без всякого успеха, как ленивого и беспечного, или, выгнав оттуда, делает прочее праздношатающимся и ленивым на всякое дело, заставит его постоянно обходить келлии братий и монастыри и ни о чем другом не промышлять, как только, где бы и под каким бы предлогом найти себе случай пообедать в следующий раз. Ибо ум празднолюбца ни о чем другом не помышляет, как о пище и чреве, пока, встретив где-либо содружество в каком-либо мужчине или женщине, цепенеющих в такой же холодности,

ввяжется в их дела и нужды. Опутавшись же мало-помалу такими пагубными для души его занятиями, как бы в змеиных кольцах стиснутый, никогда уже потом не сможет он развязаться с ними, чтоб обратиться к брошенным делам прежнего звания.

114. Итак, главное, что производит в нас дух уныния, есть то, что он разленивает, от дел отбивает и праздности научает. Почему и противодействие ему главное будет: не уступай, сиди за делом. В сем отношении мы можем принять как врачевательный рецепт от уныния то, что святой Павел писал к Солунянам о труде: *Умоляем же вас, братья... усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое дело и работать своими собственными руками* (1 Фес. 4, 10–11). Говорит: *Усердно стараться о том, чтобы жить тихо*, — то есть пребывайте безмолвно в своих келлиях, чтоб от разных молв, которых нельзя миновать праздноходящему туда и сюда, не потерять своего покоя внутреннего и не начать потом причинять такое же беспокойство и другим; *делать свое дело* — то есть, увлекаясь любопытством, не старайтесь узнавать о делах мира и разведывать

о поведении разных братий, чтоб вместо попечения об исправлении себя самих и ревнования о стяжании добродетелей не навывкнут иждивать время свое на осуждение и оклеветание братий; *и работать своими собственными руками* — то есть, сидя в келлии, прилежите рукоделию. Этим отсекает он самую возможность того, от чего пред сим отклонял. Кто любит сидеть за работою, тому некогда ходить туда и сюда, разведывать чужие дела, вмешиваться в них и пересуждать их. Во втором же послании к тем же Солунянам он к сему прибавляет: *Завещаем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас* (2 Фес. 3, 6). Здесь уже не молит, а повелевает, и не голым словом, а именем Господа нашего Иисуса Христа, давая разуметь, что это неотложная заповедь. Из дальнейшей речи видно, что это есть заповедь о труде, чуждающийся которого не должен быть терпим в обществе христианском. Итак, он повелевает удаляться от тех, которые не хотят трудиться, и отсекает их, как члены, поврежденные

растлевающею праздностию, чтоб болезнь ничегонеделания, как смертоносная зараза, не прилипла и к здоровым членам тела. И в этом уже было сильное побуждение к трудолюбию, но он еще более усиливает его, ставя им себя в пример, которому они подражать должны (2 Фес. 3, 7). Мы, говорит, живя у вас, *ни у кого не ели хлеба даром* (ст. 8), хотя *Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовестия* (1 Кор. 9, 14). Когда таким образом и тот, кто проповедовал Евангелие и совершал столь высокое духовное дело, даром не принимал пищи, то что скажем в оправдание своей лени мы, которым не только не поручена никакая проповедь слова, но и никакой другой заботы не заповедано, кроме попечения об одной душе своей? В какой надежде мы осмелимся с праздными руками даром есть хлеб, которого сосуд избранный, обязанный заботами о проповеди Евангелия, не позволял себе есть не от труда рук своих? Чтоб не показалось, впрочем, что его собственный пример — исключительный и предлагается не как образец для подражания всем, Апостол внушает, что не он один так поступал, но и все бывшие с ним,

то есть Сила и Тимофей, которые это пишут с ним, занимались тоже трудами рук. Чтоб не вздумал кто уклоняться от подражания его примеру, представляя, что они все работали молча, но, имея намерение дать пример, обязывающий и нас к труду, он сказывает, что они имели власть не работать и работали, *чтобы себя самих дать вам в образец для подражания* (2 Фес. 3, 9), — чтоб, если словесное учение, часто влагаемое во уши ваши, забудете, по крайней мере примеры наши, представленные очам вашим, вы удержали в памяти. Наконец, после стольких убеждений, Апостол употребляет в отношении к ним уже не совет учителя или врача, но авторитет Апостольской власти, говоря: *Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Фес. 3, 10)! Это приговор на предполагаемых или предвидимых презрителей сей заповеди, изрекаемый с седалища Апостольского суда.

115. И в послании к Ефесеям Апостол об этом самом труде предписывал, говоря: *Кто крал, вперед не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся* (Еф. 4, 28). Также в Деяниях Апостольских находим,

что он не только учил этому, но и сам действовал так. Ибо когда он пришел в Коринф, то не захотел остановиться в другом месте, а у Акилы и Прискиллы, потому что они были мастера того же ремесла, каким он сам обыкновенно занимался, — с очевидным намерением работать с ними вместе (см.: Деян. 18, 1–3). Потом, когда, плывя в Иерусалим, останавливался он в Милете, то, послав оттуда в Ефес, призвал к себе пресвитеров Ефесской Церкви и, давая им наставления, как в его отсутствие управлять Церковью Божиею, говорил, что ни денег, ни одежды он от них не искал, что нуждам его и сущим с ним послужили собственные его руки и что делал это он для того, чтоб показать, что, так трудясь, надлежит помогать неимущим, помня заповедь Самого Господа, что *блаженнее есть давать, нежели принимать* (Деян. 20, 33–35). Так давая пример трудолюбия, он вместе научает, что помогать нуждающимся лучше из приобретенного потовым трудом, нежели из того, что иным каким путем попадает в руки. Если же так действует и монах, то он тогда украшен бывает двоякою добродетелию: отвержением

всех вещей стяжевает совершенную нищету Христову, и своим трудом и расположением показывает щедрость богатого, почитая Бога от своих праведных трудов и принося Ему жертву от плодов своей правды.

116. Египетские отцы никак не позволяют монахам быть праздными, особенно молодым, рачительностию к труду измеряя состояние сердца и меру преуспения в терпении и смирении. Они не только ничего не принимают для употребления на свое пропитание, но и от своих трудов питают приходящих братьий и странников и посылают в места Ливии, бедствующие от бесплодия и голода, также и в города томимым в грязных темницах доставляют большое количество пищи всякого рода, веруя, что таким пожертвованием от плода рук своих они приносят приятную Господу жертву. На сей предмет у древних отцов Египта составила еще и такая поговорка: «Работающего монаха искушает один бес, а на праздного нападает бесчисленное множество бесов».

117. Когда я, начав жить в пустыне, сказал авве Моисею (Ливийскому; его 1 и 2 собеседования), что вчера был я крайне

расслаблен недугом уныния и не мог иначе освободиться от него, как сходявши к авве Павлу — «Нет, ты не освободил себя от него, — сказал он мне, — но паче показал себя ему преданным и покорным. Ибо после оно сильнее будет нападать на тебя как на труса и беглеца, увидев, как ты с первой схватки дал себя победить и тотчас убежал с поля брани, если только не решишься ты в другие разы вступить в борьбу с этим врагом, не начав отражать его жаркие нападения оставлением келлии или погружением в сон, но побеждать его терпением и противоборством». Так опытом доказалось, что не бежать надобно от натиска уныния, уклоняясь от борьбы с ним, а побеждать, мужественно сопротивляясь ему.

Борьба с духом тщеславия

118. Седьмая брань предлежит нам с духом тщеславия — разновидным, изменчивым и тонким, так что с самыми острозоркими глазами едва можно не только предостеречься от него, но его рассмотреть и узнать. Прочие страсти просты и однообразны, а эта

многочастна и многообразна и отовсюду и со всех сторон встречает воина и когда он еще борется, и когда уже является победителем. Ибо она покушается уязвить воина Христова и одеждою, и статностию, и походкою, и голосом, и работою, и бдениями, и постами, и молитвою, и уединением, и чтением, и познаниями, и молчаливостью, и повиновением, и смирением, и благодушием и, как некий опаснейший камень подводный, покрытый вздымающимися волнами, в то время как не опасаются, причиняет внезапно бедственное кораблекрушение плывущим при благоприятном ветре.

119. Итак, желающему идти царским путем *с оружием правды в правой и левой руке*, должно, по Апостольскому учению, ровно проходить в *чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах* (2 Кор. 6, 7–8) и с крайнею осторожностью направлять свое шествие путем добродетели среди вздымающихся волн искушений, под управлением рассуждения и веянием Духа Господня, зная, что как скоро мы хоть немного уклонимся направо или налево, то тотчас разобьемся о гибельные подводные скалы. Почему и слышим

от премудрого Соломона увещание: *Не уклоняйся ни направо, ни налево* (Притч. 4, 27), то есть не льсти себе из-за добродетели и духовными успехами своими не превозносись, равно как и, уклоняясь на шую стезю страстей, не ищи, по Апостолу, себе от них славы в срамоте твоей (ср.: Флп. 3, 19). Дьявол, в ком не мог породить тщеславия благообразием статной и блестящей одежды, в том пытается всеять его одеждою неуклюжею, неопрятною и нищенскою; кого не мог свергнуть в сию страсть честию, того подбивает на нее уничижением; кого не мог заставить превозноситься многознанием и умением красно говорить, у того вызывает это важничаньем в молчании. Если кто явно постится, то тревожим бывает суетною славою; а если кто, из презрения к такой славе, станет скрывать пост, то терпит нападение от самовозношения. Чтоб не запятнаться приражением тщеславия, иной избегает совершать долгие молитвы на виду у братий; но, начав упражняться в них тайно, никого не имея свидетелем такого делания, не избегает он трубления пред собою. Прекрасно наши старцы изображают свойство этой

болести, сравнивая ее с луком и чесноком, которые по снятии одного покрова оказываются опять покрытыми другим таким же, и, сколько раз ни снимай покровов, они все оказываются покрытыми.

120. Оно не перестает преследовать даже и того, кто, бегая славы, укрывается в пустыне от всякого общения с смертными; и чем дальше кто убегает от мира, тем ожесточеннее оно нападает на него. Из живущих же в обителях иного покушается оно ввергнуть в превозношение тем, что он более всех терпелив в деле и труде; другого тем, что он паче всех скор на послушание; иного тем, что он превосходит всех других смирением. Иной искушается сим по причине обширности познаний, иной — по причине долгого сидения за чтением, иной — по причине длительности бдений. И всякого эта болезнь усиливается уязвить собственными его добродетелями, в том устрояя претыкания в пагубу, чем снискиваются плоды жизни. Так и для желающих проходить путь благочестия и совершенства враги-наветники не индескрывают сети прелести, как на том же пути, по коему они шествуют, по изречению

блаженного Давида: *На пути, которым я ходил, они скрытно поставили сети для меня* (Пс. 141, 3), — чтобы мы, на том именно самом пути добродетелей, коим течем, стремясь к почести вышнего звания, превознесшись своими успехами, спотыкались и, запутавшись в сети тщеславия, падали, имея связанными ноги души своей. Таким образом и бывает, что, тогда как остаемся мы непобежденными нападением противника, бываем побеждаемы высотой нашего над ним торжества.

121. Все другие страсти, будучи преодолеваемы, увядают и, будучи побеждаемы, с каждым днем становятся все слабее, также под влиянием места или времени истощаются они и стихают, или всячески, по причине их раздора с противоположными им добродетелями, удобнее бывает предостерегаться от них и избегать их. Но эта, будучи поражена, с большим ожесточением восстанет на брань и, когда почитается испустившей дух, чрез смерть свою делается еще более живою, здоровою и мощною. Прочие страсти тиранствуют только над теми, которых победили в борьбе; а эта победителей своих еще

ожесточеннее теснит и, чем сильнее была поражена, тем чрезмернее борет помыслом возношения по случаю победы над собою. В том особенно и видится тонкая хитрость врага, что по его козням воин Христов падает от собственных стрел после того, как сам он не мог его победить своими вражескими оружиями.

122. Прочие страсти, как мы сказали, успокаиваются под влиянием иной местности, также стихают и истощаются при удалении предмета греха или удобства к нему и повода; а эта проникает в пустыню с убегающим туда от нее и никакой местности не боится, равно как не изнемогает и от удаления с глаз предмета, потому что она почерпает мужество не инде где, как из успехов в добродетели того самого, на кого нападает. Прочие страсти, как мы сказали там впереди, с продолжением времени иногда смягчаются и исчезают; а этой долговременность не только не вредит, но еще больше собирает пищи для ее суетности.

123. Наконец, прочие страсти, как состоящие в раздоре с противоположными им добродетелями и воюющие открыто, как в ясный день, легче побеждать и удобнее

предостерегаться от них; а эта, протеснившись между добродетелями и смешавшись с нашим войском, сражается как бы в темную ночь и тем жесточее прельщает, что не ожидают и не опасаются ее нападения.

124. Читаем, что Езекия, царь Иудейский, муж совершенной праведности во всем, одною стрелою возношения был низложен, и, кто одною молитвою мог испросить избиение 185 тысяч Ассирийского войска, тот побежден суетным славолубием; кто, после определением Божиим назначенного предела жизни и дня смерти, по своей молитве удостоен продления жизни еще на 15 лет, с удостоверением в том чрез возвращение солнца на 10 степеней, тот, после такого свидетельства о своей добродетели и такого знамения Божия к нему благоволения, за одно превозношение и возмечтание о себе все потерял и не только себя, но и весь народ свой подверг гневу Божию, и такому гневу, что, когда, смирившись, стал умолять Бога со всем народом своим, то мог испросить только то, чтоб гнев тот не пришел во дни его (см.: 4 Цар. 20, 2; Пар. 32). Так гибельна и тяжело грешна страсть превозношения!

125. Озия, прадед упомянутого царя, также восхваленный свидетельством Святого Писания, когда после многих добродетелей и многих первохвальных дел и учреждений ко благу народа превознесся тщеславным высокоумием и обиде Господа Бога своего не угодным Ему делом, тотчас ниспал с высоты славы своей и казнен проказою (см.: 2 Пар. 26, 16—21). Вот и другой пример тяжкого падения! Видите отсюда, как пагубны бывают счастливые успехи, когда при них не блюдут себя от тщеславия и превозношения, и как в таком случае такие себе не внемлющие и не блюдущиеся, не бывая сокрушены в трудных обстоятельствах, жесточе поражаются по поводу преодоления их и, избегая опасности смерти во время брани, падают по поводу торжества и побед.

126. Почему Апостол увещевает: *Не будем тщеславиться* (Гал. 5, 26). И Господь, обличая фарисеев, говорит: *Как вы можете верить, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите* (Ин. 5, 44). О таких и блаженный Давид с угрозой говорит: *Бог рассыпа кости человекоугодников* (Пс. 52, 6).

127. Тщеславие новоначальных и тех, которые мало еще преуспели в добродетелях и в ведении духовном, обыкновенно превозносит или за тон голоса, то есть что приятнее других поют, или за то, что они тощи плотию, или красивы телом, или что имеют родителей богатых и благородных, или что презрели военную службу и почести. Иному оно внушает, что если б остался он в мире, то легко стяжал бы и почести, и богатство, хотя он никогда и не мог бы их достигнуть, надывая его таким образом принесением в жертву безвестных надежд и заставляя тщеславиться оставлением того, чем никогда не владел.

128. На иного напускает оно желание священства или диаконства, рисуя ему в мысли, что он с такою святостию и строгостию исполнял бы тогда свое дело, что и прочим священникам мог бы послужить примером святости, а кроме того многим доставил бы пользу и своим поведением, и сказыванием поучений. Иногда и того, кто живет в пустыне или уединенничает в келлии, заставляя его мечтать в уме своем, будто он обходит дома разных лиц и монастыри

и действием своих воображаемых убеждений многих обращает на путь должной жизни. И водится таким образом бедная душа туда и сюда такую суетностию, бредя как бы в глубоком сне, и, увлеченная сладостию таких помышлений и такими мечтами исполненная, большею частию бывает не в состоянии замечать ни своих действий, ни присутствия братий, если б они в самом деле были пред глазами, будучи вся сладостно погружена, как в истинно происходящее, в то, чем, не спя, бредит, как во сне, в блуждании помыслов своих.

129. Помню, что, когда я жил в пустыне Скитской, один старец, придя в келлию одного брата для посещения его, услышал, что тот внутри что-то говорит, и приостановился, желая узнать, что такое читает он из Святого Писания или на память что прочитывает, как там есть обычай делать это за работою. Приложив поближе ухо, благочестивый наблюдатель услышал, что брат, будто в церкви, предлагает поучение народу: это значило, что он, духом тщеславия обольщенный, представлял себя иереем и исполнял мечтательно лежавшее на нем

дело. Подождав еще немного, старец услышал, что брат кончил поучение и, переменяв должность, будто уж в сане диакона, начал возглашать: *Оглашеннии, изыдите*. Старец постучал в дверь. Брат, вышедши, встретил его с обычною почтительностию и, вводя внутрь, спрашивал, давно ли он пришел, делая вид, что беспокоится, не долго ли пришлось ему стоять вне и не потерпел ли он от сего чего неприятного, — на деле же советию угрызаемый за свои мечты и за то, что делал вследствие их. Старец ласково ответил: «Я только что пришел, как ты возглашал: *Оглашеннии, изыдите*».

130. Это здесь поместить я потому счел нужным, чтоб мы, имея пред очами полное изображение, с какою силою и в каком порядке нападают на нас страсти, которыми бедная душа бывает терзаема, могли быть более внимательны к себе и чрез то удобнее избегать сетей и западней вражеских. Так и Египетские отцы поступают. Они, не колеблясь, все подобное износят на среду и рассказами своими о других и о себе — как бы и они все еще испытывали то, о чем рассказывают, — раскрывают

и обнажают пред юными монахами борения всех страстей, и такие, какие уже претерпевают сии юные, и такие, какие еще имеют претерпевать, чтоб чрез такое изложение ими обольщения всех страстей горящие духом новоначальные познали секреты настоящих своих браней и, видя их как в зеркале, уразумевали как причины борющихся их страстей, так и средства против них, относительно же будущих бранных схваток, прежде чем они придут, наперед знали, как предостерегаться от них, как выступать против нападающих и как сражаться с ними. Как искуснейшие из врачей имеют обыкновение не только настоящие болезни врачевать, но и будущим по своей прозорливой опытности противодействовать, предупреждая их предостерегательными наставлениями или целительными питьями, так и эти истиннейшие врачи душ, духовным своим наставлением, как бы неким противоядием (антидотом), наперед убивая болезни сердца, какие имели бы возникнуть, не дают им юнеть в душах юных иноков, открывая им и причины нападения страстей, и целительные против них средства.

131. Воин Христов, желающий законно подвизаться истинным духовным подвигом, всеми мерами должен стараться победить этого многообразного и разнovidного зверя. И, во-первых, мы можем избежать самой встречи с этою многочастною, отовсюду против нас готовою выбежать непотребностию, если, содер­жа в мысли оное Давидское изречение: *Рассыплет Бог кости ополчающихся против тебя* (Пс. 52, 6), — ничего не будем позволять себе делать или предпринимать с тщеславным намерением стяжать суетную славу. Потом, сделанное с добрым началом надобно нам усиливаться и сохранить с подобным же — добрым — блюде­нием, чтоб после того не прокралась болезнь тщеславия и не опустошила плодов всех трудов наших. Также что в поведении братьев не принято в общий обычай и не делается всеми, то со всем старанием надо отклонять как дело хвастливое и того, что может сделать нас заметными среди других и что, поелику мы одни то делаем, может стяжать нам славу у людей, всячески избегать. Этими себя выказываниями наипаче и обнаружится, что к нам пристала смертельная зараза

тщеславия, чего, однако ж, мы могли бы избежать, если б содержали в мысли, что не только совсем потеряем плод трудов наших, какие подымаем с тщеславным намерением, но и виновными сделаемся в большем преступлении и, как святотатцы, должны будем понести вечные муки, так как к оскорблению Бога восхотели для людей делать дело, которое должны были делать для Него и чрез то людей предпочли Богу и славу мира славе Божией, — как обличит нас тогда ведущий сокровенное Бог.

Борьба с духом гордости

132. Осьмая и последняя брань предлежит нам с духом гордости. Страсть эта, хотя в порядке изображения борения со страстями полагается последнею, но по началу и времени есть первая. Это самый свирепый и самый неукротимый зверь, нападающий особенно на совершенных и с лютым грызением пожирающий их, когда они достигают почти уже самой вершины добродетелей.

133. Гордости два рода: первый тот, которым, как сказали мы, поражаются мужи

высокой духовной жизни; а другой захватывает новоначальных и плотских. И хотя оба эти рода гордости воздымает пагубное возношение как пред Богом, так и пред людьми, однако ж тот первый прямо относится к Богу, а второй, собственно, касается людей. Начало сей последней и средства против нее мы исследуем, если Бог даст, в последних главах сей книги, а теперь о той первой, которую искушают, как мы выше сказали, преимущественно совершенные, намерение у нас есть немного порассудить.

134. Нет никакой другой страсти, которая бы так истребляла все добродетели и так обнажала и лишала человека всякой праведности и святости, как эта злая гордость: она, как всеобъемлющая некая зараза, не довольствуется расслаблением одного какого члена или одной части, но все тело повреждает смертельным расстройством и стоящих уже на высоте добродетелей покушается низвергнуть крайне тяжким падением и сгубить. Всякая другая страсть довольствуется своими пределами и своею целию и хотя тревожит и другие добродетели, однако же против одной главным образом направляется,

ее преимущественно теснит и на нее нападает. Так, чревоугодие, то есть страсть к многоядению или сладкоядению, портит строгое воздержание, похоть оскверняет чистоту, гнев прогоняет терпение. Так что иногда преданный одной какой-либо страсти не совсем бывает чужд других добродетелей, но по сгублению той одной добродетели, которая падает от ревниво вооружившейся против ней противоположной ей страсти, прочие может хотя отчасти удерживать; а эта, коль скоро овладеет бедною душою, то, как какой-нибудь свирепейший тиран, по взятии самой верхней крепости добродетелей (смирения), весь их город до основания разрушает и разоряет. Высокие некогда стены святости сравняв и смешав с землею пороков, никакому уже потом знаку свободы в душе, ему покоренной, не попускает он остаться. Чем более богатую пленит он душу, тем более тяжкому игу рабства подвергает ее, обнажив от всего имущества добродетелей с жесточайшим ограблением.

135. Желаете ли точнее узнать меру силы этого жесточайшего тирана, приведем себе на память, как такой ангел, которого

за чрезмерность его блеска и красоты назвали Люцифером, низвергнут с неба не за другое что, как за эту страсть, и как он, уязвленный стрелою гордости, из такого высшего чина блаженных Ангелов ниспал в преисподнюю. Итак, если такую бесплотную силу, украшенную столь значительными преимуществами, одно возношение сердца могло низринуть с неба на землю, то с какою бдительностию надобно остерегаться сего нам, облеченным брэнною плотию, это показывает великость того разрушительного падения. А как нам избежать пагубнейшей заразы этою страстию, сему можем научиться, проследив начало и причины сказанного падения. Ибо нельзя врачевать какую-либо немочь или определять лекарства против каких-либо болезней, если наперед внимательным изысканием не будут изследованы их начала и причины. Этот (Архангел), одетый Божественною светлостию, сияя паче других высших сил по щедродательности Создателя, возмнил, что этим блеском премудрости и этою красотою добродетели, какими украшался по благодати Творца, обладает он естественными своими силами,

а не по великодаровитости Божией. И, вознесшись по сей причине, почел себя равным Богу, как ни в чем не имеющий нужды подобно Богу, — как будто для пребывания в такой чистоте не имел он нужды в Божественной помощи. Так всецело положился он на силу своего свободного произволения, веря, что ею одною будет ему в избытке доставляемо все, потребное для полного совершенства в добродетелях и для непрерывности верховного блаженства. Это одно помышление сделалось для него первою причиною пагубного падения. За нее будучи оставлен Богом, в Котором почел себя не имеющим нужды, и тотчас сделавшись от того неустойчивым и влающим, он и немощность собственной своей природы почувствовал, и блаженство, которым по дару Божию наслаждался, потерял. Так, поелику возлюбил он глаголы потопные, в коих величаясь, говорил: *Взойду на небо*, и язык льстив, коим, себя обманывая, говорил: *Буду подобен Всевышнему* (Ис. 14, 13), как потом обманул Адама и Еву, внушая им: *Будете как боги* (Быт. 3, 5), — то вот ему приговор: *За то Бог сокрушит тебя в конец, изринет тебя и исторгнет*

тебя из жилища твоего и корень твой из земли живых. Увидят праведники и убоятся, посмеются над ним и скажут: вот человек, который не в Боге полагал крепость свою, а надеялся на множество богатства своего, укреплялся в злодействе своем (Пс. 51, 6–9). Последние слова (вот человек) весьма справедливо могут быть обращаемы и к тем, которые надеются достигнуть высшего блага без Божия покровя и помощи.

136. Вот причина первого падения и начало главной страсти, которая потом чрез того, кто первый был ею уязвлен, вкравшись в первозданного, произрастила все множество страстей. И он — первозданный, поверив, что одною силою своего свободного произволения и своими усилиями может достигнуть славы Божества, потерял и ту, которую получил по благодати Создателя.

137. Так примерами и свидетельствами Святого Писания наияснейше доказывается, что страсть гордости, несмотря на то что в порядке духовных браней есть самая последняя, по началу, однако ж, есть самая первая и есть источник всех грехов и преступлений. Она, не как прочие страсти, не одну

только противоположную себе добродетель губит, то есть смирение, но есть губительница и всех вместе добродетелей, и искушает не каких-нибудь посредственных и ничтожных, а особенно таких, которые стоят на высоте могущества. Ибо так упоминает о сем духе пророк: *Роскошна пища его* (Авв. 1, 16). Посему и блаженный Давид хотя с таким вниманием оберегал тайники своего сердца, что к Тому, от Кого не сокрыты были тайны его совести, с дерзновением возглашал: *Господи, не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недосягаемое* (Пс. 130, 1), и еще: *Не будет жить в доме моем поступающий коварно* (Пс. 100, 7); однако ж, зная, как трудно даже и для совершенных уберечься от всякого движения сей страсти, не полагаясь в сем на одни свои усилия, но в молитве испрашивал помощи у Господа, да даст ему избежать уязвления стрелою сего врага, говоря: *Да не наступит на меня нога гордыни* (Пс. 35, 12) (то есть не дай мне, Господи, сделать какой шаг по внушению гордости), — боясь и страшась, как бы не подвергнуться тому, что говорится о гордых: *Бог гордым*

противится (Иак. 4, 6), и еще: *Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем* (Притч. 16, 5).

138. Сколь великое зло есть гордость, когда для противостояния ей мало Ангелов и других противных ей сил, но для сего воздвигается Сам Бог! Заметить надобно, что Апостол не сказал о тех, которые опутаны прочими страстями, что они имеют противящимся им Бога, то есть не сказал: Бог чревоугодникам, блудникам, гневливым или сребролюбцам противится, но одним гордым. Ибо те страсти или обращаются только на каждого из погрешающих ими, или по видимому пускаются на соучастников их, то есть других людей; а эта собственно направляется против Бога и потому Его особенно и заслуживает иметь противником себе.

139. Сетей этого непотребнейшего духа можем мы избежать, если о каждой из добродетелей, в которых чувствуем себя преуспевающими, будем говорить с Апостолом: *Не аз, но благодать Божия, яже со мною, и: Благодатию Божию есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10), и: *производит в вас и хотение и действие*

по Своему благоволению (Флп. 2, 13), как говорит и Сам Совершитель нашего спасения: Кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего (Ин. 15, 5), — и припевает псаломник: Если не Господь созиждет дом, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж (Пс. 126, 1). И ничья из желающих и текущих воля не достаточна к тому, чтобы облеченный воюющею против духа плотию мог без особенного покрова Божественного милосердия достигнуть совершенной чистоты и непорочности и за то удостоиться получить то, чего так сильно желает и к чему так течет. Ибо всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше от Отца Светов (Иак. 1, 17). Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься? (1 Кор. 4, 7).

140. Я говорю это не с тем, чтоб, уничтожая человеческие усилия, хотел отклонить кого-либо от заботливого и напряженного труда. Напротив, я решительно утверждаю — не моим мнением, но старцев, — что совершенство без них никак не может быть

получено и ими одними без благодати Божией оно никем не может быть доведено до надлежащей степени. Ибо мы как говорим, что усилия человеческие сами по себе без помощи Божией не могут его достигнуть, так утверждаем, что благодать Божия сообщается только трудящимся в поте лица, или, говоря словами Апостола, даруется только хотящим и текущим, судя и по тому, что в 88-м псалме поется от лица Божия: *Я оказал помощь мужественному, вознес избранного из народа* (Пс. 88, 20). Хотя по слову Господа говорим мы, что просящим дается, толкущим отвергается и ищущими обретается, но прошение, искание и толкание сами по себе не дозволительны к тому, если милосердие Божие не даст того, чего просим, не отвержет того, во что толкаем, и не даст найти то, что ищем. Оно готово даровать нам все это, как только мы дадим ему к тому случай привнесением своей доброй воли, ибо гораздо более, чем мы, желает и ожидает нашего совершенства и спасения. И блаженный Давид так глубоко сознавал невозможность получить успех в своем деле и труде собственными только усилиями, что удвоенным

прошением просил сподобиться, да Господь Сам исправит дела его, говоря: *И в деле рук наших споспешествуй нам, и в деле рук наших споспешествуй* (Пс. 89, 17), и опять: *Утверди, Боже, то, что Ты соделал для нас* (Пс. 67, 29).

141. Итак, надлежит нам так стремиться к совершенству, прилежа постам, бдениям, молитвам, сокрушению сердца и тела, чтоб, надымаясь гордостью, не делать всего этого напрасным. Мы должны веровать, что не только самого совершенства не можем достигнуть собственными усилиями и трудами, но и то самое, в чем упражняемся для достижения его, то есть подвиги и разные духовные делания, не можем как должно совершить без помощи благодати Божией.

142. Мы должны всегда возносить благодарение Богу не только за то, что Он создал нас разумными, одарил способностью свободного произволения, даровал благодать крещения, дал в помощь ведение закона, но и за то, что Он подает нам каждодневным Своим о нас промыслением, именно: освобождает от наветов вражеских, содействует нам преодолевать плотские страсти,

покрывает нас без ведома нашего от опасностей, ограждает от впадения в грех, помогает нам и просвещает в познании и уразумении требований закона Его, тайно вдыхает сокрушение о нерадении и прегрешениях наших, спасительно исправляет нас, удастая особенного присещения, иногда даже против воли влечет нас ко спасению. Наконец, самое свободное произволение наше, более склонное к страстям, направляет к лучшему душеполезному действию и обращает на путь добродетели присещением Своего воздействия на него.

143. Вот в чем, собственно, состоит смирение пред Богом, вот в чем вера древнейших отцов, пребывающая даже доселе незапятнанною и у их преемников. Об этой их вере дают несомненное свидетельство Апостольские силы, проявленные ими не только у нас, но и между неверными и маловерными.

144. Иоас, царь Иудейский, сначала был похвальной жизни, но потом, возгордившись, предан был бесчестным и нечистым страстям, или, по Апостолу, *превратному уму делать непотребства* (Рим. 1, 28). Таков закон правды Божией, что кто нераскаянно

надымается гордостным превозношением сердца, тот предается на посрамление гнуснейшей плотской срамоте, чтоб, будучи уничижен таким образом, он восчувствовал, что если он оказывается теперь так оскверненным, то это потому, что прежде не хотел сознать глубочайшей и важнейшей нечистоты от гордостного превозношения, и чтоб, сознав это, возревновал очистить себя от той и другой страсти.

145. Итак, очевидно, что никто не может достигнуть последнего предела совершенства и чистоты иначе, как смирением истинным, которое он, видимо свидетельствуя пред братьями, изъявляет также и пред Богом в сокровенностях сердца своего, веруя, что без Его покрова и помощи, в каждый момент его посещающих, никак не может он достигнуть совершенства, которого желает и к которому с усилием течет.

146. Доселе, сколько позволяла скудость нашего дарования, при помощи Божией довольно сказали мы о духовной гордости, которую, как сказано, искушаются совершенные. Этот род гордости не многим известен и не многими испытывается, потому что

не многие стараются стяжать совершенную чистоту сердца, чтоб дойти до таких браней. Она обыкновенно борет только тех, которые, победив все другие страсти, находятся уже почти на самом верху добродетелей. Хитрейший враг наш, поелику не мог одолеть их, влеча к плотскому грехопадению, то теперь покушается запнуть их и низринуть падением духовным, замышляя чрез него лишить их всех прежних плодов, стяжанных с большим трудом. Впрочем, нас, которые еще опутаны плотскими страстями, он во все не достаивает искушать таким образом, но запинаят грубою и, так сказать, плотскою надменностию. И потому об этой, в которую впадать подвергаемся опасности наипаче мы, или люди нашей меры, и особенно души юных или новоначальных иноков, необходимо почитаю немного потолковать по нашему обещанию.

147. Эта плотская, как мы сказали, гордость, если после недобре и без должной ревности положенного начала отречения от мира останется в душе монаха, то, не попуская ему от прежней мирской надменности низойти до истинного смирения

Христова, сначала делает его непокорливым и упрямым, потом не дает ему быть кротким и обходительным, равно как вести себя в уровень со всеми братьями и жить как все, не выдаваясь; особенно не уступает, чтоб он, по заповеди Бога и Спаса нашего, обнажился от всякого земного стяжания; и между тем, как отречение от мира не что иное есть, как показание умертвия всему и креста, и не может в истинном виде быть начато и созидаться на других основаниях, как чтоб сознавать себя не только всем делам мира сего духовно умершим, но веровать, что и телесно имеет умереть каждый день, — она, напротив, наущает его чаять долговечной жизни, представляет впереди разные продолжительные болезни, колеблет стыдом и смущением, если, оставшись безо всего, начнет содержание иметь из чужих, а не из своих источников, и внушает, что пищу и одежду гораздо лучше доставать себе на свои, чем на чужие средства, напоминая в подтверждение сего следующее изречение: *Блаженнее давать, нежели принимать* (Деян. 20, 35), — которое в каком смысле сказано, никогда не могут

уразуметь эти, одebelевшие и охладевшие сердцем.

148. Инок, так недобре начавший свое мироотречение, никогда не может вместить истинного простого смирения Христова. Он не перестанет или хвалиться знатностью рода, или надмеваться прежним мирским чином, который оставил только телом, а не сердцем, или возноситься деньгами, удержанными при себе на свою пагубу, потому что из-за них не может уже он ни спокойно нести иго монастырских порядков, ни подчиняться наставлениям какого-либо старца. Кем овладеет гордость, тот унижительным для себя считает соблюдать какие-либо правила подчинения или послушания, даже неохотно слушает и общее учение о совершенстве духовной жизни, иногда же и полное питает к нему отвращение, особенно когда, обличаемый совестью, примет подозрение, что оно намеренно направлено против него. В последнем случае сердце его еще более ожесточается и возгорается гневом. После чего бывает у него громкий голос, грубая речь, строптивый с горечью ответ, гордая и подвижная походка, неудержимая

говорливость. Таким образом бывает, что духовное собеседование не только никакой не приносит ему пользы, но, напротив, оказывается вредным, делаясь для него поводом к большему греху.

149. Слышал я, что один из юных иноков, когда авва укорял его, зачем он, оставя смирение, которое являл несколько времени по отречении от мира, начал надмеваться диавольскою гордостью, с крайним высокомерием ответил ему: «Разве я для того несколько времени смирял себя, чтобы навсегда быть подчиненным?» При этом столь необузданном и преступном ответе старец так остолбенел от изумления, что речь его порвалась, как будто он услышал такие слова не от человека, а от самого древнего Люцифера, и он ни одного звука не мог испустить из уст своих против такой дерзости, а только одни выпускал из сердца воздыхания и стенания, молча повторяя в уме сказанное о Спасителе нашем: *Он, будучи образом Божиим... смирил Себя, быв послушным не на время (как говорит этот, одержимый диавольским духом надмения), но даже до смерти (Флп. 2, 6, 8).*

150. Эта плотская гордость вот в каких действиях проявляется: в говорении ее бывает крикливость, в молчании — досадливость, при веселости громкий, разливающийся смех, в печали — бессмысленная пасмурность, при отвечании — колкость, в речи — легкость, слова — как попало вырывающиеся без всякого участия сердца. Она не знает терпения, чужда любви, смела в нанесении оскорблений, малодушна — в перенесении их, тяжела на послушание, если не предваряет его ее собственное желание и воля, на увещания непреклонна, к отречению от своих волений не способна, к подчинению чужим крайне упорна, всегда усиливается поставить на своем решении, уступить же другому никогда согласна не бывает; и таким образом бывает, что сделавшись неспособною принимать спасительные советы, она более верит своему мнению, чем рассуждению старцев.

151. По таким степеням ниспадения тот, кем овладевает однажды гордость, спустившись долу, с ужасом отвращается уже от строгого общежительного благочиния и — полагая, что если он мало подвигается

на пути к совершенству, то это потому, что его замедляет в этом сообщение с братьями, и что если он мало успевает в стяжании терпения и смирения, то это по вине других, по препонам с их стороны, — принимает желание жить в уединенной келлии или даже предпринимает устроить особый монастырь, в видах привлечения многих к строгой жизни, и спешит собрать долженствующих последовать его учению и наставлению, делаясь таким образом из непотребного ученика непотребнейшим учителем.

152. Итак, если хотим, чтобы здание наше поднялось до самого верха и было угодно Богу, то постараемся положить основание ему не по самоугодливой воле нашей, а по точному Евангельскому учению, по ко-ему таким основанием может быть не что другое, как страх Божий и смирение, порождаемое кротостию и простосердечием. Смирение же не может быть приобретено без обнажения от всего, без коего никак нельзя утвердиться ни в добром повиновении, ни в твердом терпении, ни в невозмутимой кротости, ни в совершенной любви; а без этих сердце наше отнюдь не может быть

жилищем Святого Духа, как возглашает о сем Господь чрез пророка: *На кого воззрю, токмо на кроткого, и молчаливого, и трепещущего словес Моих* (Ис. 66, 2).

153. Почему воин Христов, который, законно подвизаясь подвигом духовным, желает быть увенчанным от Господа, должен всячески постараться истребить и этого лютейшего зверя как поглотителя всех добродетелей, будучи уверен, что пока он будет в его сердце, то ему не только нельзя будет освободиться от всех страстей, но что если возымеет он сколько-нибудь добродетели, и та погибнет от его яда. Ибо в душе нашей никак не может быть воздвигаемо здание добродетелей, если наперед в сердце нашем не будут положены основы истинного смирения, которое, будучи наипрочнейше сложено, только одно и сильно сдерживать до верха возведенное здание совершенства и любви. Для сего надлежит нам, во-первых, пред братьями нашими с искренним расположением изъявлять истинное смирение, ничем не позволяя себе опечалить их или оскорбить, — чего никак не можем мы исполнить, если по любви ко Христу не будет в нас

глубоко укоренено истинное от всего отречение, состоящее в полном обнажении себя от всякого стяжания; во-вторых, надлежит в простоте сердца и без всякого притворства воспринять иго послушания и подчинения, так, чтоб, кроме заповеди аввы, никакая другая воля отнюдь не жила в нас, что никем не может быть соблюдаемо, кроме того, кто не только возымел себя мертвым для мира сего, но и почитает неразумным и глупым и без всякого размышления исполняет все, что ни прикажут старцы, по вере, что все то священно и от Самого Бога возвещается.

154. Когда будем мы держаться в таком настроении, тогда за этим, без всякого сомнения, последует такое невозмутимое и неизменное состояние смирения, что, почитая себя низшими всех, самым терпеливым образом будем мы переносить все нам причиняемое, сколь бы оно ни было напрасленно, оскорбительно или даже вредно, так как бы то налагаемо было на нас от наших начальственных отцов (как послушание или испытание). И не только легко все такое будет нами переносимо, но и почитаемо малым и ничтожным, если притом постоянно

будем содержать в памяти и чувстве страдания Господа нашего и всех святых, потому что тогда напраслины, нами испытываемые, будут казаться нам настолько легче, насколько далеко отстоим мы от их великих дел и многоплодной жизни. Воодушевление к терпению, отсюда исходящее, еще будет сильнее, если при этом будем помышлять, что скоро переселимся и мы из сего мира и по скором конце нашей жизни тотчас станем соучастниками их блаженства и славы. Такое помышление губительно не только для гордости, но и для всех страстей. После этого следует нам крепко-накрепко держать такое смирение и пред Богом, что будет нами исполнено, если будем питать убеждение, что мы сами собою, без Его помощи и благодати, ничего не можем сделать, что относится к совершенству добродетели, и будем искренне верить, что и то самое, что успели мы уразуметь, есть Его дар.

Святитель
ИГНАТИЙ
(БРЯНЧАНИНОВ)

Слово о смерти *

Христиане, одни православные христиане, и притом прошедшие земную жизнь благочестиво или очистившие себя от грехов искренним раскаянием, исповедью пред отцом духовным и исправлением себя, наследуют вместе со светлыми Ангелами вечное блаженство. Напротив того, нечестивые, то есть неверующие во Христа, злочестивые, то есть еретики, и те из православных христиан, которые проводили жизнь в грехах или впали в какой-либо смертный грех и не у врачевали себя покаянием, наследуют вечное мучение вместе с падшими ангелами. Патриархи Восточно-Кафолической Церкви в послании своем говорят: «Души человекoв, впавших в смертные грехи и при смерти не отчаявшихся, но еще до разлучения с настоящей

* *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. В 7 т. М.: Сретенский монастырь, 1996–2001. Т. 3. С. 72, 163–171. Приводится в сокращении.

жизнью покаявшихся, только не успевших принести никаких плодов покаяния, каковы: молитвы, слезы, коленопреклонения при молитвенных бдениях, сокрушение сердечное, утешение бедных и выражение делами любви к Богу и ближним, что вся Кафолическая Церковь с самого начала признает богоугодным и благопотребным, — души таких чело­веков нисходят во ад и терпят за учиненные ими грехи наказания, не лишаясь, впрочем, надежды облегчения от них. Облегчение же получают они по бесконечной бла­гости, чрез молитвы священников и благо­творения, совершаемые за умерших, а особенно силой Бескровной Жертвы».

Выше было сказано, что смертный грех православного христианина, не уврачеванный должным покаянием, подвергает согрешившего вечной муке; также было сказано, что язычники, магометане и прочие лица, принадлежащие ложным религиям, составляют отселе достояние ада и лишены всякой надежды спасения, будучи лишены Христа, единого средства ко спасению. Смертные грехи для христианина суть следующие: ересь,

раскол, богохульство, отступничество, волшебство, отчаяние, самоубийство, любодеяние, прелюбодеяние, противоестественные блудные грехи, кровосмешение, пьянство, святотатство, человекоубийство, грабеж, воровство и всякая жестокая, бесчеловечная обида. Только один из этих грехов — самоубийство — не подлежит врачеванию покаянием, но каждый из них умерщвляет душу и делает ее неспособною для вечного блаженства, доколе она не очистит себя удовлетворительным покаянием. Если человек впадет хотя однажды в один из этих грехов, он умирает душою: *Кто соблюдает весь закон, — сказал Богобрат, — и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем. Ибо Тот же, Кто сказал: не прелюбодействуй, сказал и: не убей; посему, если ты не прелюбодействуешь, но убьешь, то также преступник закона* (Иак. 2, 10–11).

Впадший в смертный грех да не впадает в отчаяние! Да прибегает к врачевству покаяния, к которому призывается до последней минуты его жизни Спасителем, возвестившим во Святом Евангелии: *Верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11, 25).

Но бедственно пребывать в смертном грехе, бедственно, когда смертный грех обратится в привычку! Никакие добрые дела не могут искупить из ада душу, не очистившуюся до разлучения своего с телом от смертного греха. В царствование греческого императора Льва жил в Константинополе человек очень славный и богатый, подававший обильную милостыню нищим. К несчастью, он предавался греху прелюбодеяния и пребывал в нем до старости, потому что от времени укрепился в нем обычай злой. Непрестанно подавая милостыню, он не отступал от прелюбодеяния — и внезапно умер. Много рассуждал о его вечной участи патриарх Геннадий с другими епископами. Одни говорили, что он спасен, по сказанному в Писании: *Богатством своим человек выкупает жизнь свою* (Притч. 13, 8). Другие утверждали против этого, что рабу Божию должно быть непорочно и нескверно, потому что также сказано в Писании: *Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем* (Иак. 2, 10–11), не помянется вся правда его (ср.: Иез. 33, 13); и Бог сказал: в чем тебя застаю, в том и буду

судить (ср.: Иез. 33, 20). Патриарх повелел всем монастырям и всем затворникам просить у Бога, чтоб открыл о судьбе почившего, и Бог открыл о ней некоторому затворнику. Он пригласил патриарха к себе и поведал ему пред всеми: «В прошедшую ночь я был на молитве и увидел некоторое место, имеющее по правую руку рай, исполненный неизреченных благ, по левую же — огненное озеро, которого пламень восходил до облаков. Между блаженным раем и страшным пламенем стоял умерший связанным и стонал ужасно; он часто обращал взоры к раю и предавался горьким рыданиям. И видел я светящего Ангела, приступившего к нему и сказавшего: “Человек! Что ты стонешь напрасно? Вот, ради милостыни твоей ты избавлен муки; а за то, что не оставил скверного любодеяния, ты лишен блаженного рая”». Патриарх и бывшие с ним, услышав это, объаты были страхом и сказали: «Истину провещал апостол Павел: *Бегайте блуда: всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела* (1 Кор. 6, 18). Где те, которые говорят: если и впадем в любодеяние, то спасемся

милостынею? Милостивый, если он милостив истинно, то должен прежде помирловать самого себя и приобрести чистоту тела, без которой никто не узрит Бога. Не приносит никакой пользы серебро, раздаваемое рукою нечистою и душою нераскаянною».

Лишены надежды спасения и те православные христиане, которые стяжали греховные страсти и посредством их вступили в общение с сатаною, расторгнув общение с Богом. Страсти суть греховные навыки души, обратившиеся от долгого времени и частого упражнения в грехе как бы в природные качества. Таковы: чревообъядение, пьянство, сладострастие, рассеянная жизнь, сопряженная с забвением Бога, памятозлобие, жестокость, сребролюбие, скупость, уныние, леность, лицемерие, лживость, воровство, тщеславие, гордость и тому подобное. Каждая из этих страстей, обратившись в характер человека и как бы в правило его жизни, соделывает его неспособным к духовному наслаждению на земле и на небе, хотя бы человек и не впадал в смертный грех. *Не обманывайтесь*, — говорит святой апостол Павел, — *ни блудницы, ни идолослужители,*

ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пияницы, ни злоречивые, ни хищники Царства Божия не наследуют (1 Кор. 6, 9–10). Дела плоти известны, они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное; предвараю вас, как и прежде предвараю, что поступающие так Царства Божия не наследуют... но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями (Гал. 5, 19–24). Страсть требует тщательно врачевания покаянием и благовременного искоренения противоположною ей добродетелию. Страсть не всегда выражается делом; она может тайно жить в сердце человека, обладая его чувствованиями и помышлениями. Страсть познается из того, когда человек не престаёт воображать грех и услаждаться мечтанием его, когда, плененный им, он уже не в силах противиться увлекающей силе греховных помышлений и картин, которые своею непотребною сладостию поглощают всю его мудрость и крепость. Страстный

не престаёт совершать грех в мечтании и сердечном чувстве, чрез что поддерживает свое общение с темными духами и свою подчиненность им, а потому и свою вечную погибель. *Взывай громко, — повелевает Господь пророку Своему, — и укажи народу Моему на беззакония его и дому Иаковлеву — на грехи его. Они каждый день ищут Меня и хотят узнать пути Мои, как бы народ, поступающий праведно и не оставляющий законов Бога своего, они вопрошают Меня о судах правды, желают приближения к Богу: почему мы постымся, а Ты не видишь? Смирняем души свои, а Ты не знаешь? — Вот, в день поста вашего вы исполняете волю вашу (Ис. 58, 1–3).* То есть: «Лукавые мысли ваши! Вы приносите им всеожжения, как идолам! Вы признали как бы богами вашими лютые помышления и приносите им жертву, честнейшую из жертв, — свободу вашу, которую подобало вам посвятить Мне вашим благоделанием и чистою совестью».

Тогда только осеняет человека надежда спасения, когда он увидит себя в невидимой брани постоянным победителем. Эту мысль выразил святой пророк Давид, когда

молитвенно сказал Богу: *Из того узнаю, что Ты благоволишь ко мне, если враг мой не восторжествует надо мною* (Пс. 40, 12). Он молился о получении этого блаженного состояния, когда говорил: *От тайных моих очисти мя и от умышленных удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною. Тогда я буду непорочен и чист от великого развращения... Возврати мне радость спасения Твоего и Духом владычественным утверди меня... Да будут слова уст моих и помышление сердца моего благоугодны пред Тобою, Господи, твердыня моя и Избавитель мой* (Пс. 18, 13–14; 50, 14; 18, 15). Очевидно, что грехом тайным и вместе грехом великим пророк назвал страсть. Он назвал ее грехом чуждым, потому что она составляется из принятых и усвоенных душою бесовских помыслов, чуждых душе, от которых она томится и болеет, как от состояния противоестественного. Непорочность, достойная рая, является по истреблении из сердца страстей. Единый Святой Дух может вполне очистить человека от страстей и возвратить ему власть над самим собою, похищенную диаволом. В состоянии бесстрастия человек

достигает чистой любви и мысль его начинает постоянно пребывать при Боге и в Боге. Душа, ощутив осенение духа, увидев себя победительницей греховных помыслов и мечтаний, начинает ощущать неизъяснимую радость спасения. Эта радость не имеет никакого сходства с обыкновенною человеческою радостью, которая рождается единственно от тщеславия, составляется самоудовольствием, когда человек льстит сам себе, или когда льстят ему другие, или же когда льстит ему земное преуспеяние. Духовная радость, извещающая спасение, полна смиренномудрия, полна благодарения Богу, сопутствуется обильными и постоянными слезами, непрестанными молитвами, не насыщается осуждением и унижением себя, изливается в исповедании Богу, в славословии Бога, ознаменовывается умерщвлением к миру. Она — предощущение Вечной жизни! Она — живое познание Бога, которое вопиет таинственно: *Глас радости и спасения в жилищах праведников: десница Господня творит силу! Десница Господня высока, десница Господня творит силу! Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни. Строго*

наказал меня Господь, но смерти не предал меня. Отворите мне врата правды, войду в них, прославлю Господа. Вот врата Господа, праведные войдут в них (Пс. 117, 15–21). Врата Господня — благодатное смирение. Когда отверзутся пред умом эти врата Божественной Правды, он престаёт осуждать ближнего, памятозлобствовать на него, обвинять и его и обстоятельства, перестает оправдывать себя, познает во всем совершающемся непостижимую Правду Божию и потому отвергает свою правду как мерзость. Этими вратами в исповедании бесчисленных благодеяний Божиих и многочисленных своих согрешений, омовенный слезами покаяния и умиления, входит человек чистою молитвою и духовным видением пред лице Божие.

Бежим, бежим убийцы нашего — греха! Бежим греха не только смертного, но и простительного, чтоб он не обратился от небрежения нашего в страсть, низводящую в ад наравне с смертным грехом. Есть грехи простительные. Так, если случится кому увлечься чревообъядением, блудным воззрением и помышлением, произнести гнилое слово, солгать, украсть что-либо маловажное,

потщеславиться, погордиться, прогневаться, на короткое время огорчиться или воспамятозлобствовать на ближнего, — во всех таких увлечениях, по немощи человеческой, когда за ними следует сознание и раскаяние, мы удобно получаем прощение от милосердного Бога. Простительный грех не разлучает христианина с Божественною благодатью и не умерщвляет души его, как делает то смертный грех; но и простительные грехи пагубны, когда не раскаиваемся в них, а только умножаем бремя их. По сравнению, сделанному святыми отцами, одинаково может потопить человека и навязанный на шею тяжелый камень, и навязанный мешок с песком — так одинаково влекут в адскую пропасть и смертный грех, и накопленное множество малых, простительных грехов. Что, например, сделал особенно худого евангельский богач, предававшийся ежедневно увеселениям, имея на то собственные средства? Причиною его гибели выставлена в Евангелии единственно его рассеянная жизнь, приведшая к совершенному забвению о вечной будущности и о добродетели. Рассеянность сделалась его страстию; вне ее он не понимал жизни.

Беда получить сердечную язву — страсть! Эту язву наносит иногда самое ничтожное обстоятельство: один неосторожный, по видимому, невинный взгляд, одно необдуманное слово, одно легкомысленное прикосновение могут заразить неисцельно. В некотором женском монастыре жила при игумении ее племянница, прекрасная собою по наружности и неукоризненного поведения. Все сестры любовались и назидались ее ангеловидностию и необыкновенною скромностию. Она скончалась. Ее похоронили торжественно, в твердой уверенности, что чистая душа ее воспарила в райские обители. Огорченная разлукою с нею, игумения предавалась непрестанной молитве, усиливая эту молитву постом и бдением, и просила Господа, чтоб Он открыл ей, какой небесной славы удостоилась ее племянница в лике блаженствующих девственниц. Однажды, когда игуменья в келейной тишине преполовляющейся ночи стояла на молитве, внезапно расступилась земля под ее ногами, и клокочущая огненная лава потекла пред взорами молившейся. Вне себя от испуга, она взглянула в открывшуюся пред нею пропасть — и видит

среди адского пламени свою племянницу. «Боже мой! — отчаянно воскликнула она. — Тебя ли вижу я?» — «Да», — со страшным стоном произнесла погибшая. — «За что ж это? — с горестью и участием спросила старица. — Я надеялась видеть тебя в райской славе, в ликах ангельских, среди непорочных агниц Христовых, а ты... За что это?» — «Горе мне, окаянной! — простонала мучившаяся. — Я сама виною вечной моей смерти в этом пламени, непрестанно пожирающем, но не уничтожающем меня. Ты хотела видеть меня — и Бог открыл тебе тайну моего положения». — «За что ж это?» — снова сквозь слезы спросила игуменья. — «За то, — отвечала мучившаяся, — что я в виду вашем казалась девственницею, непорочным ангелом, а на самом деле была не то. Я не осквернила себя плотским грехом, но мои мысли, мои тайные желания и преступные мечты свели меня в геенну. При непорочности моего девического тела я не умела сохранить в непорочности мою душу, мои мысли и движения сердечные, и за это я предана муке. По неосторожности моей я питала в себе чувство сердечной привязанности к одному юноше, услаждалась

в моих мыслях и мечтах представлением его прекрасного вида и соединением с ним и, понимая, что это грех, совестилась открыться в нем духовнику при исповеди. Следствием порочного услаждения нечистыми мыслями и мечтаниями было то, что по кончине моей святые Ангелы возгнушались мною и оставили меня в руках демонов. И вот теперь я горю в гееннском пламени, вечно буду гореть и никогда, никогда не сгорю, нет конца мучению для отверженных небом!» Сказав это, несчастная застонала, застонала, заскрежетала зубами и, подхваченная пылающею лавою, скрылась со всем видением от взоров игумении.

«Должно хранить душу и всячески ее блюсти, — говорит святой Макарий, — чтоб она не приобщалась скверным и злым помыслам. Как тело, совокупляясь с другим телом, заражается нечистотою, так и душа растлевается, сочетаясь с скверными и злыми помыслами и согласуясь заодно с ними. Это надо разуместь не об одном или двух родах помыслов, приводящих ко греху, но о всех вообще злых помыслах, как то: о помыслах неверия, лести, тщеславия, гнева, зависти и рвения. В отвержении всех этих помыслов и заключается

очищение себя *от всякой скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1). Знай, что и в тайне души содевается действием непотребных помыслов растление и блуждение, по слову великого Апостола: *Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог* (1 Кор. 3, 17). Под именем храма Божия разумей это видимое наше тело. Так и тот, кто растлит душу и ум, соединяясь и совокупляясь с злобою, повинен казни. Как должно хранить тело от видимого греха, так должно хранить и душу, эту невесту Христову, от непотребных помыслов. *Я обручил вас, — говорит Апостол, — единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою* (2 Кор. 11, 2). И другое Писание говорит: *Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни* (Притч. 4, 23). И опять научись из Божественного Писания, что *неправые умствования отдалают от Бога* (Прем. 1, 3)». Преподобный Нил Сорский так рассуждает о страсти: «Страсть подлежит или соразмерному покаянию, или будущей муке. Должно раскаиваться в страсти и молиться о избавлении от нее: она подлежит будущей муке за нераскаяние в ней, а не за производимую ею внутреннюю борьбу.

Если б вечною мукою каралась самая борьба, то без совершенного бесстрастия не было бы отпущения грехов, которое, однако ж, получено многими, как говорит святой Петр Дамаскин. Боримый какою бы то ни было страстию должен тщательно противиться ей, сказали отцы. Приведем в пример блудную страсть. Боримый блудною страстию к какому-либо лицу должен всячески удаляться собеседования с ним и сопребывания, прикосновения даже к одежде его и обоняния его. Не хранящийся во всем этом совершает страсть и злодействует помыслами в сердце своем, сказали отцы. Таковой сам возжигает в себе печь страстей и вводит в себя, как зверей, лукавые помыслы».

Восемь главных страстей с их подразделениями и отраслями *

Чревообъядение

Объядение, пьянство, нехранение и разрешение постов, тайноядение, лакомство, вообще нарушение воздержания. Неправильное и излишнее любление плоти, ее живота и покоя, из чего составляется самолюбие, от которого нехранение верности Богу, Церкви, добродетели и людям.

Любодеяние

Блудное разжжение, блудные ощущения и положения души и сердца. Принятие нечистых помыслов, беседа с ними, услаждение ими, соизволение им, медление в них. Блудные мечтания и пленения. Нехранение чувств,

* *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. В 7 т. М.: Сретенский монастырь, 1996–2001. Т. 1.

в особенности осязания, в чем дерзость, погубляющая все добродетели. Сквернословие и чтение сладострастных книг. Грехи блудные естественные: блуд и прелюбодеяние. Грехи блудные противоестественные.

Сребролюбие

Любление денег, вообще любление имущества движимого и недвижимого. Желание обогатиться. Размышление о средствах к обогащению. Мечтание о богатстве. Опасение старости, нечаянной нищеты, болезненности, изгнания. Скупость. Корыстолюбие. Неверие Богу, неупование на Его Промысл. Пристрастия, или болезненная, излишняя любовь к разным тленным предметам, лишаящая душу свободы. Увлечение суетными попечениями. Любления подарков. Присвоение чужого. Лихва. Жестокосердие к нищей братии и ко всем нуждающимся. Воровство. Разбой.

Гнев

Вспыльчивость, принятие гневных помыслов: мечтание гнева и отмщения,

возмущение сердца яростью, помрачение ею ума; непристойный крик, спор, бранные, жестокие и колкие слова, ударение, толкание, убийство. Памятозлобие, ненависть, вражда, мщение, оклеветание, осуждение, возмущение и обида ближнего.

Печаль

Огорчение, тоска, отсечение надежды на Бога, сомнение в обетованиях Божиих, неблагодарение Бога за все случающееся, малодушие, нетерпеливость, несамоукорение, скорбь на ближнего, ропот, отречение от креста, покушение сойти с него.

Уныние

Леность ко всякому доброму делу, в особенности к молитвенному. Оставление церковного и келейного правила. Оставление непрестанной молитвы и душеполезного чтения. Невнимание и поспешность в молитве. Небрежение. Неблагоговение. Праздность. Излишнее успокоение сном, лежанием и всякого рода негою. Перехождение с места

на место. Частые выходы из келлии, прогулки и посещения друзей. Празднословие. Шутки. Кошуну. Оставление поклонов и прочих подвигов телесных. Забвение грехов своих. Забвение заповедей Христовых. Нерадение. Пленение. Лишение страха Божия. Ожесточение. Нечувствие. Отчаяние.

Тщеславие

Искание славы человеческой. Хвастовство. Желание и искание земных и суетных почестей. Любление красивых одежд, экипажей, прислуги и келейных вещей. Внимание к красоте своего лица, приятности голоса и прочим качествам тела. Расположение к гнущим наукам и искусствам сего века, искание успеть в них для приобретения временной, земной славы. Стыд исповедовать грехи свои. Соккрытие их перед людьми и отцом духовным. Лукавство. Самооправдание. Прекословие. Составление своего разума. Лицемерие. Ложь. Лесть. Человекоугодие. Зависть. Уничтожение ближнего. Переменчивость нрава. Потворство. Бессовестность. Нрав и жизнь бесовские.

Гордость

Презрение ближнего. Предпочтение себя всем. Дерзость. Омрачение, дебелисть ума и сердца. Пригвождение их к земному. Хула. Неверие. Лжеименитый разум. Непокорность Закону Божию и Церкви. Последование своей плотской воле. Чтение книг еретических, развратных и суетных. Неповиновение властям. Колкое насмешничество. Оставление хриstopодражательного смирения и молчания. Потеря простоты. Потеря любви к Богу и ближнему. Ложная философия. Ересь. Безбожие. Невежество. Смерть души.

Таковы недуги, таковы язвы, составляющие собой великую язву — ветхость ветхого Адама, которая образовалась из его падения. Об этой великой язве говорит святой пророк Исаия: *От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и несмягченные елеем* (Ис. 1, 6). Это значит, по изъяснению святых отцов, что грех — язва не частная и не на одном каком-нибудь члене, но на всем существе: объяла тело, объяла

душу, овладела всеми свойствами, всеми силами человека. Эту великую язву Бог назвал смертью, когда, воспрещая Адаму и Еве вкушение от древа познания добра и зла, сказал: *В день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2, 17). Тотчас по вкушении плода запрещенного праотцы почувствовали вечную смерть; во взорах их явилось ощущение плотское: они увидели, что они наги. В познании наготы тела отразилось обнажение души, потерявшей красоту непорочности, на которой почивал Дух Святой. Действует в глазах плотское ощущение, а в душе стыд, в котором совокупление всех греховных и всех постыдных ощущений: и гордости, и нечистоты, и печали, и уныния, и отчаяния. Великая язва — смерть душевная; неисправима ветхость, происшедшая после потери Божественного подобия! Великую язву Апостол называет законом греховным, телом смерти (см.: Рим. 7, 23–24), потому что умерщвленные ум и сердце вполне обратились к земле, служат раболепно тленным пожеланиям плоти, омрачились, отяготели, сами соделались плоть. Эта плоть уже не способна к общению с Богом!

(см.: Быт. 6, 3). Эта плоть не способна наследовать блаженство вечное, небесное! (см.: 1 Кор. 15, 50). Великая язва разлилась на весь род человеческий, соделалась достоинством злосчастливым каждого человека.

Рассматривая великую мою язву, взирая на умерщвление мое, исполняюсь горькой печали! Недоумеваю, что мне делать? Последую ль примеру ветхого Адама, который, увидев наготу свою, спешит скрыться от Бога? Стану ли подобно ему оправдываться, возлагая вину на вины греха? Напрасно скрываться от Всевидящего! Напрасно оправдываться пред Тем, Кто всегда побеждает, внемлет судити Ему (см.: Пс. 50, 6).

Облекусь же вместо смоковничных листьев в слезы покаяния; вместо оправдания принесу искреннее сознание. Облеченный в покаяние и слезы, предстану пред лицом Бога моего. Но где найду Бога моего? Врāju ли? Я изгнан оттуда, и Херувим, стоящий при входе, не впустил меня! Самою тягостию моей плоти я пригвожден к земле, моей темнице!

Грешный потомок Адама, ободрись! Воссиял свет в темнице твоей: Бог нисшел

в дольную страну твоего изгнания, чтоб возвести тебя в потерянное тобою твое Горнее Отечество. Ты хотел знать добро и зло — Он оставляет тебе это знание. Ты хотел сделаться яко Бог, — и от этого сделался по душе подобным диаволу, по телу подобным скотам и зверям. Бог, соединяя тебя с Собою, соделывает тебя Богом по благодати. Он прощает тебе грехи. Этого мало! Он изъе­млет корень зла из души твоей, самую заразу греховную, ад, ввергнутый в душу диаволом, и дарует тебе врачевство на весь путь твоей земной жизни для исцеления от греха, сколь бы раз ты ни заразился им по немощи твоей. Это врачевство — исповедание грехов. Хочешь ли совлечься ветхого Адама, ты, который святым крещением уже облечен в Нового Адама, но собственными беззакониями успел оживить в себе ветхость и смерть, заглушить жизнь, соделать ее полумертвою? Хочешь ли ты, поработившийся греху, влекомый к нему насилием навыка, возвратить себе свободу и праведность? Погрузись в смирение! Победи тщеславный стыд, научающий тебя лицемерно и лукаво притворяться праведным и тем хранить,

укреплять в себе смерть душевную. Извергни грех, вступи во вражду со грехом искренней исповедью греха. Это врачевание должно предварять все прочие; без него врачевание молитвой, слезами, постом и всеми другими средствами будет недостаточным, неудовлетворительным, непрочным. Поди, горделивый, к духовному отцу твоему, у ног его найди милосердие Отца Небесного! Одна, одна исповедь, искренняя и частая, может освободить от греховных навыков, соделать покаяние плодоносным, исправление — прочным и истинным.

В краткую минуту умиления, в которую открываются очи ума для самопознания, которая приходит так редко, написал я это в обличение себе, в увещание, напоминание, наставление. А ты, кто с верою и любовью о Христе прочитаешь эти строки и, может быть, найдешь в них что-нибудь полезное себе, принеси сердечный вздох и молитву о душе, много пострадавшей от волн греховных, видевшей часто перед собой потопление и гибель, находившей отдохновение в одном пристанище — в исповедании своих грехопадений.

Отношение христианина к страстям его *

Некоторый великий подвижник сказал: «Должно терпеть свои недостатки точно так же, как терпим недостатки других, и снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах. Вместе с этим не должно предаваться нерадению: должно заботиться усердно о исправлении и усовершенствовании себя» **.

«Не возмущайся, не приходи в недоумение, — сказал некоторый святой отец, — когда увидишь в себе действие какой-либо страсти. Когда восстанет страсть, подвизайся против нее, старайся обуздать и искоренить ее смирением и молитвою***.

Смущение и недоумение при открывшемся действию страсти служит

* *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты. Творения. В 7 т. М.: Сретенский монастырь, 1996–2001. Т. 1

** Духовные наставления блаженного старца Серафима Саровского, глава 10 о подвигах, изд. 1844 года.

*** *Авва Дорофей, прп.* Поучение 13-е, о терпении искушений.

доказательством, что человек не познал самого себя.

При свете Слова Божия рассмотрим отношение наше к страстям и немощам нашим, чтоб получить правильное понятие о себе и, на основании правильного понятия о себе, правильно управлять собою.

Человек в беззакониях зачинается, рождается во грехах (см.: Пс. 50, 7) — следовательно, страсти, или греховные недуги души и тела, свойственны нашему падшему естеству.

Страсти противоестественны непорочному естеству нашему, каким оно было создано; противоестественны страсти и естеству обновленному; они естественны падшей природе. Так естественны всякой телесной болезни свойства этой болезни; так естественны болезни и смерть нашему телу, утратившему бессмертие и свойства бессмертия. До падения бессмертие было естественно нашему телу — болезни и смерть были неестественны.

Страсти — иначе грех, в обширном значении этого слова. Апостол, когда говорит о грехе, живущем в человеке (см.: Рим. 7, 14; 17, 20),

разумет под словом грех заразу злом всего естества человеческого, разумет страсти. Это состояние называется также состоянием плотским и смертью (см.: Рим. 7, 14; 8, 2).

Человек до искупления рода нашего Спасителем не мог противиться страстям, хотя бы и хотел: они насильно увлекали его, они властвовали над ним против воли его. Христианин, при посредстве святого крещения, свергает с себя иго страстей; он получает силу и возможность противиться страстям, попирает их*. Но и искупленному человеку, человеку обновленному, помещенному в духовном раю — в Церкви — предоставлена свобода: по произволу своему он может или противиться страстям и победить их о Господе, или покоряться и поработиться им. Так и в чувственном раю предоставлено было на произвол первозданному человеку или повиноваться заповеди Божией, или преслушать ее.

Каждое сопротивление, оказанное требованию страсти, ослабляет ее; постоянное

* *Авва Дорофей, прп.* Поучение 1-е, об отвержении мира.

сопротивление низлагает ее. Каждое увлечение страстью усиливает ее, постоянное увлечение страстью поработает страсти увлекающегося ею.

Сопротивление христианина страстям должно простираться до распятия плоти со страстями и похотями (см.: Гал. 5, 24); оно должно простираться в избранных духовных борцах до пролития крови: «Отдай кровь и прими Дух»*. Только *страдающий плотию перестает грешить* (1 Пет. 4, 1). Это значит: только злостраждущий по телу в вольных или невольных подвигах способен противостоять греховным пожеланиям плоти, подавить и заглушить их в себе. Тело, упокоиваемое и лелеемое разнообразною негою и угождениями ему, — вместилище страстей.

Пострадавший и распявшийся за нас Богочеловек требует от учеников и последователей Своих, чтоб они подражали Его страданиям, чтоб пожертвовали всем временным для вечного, тленным для нетленного, чтоб

* *Авва Лонгин. Достопамятные сказания. 4-е изречение.*

были учениками и последователями Богочеловека самую жизнью.

Необходим подвиг для христианина; но не подвиг освобождает христианина от владычества страстей — освобождает его десница Вышнего, освобождает его благодать Святого Духа.

«Обузданием и умерщвлением плоти, трудами благочестия при тщательном соблюдении евангельских заповедей доставляется христианину истинное смирение. Истинное смирение заключается в полном самоотвержении, в полной преданности Богу, в непрестанном служении Богу. Такое смирение привлекает в душу Божественную благодать. Божественная благодать, осенивши душу, преподает ей духовное ощущение — и страсти, эти ощущения и влечения плотские и греховные, остаются праздными» *.

Действие страстей, услаждающее человека плотского, тягостно, мучительно для человека духовного, возбуждает в нем сильнейшее отвращение. При малейшем

* *Исаак Сирский, св. Слово 43.*

появлении или возбуждении страсти бежит он от нее, как от хищного, лютого зверя, как от убийцы, бежит под покров молитвы, под покров евангельского учения, под покров Божий.

Душа, не возделанная евангельскими заповедями, и тело, не возделанное трудами благочестия, не способны быть храмом Божественной благодати, храмом Святого Духа.

Сущность подвига заключается в исполнении заповедей. Не обуздывающий своего тела трудами, постом, бдением, молитвенными стояниями и потому предоставляющий господствовать в себе плотскому мудрованию, питающий и поддерживающий в себе страсти не возможен соделаться исполнителем заповедей.

Смерть, одна смерть вполне освобождает даже святых Божиих от влияния на них греха. Бесстыдны страсти: могут восстать они и в лежащем на смертном одре. Даже на смертном одре невозможно прекратить бдительности над собою. Поверь бесстрастию тела твоего тогда, когда оно уляжется во гроб.

«...Страсти, пребывая в христианине, постоянно принуждая его быть на страже,

постоянно вызывая его на борьбу, содействуют его духовному преуспеянию. Зло, по премудрому устроению Божественного Промысла, содействует благому намерением неблагим», — сказал преподобный Макарий Великий*.

Жесткий и тяжеловесный жернов стирает зерна пшеницы в муку, пшеницу соделывает способною к печению из нее хлебов. Тяжкая борьба со страстями стирает сердце человека, сминает надменный дух его, заставляет сознаться в состоянии падения, опытно обнаруживая это состояние, заставляет сознаться в необходимости искупления, уничтожает надежду на себя, переносит всю надежду на Искупителя.

Должно веровать, что в первородном грехе заключается семя всех страстей, что мы родимся с склонностию ко всем видам греха, и потому не должно удивляться проявлению и восстанию ни одной страсти как чему-нибудь необыкновенному и странному.

По свойствам души и тела, по влиянию обстоятельств в одном человеке действует

* Слово 4, гл. 6.

и развивается с особенною силою одна страсть, в другом — другая: в ином заметна особенная склонность к сребролюбию, в другом к объядению; один увлекается плотским вожделением, другой жаждою суетных почестей. Неувлекающийся какою-либо страстью не должен думать, что нет в нем этой страсти: только не было случая к обнаружению ее.

Постоянно должно быть готовым к противодействию всем страстям. В особенности должно бодрствовать против страсти преобладающей, проявляющейся чаще других страстей, наиболее беспокоящей человека.

Страсти, свойственные падшему естеству, различаются величайшим различием от страстей, усваиваемых произвольно каждым человеком. Сила вторых несравненно значительнее силы первых. Но покаяние, как всемогущее врачевство, преподаваемое Всемогущим Врачом — Богом, врачует человека, произволящего употребить законно это врачевство, врачует со всей удовлетворительностью от всех греховных недугов.

Некоторые страсти служат началом и причиною для других страстей, таковы:

объядение, нега, развлечения, роскошь, сребролюбие, славолюбие, неверие. Последствия их: сладострастие, печаль, гнев, памятозлобие, зависть, гордость, забвение Бога, оставление добродетельного жительства.

В духовном подвиге должно преимущественно вооружаться против начальных страстей: последствия их будут уничтожаться сами собою. Отрекшийся от телесных наслаждений, от человеческой славы, от любостяжания, от рассеянной жизни не будет предаваться гневу и печали, не обуяет его ни гордость, ни зависть; беспрепятственно будет он шествовать по пути заповедей Божиих к спасению, к обширному Богопознанию, доступному для одних чистых сердцем.

Вождь всех страстей — неверие. Оно отверзает вход в душу и сребролюбю, и честолюбю, и скверным вождедениям, и гневу, и печали, и исполнению зол — отчаянию.

Вождь и дверь всех истинных христианских добродетелей — вера.

Страсти живут тайно в людях, проводящих рассеянную, невнимательную жизнь;

по большей части они удовлетворяются ими, по большей части не примечаются ими, по большей части оправдываются — часто признаются за чистейшие, возвышеннейшие добродетели.

Один истинный христианин, постоянно внимающий себе, поучающийся в законе Господнем день и ночь, старающийся исполнять евангельские заповеди со всею тщательностью, может увидеть свои страсти. Чем более он очищается и преуспевает, тем более страсти обнаруживаются пред ним. Наконец пред взорами ума, исцеленного Евангелием, открывается страшная пропасть падения человеческого. Христианин видит в себе падение человечества, потому что видит свои страсти. Страсти — знамение греховного смертоносного недуга, которым поражено все человечество.

В какое положение приводит христианина зрение страстей своих, своего падения? Приводит в плач о себе, в плач горький, неутешный. Никакая земная радость не может остановить, прервать этого плача. Одна Божественная благодать останавливает его по временам, преподавая плачущему

и растерзанному сердцу надежду спасения, духовное успокоение и небесное наслаждение, истекающие из мира Христова.

В какое положение приводит христианина открывшееся в нем действие страстей? Оно восставляет его к усиленной брани против страстей. Подвижник Христов усугубляет свои молитвы, свой пост, свои бдения, свои коленопреклонения и, показуя умственно бедствия свои Богу, ходатайствует неизреченным сокрушением и болезнью сердца о помиловании. *Я, — говорит Божественный Давид, — во время болезни их одевался во вретнице, изнурял постом душу мою, и молитва моя возвращалась в недра мое... я ходил с поникшею головою, как бы оплакивающий мать* (Пс. 34, 13–14).

Чем обнаруживаются страсти? Помыслами, мечтаниями и ощущениями греховными. Помыслы и мечтания иногда внезапно являются уму, иногда татевным образом подкрадываются к нему; подобно этому возникают и ощущения в сердце и теле. Греховные помыслы, мечтания и ощущения влекут к совершению греха на самом деле или, по крайней мере, к услаждению и пленению

греховными помыслами, мечтаниями, ощущениями, к совершению греха в воображении и чувстве.

Подвижник Христов должен отречься не только от совершения греха делом, но и от совершения его в воображении и чувстве. Каждая страсть усиливается от услаждения ею, от исполнения незаконных требований и представлений ее тайными душевными движениями. Страсть, исполненная на самом деле или насажденная в душу долговременным сочувствием ей и питанием ее, получает владычество над человеком. Нужно много времени, нужен кровавый подвиг, нужно особенное Божие милосердие, особенная Божия помощь, чтоб свергнуть иго страсти, принятой произвольно, получившей власть над человеком или от падения человека в смертный грех, или от преступного, произвольного наслаждения грехом в сокровенном душевном чертоге, посвященном Христу.

Невозможно, чтоб страсти, живущие внутри человека, не обнаруживались в его помышлениях, словах и действиях. Эти обнаружения страстей, когда сопровождаются каким бы то ни было увлечением,

называются и признаются падениями* на поприще истинного христианского подвижничества, стремящегося к совершенству. Врачуются они немедленным покаянием.

Такие падения — неотъемлемая принадлежность ветхости ветхого Адама — человеческого естества, падшего и зараженного грехом. Особливо новоначальный подвижник не может не увлекаться греховными помыслами, мечтаниями и ощущениями; он не может не согрешать греховными помыслами, мечтаниями и ощущениями; он не может не согрешать словом и самым делом. Согрешения эти врачуются немедленным покаянием.

Не говорится здесь о падениях в смертные грехи и о произвольно греховной жизни, которая вся — падение: здесь говорится о падениях легких от немощи, называемых грехами простительными, от которых и самые праведники не были вовсе свободны.

Свидетельствует Писание: *Семь раз упадет праведник — и встанет* покаянием (Притч. 24, 16). Соответственно очищению

*Прп. Нил Сорский называет их мысленными падениями. Слово З.

покаянием уменьшаются увлечения, но вместе они делаются утонченнее, неприметнее, обольщают и обманывают иногда мужей, исполненных Божественной благодати (ср.: 1 Пар. 21, 1–8). Увлечения эти охраняют от превозношения, служат причиной смирения, удерживают на спасительной пажити покаяния*.

Смотря на себя из такого познания себя, должно хранить мир душевный, никак не смущаться и не унывать, не приходить в недоумение, когда откроется в нас действие страстей. Иногда действие это бывает легким, иногда очень сильным. Мужественно воспротивимся страстям.

Не престанут они восставать и нападать на нас до гробовой доски! И мы приготовимся к пожизненному сопротивлению им, в твердом убеждении, что не можем быть постоянными победителями страстей, что по естественной необходимости мы должны подвергаться невольным побеждениям, что самые эти побеждения споспешествуют преуспеянию, когда поддерживают и усиливают

* Нил Сорский, *прп.* Слово 3.

в нас покаяние и рождающееся из него смирение.

Не будем доверять нашим победам над страстями, не будем восхищаться этими победами. Страсти, подобно орудующим ими демонам, лукавы: они представляются побежденными, чтоб мы превознеслись и чтоб по причине нашего превозношения победа над нами была удобнее и решительнее.

Приготовимся смотреть на наши победы и побеждения одинаково: мужественно, хладнокровно, беспристрастно.

Увлекся ли ты мечтаниями греховными, усладился ли греховными помыслами, произнес ли праздное, безрассудное слово, употребил ли много пищи или сделал что другое, подобное этому, — не возмущайся, не малодушествуй, не прилагай вреда ко вреду*. Покайся немедленно пред Сердцеведцем — Богом, старайся исправиться и усовершенствоваться, убедись в необходимости строжайшего наблюдения за собою и, сохраняя спокойствие души, с твердостью и настойчивостью продолжай духовный путь твой.

* Старца Серафима, глава 10.

Спасение наше — Бог наш, не наши дела. Делами веры, то есть исполнением евангельских заповедей, мы доказываем истину нашей веры и верность нашу Богу.

Не обращай внимания на помыслы ложного смирения, которые по увлечении и падении твоём внушают тебе, что ты невозвратно прогневал Бога твоего, что Бог отвратил лице Свое от тебя, оставил, забыл тебя. Познай источник этих помыслов по плодам их. Их плоды: уныние, ослабление в духовном подвиге, а часто и оставление его навсегда или на продолжительное время.

Если человекам доступно познание, что каждому подвижнику на продолжительном и многотрудном поприще духовного подвига непременно предлежат и победы и побеждения, что невозможно ограниченности, немощи, греховности нашим не выражаться проявлениями, — тем более ведаёт это Создатель наш и Установитель подвига — Бог. С милосердием взирает Он на преткновения Своего подвижника и за великодушное постоянство и верность готовит ему венец правды, победы, славы.

Вожденна чистота сердца и тела! Ею зрится Бог (см.: Мф. 5, 8). Чистота эта приобретает постоянным и многотрудным подвигом против нечистоты. Для вступления в подвиг против нечистоты необходимо, чтоб она открылась пред взорами ума. Открывается она помыслами, мечтаниями, ощущениями плотскими. Никогда не борющийся против нечистоты, не ведающий ее, признающий себя чистым находится в самом опасном самообольщении, способен неожиданно для себя и внезапно низвергнуться в пропасть смертных согрешений: нечистота есть неотъемлемая принадлежность падшего естества, а чистота — дар благодати Божией, привлекаемый правильным трудом человека к очищению себя.

Величайшая разница — согрешать намеренно, по расположению к греху, и согрешать по увлечению и немощи, при расположении благоугождать Богу. Величайшая разница — проводить греховную жизнь, проводить жизнь, удовлетворяя всем пожеланиям, всем страстям своим, и претыкаться по причине немощи, ограниченности, по причине греховной заразы, шествуя по пути Божию.

Опасно преждевременное бесстрашие! Опасно преждевременное получение наслаждения Божественною благодатью. Дары сверхъестественные могут погубить подвижника, не наученного немощи своей падениями, неопытного в жизни, неискусного в борьбе с греховными помыслами, незнакомленного подробно с лукавством и злобою демонов, с удобоизменяемостью человеческого естества. Человек свободен в избрании добра и зла, хотя бы этот человек и был сосудом Божественной благодати, он может злоупотребить самою благодатию Божиею. По причине ее он может превознестись над ближними; по причине ее он может подвергнуться самонадеянности, последствием самонадеянности обыкновенно бывает нерадение, ослабление в подвиге, оставление его. Вслед за нерадением внезапно, неистово восстают плотские вожелания в душе и теле освященных, увлекают, подобно бурному потоку, низвергают в пропасть блудных поползновений, часто в самую смерть душевную.

Человеколюбец Бог, *Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4), попустил

служителям Своим, попустил возлюбленным Своим, на все время земного странствования их, борьбу с внешними и внутренними скорбями. Борьба со страстями и страдания, прозябающие из этой борьбы, несравненно тягостнее всех искушений извне. Томление и подвиг, в которые возводится христианин невидимую, внутреннюю борьбою, восходит значением своим к подвигу мучеников. Дай кровь и приими Дух, повторяем изречение отцов, ознакомившихся опытно с этою борьбою. Иго такого подвига несут одни тщательные исполнители заповедей Евангелия, одни истинные служители Христа. «Исполнение заповедей научает человека его немощи», — сказал преподобный Симеон*. На познании и сознании немощи зиждется все здание спасения.

Странный ход дела для поверхностного взгляда! «Исполнение заповедей научает человека его немощи». Но это — слова опыта. Только при тщательном исполнении заповедей Христовых человек может увидеть

* Добротолюбие, ч. 1. Главы богословские и деятельные, гл. 4.

множество страстей своих; только при тщательном исполнении заповедей Христовых человек может убедиться в совершенном бессилии ветхого Адама для деятельности Нового, в справедливости определения, произнесенного духовным законом, — определения, что этот закон может быть исполнен единственно щедротами Христовыми*.

Во всемогущей деснице Промысла самый грех, живущий внутри человека, объявший все существо его, объявший все члены души и тела, содействует его преуспеянию, если этот человек — истинный христианин.

Нищета духовная, сознание своего падения, сознание необходимости в Искупителе, стремление всем существом к исповеданию искупившего нас Сына Божия и Бога, Господа нашего Иисуса Христа, — плоды борьбы со страстями. Эти плоды — залог вечного блаженства.

Нищета духовная, падение человечества, живое исповедание Искупителя неизвестны сыну века сего. Он работает страстям,

* *Марк Подвижник, прп.* О законе духовном, гл. 32.

признает в себе обилие достоинств, видит добродетели — и или ничего не ожидает на Небе, не помышляя никогда о Небе, или ожидает там наград как долга, ожидает по причине глубокого неведения о единственной добродетели, награждаемой на Небе. Добродетель эта — христианство.

Раб Божий, исполняя евангельские заповеди, более и более открывает в себе страсти, и в то время, как благодать Святого Духа образует в нем блаженные духовные состояния: нищету духа, плач, кротость, милость, целомудрие, духовный разум, он признает себя грешником из грешников, несоделавшим никакого добра, виновным в бесчисленных согрешениях, достойным вечной муки в геенне огненной за непрестанное нарушение заповедей Божиих.

Святые отцы, видя в себе прозябающим плод духовный от борьбы со страстями, не желали прекращения этой борьбы — они желали претерпевать в ней доблественно, великодушно *. Блаженные! Они не искали другого совершенства, кроме совершенства в сми-

* *Авва Дорофей, прп.* Поучение 13-е.

рениии; они не искали обрести надежду спасения в чем-либо своем, а искали обрести ее во Христе. Где нет смирения, там нет христианских добродетелей, а где истинное смирение, там все добродетели во всей полноте их; там — Христос; там страсти и орудующий ими *враг* — диавол *не превозможет* на слугителя Христова, *и сын беззакония* — грех *не притеснит* (Пс. 88, 23).

Последуем стопам отцов — и достигнем в пристань вечного блаженства. Аминь.

Преподобный
НИКОДИМ
СВЯТОГОРЕЦ

Общие уроки об употреблении чувств *

Мне остается еще предложить тебе общие правила о том, как должно употреблять внешние чувства, чтоб впечатления от них не разоряли нашего духовно-нравственного строя. Внемли убо!

1) Паче всего, брат мой, всеусильно держи в руках злых и скорых окрадателей своих — очи свои и никак не позволяй им простираться к любопытному смотрению на лица женщин, красивы ли они или некрасивы, равно как и на лица мужчин, особенно юных и безбородых. Не позволяй им также смотреть на нагие тела, не только чужие, но и на свое собственное. Ибо от такого любопытства и страстного смотрения удобно может зародиться в сердце

* *Никодим Святгорец, прп.* Невидимая брань. Ч. I. Гл. 24.

сладолюбивая похоть блудная, не безвинная, как сказал Господь: *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). И из мудрых некто написал: «От воззрения рождается вожделение». Посему и Соломон, предостерегая нас от пленения очами и от уязвления похотением красоты, дает урок: *Сыне, не пожелай красоты ее в сердце твоём, и да не увлечет она тебя ресницами своими* (Притч. 6, 25). Вот тебе и примеры пагубных последствий от вольносмотрения очами: сыны Божиим, потомки Сифа и Еноса, увлеклись дочерьми Каина (см.: Быт. 6, 2); Сихем, сын Еммора в Сикиме, увидев Дину, дочь Иакова, пал с нею (см.: Быт. 34, 1-2); Сампсон пленен был красотой Далиды (см.: Суд. 16, 4); Давид пал от воззрения на Вирсавию (см.: 2 Цар. 11, 2); два старца, судии народные, обезумели от красоты Сусанны (см.: Дан. 13, 8-9).

Блудись также всматриваться в хорошие яства и пития, припоминая праматерь нашу Еву, которая, посмотрев недобрыми очами на плод запрещенного дерева в раю,

воспохотствовала его, сорвала и вкусила и подвергла смерти себя и весь род свой. Не смотри с вожделением на красивые одежды, ни на серебро и золото, ни на блестящие наряды мирские, чтоб чрез очи твои не вошла в душу твою страсть тщеславия или сребролюбия, об избавлении от чего так молится святой Давид: *Отврати очи мои, чтобы не видеть суеты* (Пс. 118, 37). И скажу обще: блюдись смотреть на хорошоды, пляски, пиры, пышности, споры, ссоры, пустоболтания и все другие неподобные и срамные дела, кои любит несмысленный мир и запрещает закон Божий. Бегай и закрывай очи свои от всего этого, чтоб не наполнить сердца своего страстными движениями и воображения срамными образами и не возбудить в себе бунта и брани против себя, пресеки непрерывность подвига, коим должен ты всегда подвизаться против страстей своих. Но люби посещать церкви и смотреть на святые иконы, священные книги, усыпальницы, кладбища и все другое преподобное и святое, смотрение на что может спасительно действовать на душу твою.

2) Надлежит тебе блюсти и уши свои. И, во-первых, не слушай срамных и сладострастных речей, песен и музыки, от которых блажь наполняется душа и разнеживается и сердце разгорается плотскою похотью, ибо написано: *Я буду иметь, что отвечать злословящему меня* (Притч. 27, 11).

Во-вторых, не слушай шумных и смехотворных речей, пустых и баснословных рассказов и выдумок, а если неволью услышишь, не услаждайся ими и не одобряй их. Непристойно христианам находить удовольствие в таких речах, а только тем развращенным людям, о коих сказал святой Павел, что они *от истины отвратят слух и обратятся к басням* (2 Тим. 4, 4).

В-третьих, не слушай с услаждением пересудов, наговоров и клевет, какие иные распространяют о ближних своих, но или пресекай их, если можешь, или удаляйся, чтоб не слышать их. Ибо святой Василий Великий равно почитает достойными отлучения как осуждающих и клеветников, так и тех, кои слушают их, не останавливая.

В-четвертых, не слушай пустых и суетных речей, в коих проводит время большая

часть миролюбцев, и не услаждайся ими. Ибо в законе написано: *Не внимай пустому слуху* (Исх. 23, 1). И Господь сказал: *Говорю же вам, что за всякое праздное слово, которое скажут люди, дадут они ответ в день суда* (Мф. 12, 36).

В-пятых, наконец, блюдись вообще от слушания всяких слов и речей, могущих действовать на тебя душевредно, в числе которых не последнее место занимают лести и похвалы льстецов, как сказал Исаия: *Народ мой! Вожди твои вводят тебя в заблуждение и путь стезей твоих испортили* (Ис. 3, 12). Но люби слушать Божественные словеса, священные песни и псалмы и все, что честно, свято, премудро и душеполезно; особенно же люби слушать поношения и укоры, когда кто осыпает тебя ими.

3) Блуди обоняние свое от всякого рода благоуханий, разнеживающих и могущих возбуждать плотские помыслы и движения; не держи их на себе, не намащайся ими и не вдыхай их похотливо и без меры. Все такое прилично женщинам недобрым, а не мужчинам любомудрым, потому что от этого расслабляется мужество души

и возбуждаются плотские страсти и похотения, могущие доводить и до падений, так что на употребляющих эти возбудительные благовония нередко исполняются пророческие угрозы, кои гласят: *Мажетесь наилучшими мастями... За то ныне пойдут они в плен во главе пленных, и кончится ликование изнеженных* (Ам. 6–7). *И будет [вам] вместо благовония зловоние* (Ис. 3, 23).

4) Блюда вкус свой и свое чрево, да не поработятся сладким и утучняющим разнообразным яствам и ароматным питьям разгорячающим. Ибо такие утешные трапезы, пока приобретешь все нужное для держания их, могут довести тебя до лжи, обмана, даже воровства, и до других многих поработительных страстей и злых дел, а когда приобретешь и станешь ими наслаждаться, могут ввергнуть тебя в ров плотских утех и скотских вожделений, кои обыкновенно действуют под чревом. И ты подпадешь тогда под осудительные определения пророка Амоса: *Вы, которые... едите лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища... пьете из чаш вино* (Ам. 6, 4, 6).

5) Блюдись руками своими хватать, жать и обнимать тело не только чужое, женщины ли то или мужчины и старца, равно как и юноши, но и свое собственное; особенно же без крайней нужды не дотрагивайся до известных членов. Чем произвольнее такое прикосновение, тем чувствительнее и живее бывает движение плотской похоти и тем неудержимее увлекает оно человека к самому делу греховному. И все другие чувства способствуют движению похоти и неким образом издали содействуют устроению греха; но, когда дойдет кто до осязания того, чего не должен касаться, тогда крайне трудно уже бывает ему удержаться от дела греховного.

К соблазнам осязания относятся также и уборы головные, одежда и обувь. Блюдись потому украшать тело свое мягкими разноцветными и блестящими одеяниями, голову драгоценными покрывами и ноги ценною обувью. Женоподобно все такое и для мужчины непристойно. Но одевайся степенно и смиренно, удовлетворяя нужду и потребность предохранять тело от холода зимою и от жары летом, чтоб иначе не услышать

и тебе того же, что услышал богач, облачавшийся в порфиру и виссон: *Вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей* (Лк. 16, 25), и не испытать на себе угроз пророка Иезекииля, который такой изрек приговор о людях сего рода: *Сложат с себя мантии свои и снимут с себя узорчатые одежды свои* (Иез. 26, 16).

Сюда же относятся и всякие другие упокоения плоти, каковы: частые купания и бани, красивые чрез меру дома, мягкие ковры, дорогая мебель, пышные одры и разнеживание на них. От всего этого берегись, как опасного для твоего целомудрия и близкой причины к возбуждению нечистых движений и позывов к плотским вожделениям и делам, чтоб не наследовать — увы! — несчастий, которыми угрожает святой пророк Амос: *Горе беспечным на Сионе* (Ам. 6, 1).

Все, что я теперь сказал тебе, есть та земля, коею питаться осужден змий-искуситель; и все это есть пища, коею питаются плотские страсти наши. Посему, если ты не станешь почитать этого малостью и не стоящею внимания ничтожностью, а, напротив, мужественно вооружишься

против сего и ничему такому не будешь попускать входить чрез чувства в душу твою и в твое сердце, то удостоверяю тебя, что воистину легко истощишь ты всю силу диавола и страстей, не пропуская для них пищи, коею они могли бы питаться в тебе, и в короткое время явишься доблестным победителем в невидимой брани.

У Иова написано, что мраволев* погиб оттого, что нечего было ему есть: *Могучий лев погибает без добычи* (Иов 4, 11). Этот мраволев изображает диавола, всегдашнего врага нашего, который бежит от человека, не дающего ему, чем питаться, чрез отвержение и подавление всех движений страстных, возбуждаемых впечатлениями внешних чувств наших. На мраволева же он похож тем, как говорит некий инок Иовий в библиотеке Фотия Патриарха, что всегда начинает губить человека чрез ввержение его сперва в малые грехи, как мал муравей, а потом, когда приучит его к таким малым грехам, ввергает уже и в большие; и тем еще похож он на него, что

* Мраволев (*ц.-сл.*) — муравьиный лев, старый лев.

вначале кажется бессильным и малым, как муравей, а потом является сильным великаном, как большой лев.

ОСНОВЫ
ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
ПО СЛАВЯНСКОМУ
«Добролюбю»

Борьба со страстями и стяжание добродетелей*

Господь испытывает праведного, а нечестивого и любящего насилие ненавидит душа Его (Пс. 10, 5).

В грешных душах существуют адский огонь, тьма, червь и тартар в разнообразном сладострастии, всепоглощающей тьме невежества, в неутолимой жажде чувственного наслаждения и смраде зловонного греха. Эти залого и преддверия адских мук возникают и действуют в них вследствие страстного навыка. Как задатки адских мучений невидимо таятся в душах грешников, так и начатки небесных благ сообщаются сердцам праведных через Святого Духа. Царство Небесное есть добродетельная жизнь, равно как и адское

* Основы духовной жизни по славянскому «Добротолюбию».

© Текст: иеромонах Митрофан (Волкодав), 2002..

мучение есть следствие страстных навыков. Заповеди следует считать и именовать действиями, а добродетели — навыками, подобно тому как и пороки, благодаря их устойчивости, называют привычками. Причина страстей — злоупотребление и греховные дела, помыслов — страсти, мечтаний — помыслы, мыслей — память, памяти — забвение; мать забвения — неведение, причина неведения — беспечность. Как происхождение добродетелей имеет место в душе, так и источник страстей. Но первые естественно рождаются в ней, вторые же — вопреки природе. Богомудрые святые отцы, познав законы духовной жизни, говорят, что страсти связаны между собой и происходят одна от другой в определенной последовательности. Распознать силу и действие страстей может только трудящийся делом и словом и принявший от Духа Святого дар ведения и рассуждения. Разум озаряет человека, как солнце, а безумный самопроизвольно закрывает глаза души неверием и ленью, предается забвению и унынию. Неведение, забвение и уныние — сильные и крепкие исполины, подкрепляющие мысленных иноплеменников. Если их победить, то дальше

легко будет бороться со всякой силой лукавых духов. Неведение — мать всех зол, а забвение — сестра его и помощница. Уныние исполняет душу злом, покрывая ее темными одеждами, подобными черному облаку. Через них прочие злые страсти входят, действуют и живут, усиливаясь в душах сластолюбивых. Для борьбы с ними молитвою и содействием Божиим, войдя в глубину сердца, надо исследовать этих трех исполинов диявола. Многим вниманием, прилежанием ума, усердием к истинному разуму, памятованием слова Божия и молитвою, с помощью благодати Божией, можно избавиться от злых исполинов. Забвение отгоняется непрестанными помышлениями о Христе Иисусе и о том, *что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала* (Флп. 4, 8). Просвещенным разумом истребляется губительная тьма неведения, а добродетельным усердием ко спасению изгоняется безбожное уныние. Эти добродетели стяжаются не одним произволением, но силою Божией и содействием Святого Духа, от многого внимания и молитвы.

От забвения происходит самолюбие, то есть исполнение своей плотской воли и разума, а также страстная любовь и прилежание к своему телу. Самолюбие — причина несказанных зол; и если в человеке нет памяти Божией, то в него входит многий и страстный мятеж. Кто самолюбие в своей душе до конца искоренил, тот легко победит и прочие страсти с помощью благодати Божией. К самолюбию близки сластолюбие (любовь к роскоши и чувственным удовольствиям) и славолубие (тщеславие). Не возненавидевший их не истребит прочих страстей, так как они являются родителями всякого порока. *Ибо корень всех зол есть сребролюбие* (1 Тим. 6, 10), но оно явно составляется тщеславием и сластолюбием. Ослепляется ум от трех страстей: сластолюбия (сласти), сребролюбия и тщеславия. Эти три дочери есть *ненасытные пиявицы*, по Писанию, *от матери — безумия любовь возлюблены* (Притч. 30, 15). Ни от чего другого, как от них, притупляются разум и вера. Ярость, гнев, брани, убийства и все прочее зло от них в людях сильно укрепились. И из бесов первыми на брани стоят те, которые побуждают

к похоти чревоугодия, влагают сребролюбие и побуждают к славе человеческой. Прочие же демоны все позади них идут, принимают уязвляемых и причиняют душам зло и вред. Из опыта известно, что невозможно человеку впасть в грех или какую-либо страсть, если прежде не будет уязвлен одним из этих трех исполинов, и иначе не бывает. Невозможно впасть в руки духа любодояния, не пав от чревообесия (чревообъядения), и невозможно возмутиться яростью тому, кто не борется ради яств, или богатства, или славы. И невозможно избежать духа печали не претерпевшему лишения всего этого. И не избежит гордости, первого порождения диавола, тот, кто не истребил корень всех зол — сребролюбие, поскольку *нищета мужа смиряет* (Притч. 10, 4), по слову царя Соломона. Одним словом, невозможно человеку пострадать от бесов, не уязвившись прежде тремя главными. Поэтому диавол некогда искушал Спасителя в пустыне этими страстями (см.: Мф. 4, 3–10). Но Господь превзошел их и показал, что для победы над диаволом необходимо разрушить эти три помысла. За сластолюбием, сребролюбием и славолубием следуют пять других

лукавых духов, от которых бывает множество страстей и видов различной злобы. Тот, кто победил три начальные страсти, разрушил и остальные и таким образом победил все страсти. Поэтому нужно возненавидеть сребролюбие, тщеславие и сластолюбие, как матерей всех страстей. Ради этого Апостол говорит: *Не любите мира, ни того, что в мире* (1 Ин. 2, 15). Здесь Апостол не заповедует безрассудно возненавидеть создание Божие, а говорит, что надо отсекать причины основных страстей.

Краткое родословие восьми начальствующих страстей следующее. За тремя великими страстями (чревоугодием, сребролюбием и тщеславием) следуют их порождения — пять лукавых духов: блуд, гнев, печаль, уныние и гордость. От чревоугодия (чревообъядения) происходит блуд, от сребролюбия — гнев, от которого печаль, производящая уныние. От тщеславия рождается гордость. И из этих восьми страстей происходит все множество пороков и различные виды грехов. От них человек приходит в отчаяние, совершенную погибель и отпадает от Бога.

Страсти побеждаются противоположными им добродетелями, которые образуют соответствующий ряд. Три главные добродетели — воздержание, нестяжание и смирение. Им последуют чистота, кротость, радость, мужество и самоуничужение. Как Бог есть причина и источник всякого добра, так начало и основание добродетелей есть доброе намерение, или желание прекрасного. Начало добра — вера, а Камень веры — Христос. Он является началом и основой всех добродетелей, и на Нем утверждается и зиждется все доброе.

Ничто так не истребляет добродетели, как кощунство, шутка и празднословие. И, напротив, ничто так не обновляет обветшавшую душу и не приближает к Богу, как страх Божий, доброе внимание и непрестанное поучение слову Божию. При этом надо вооружать себя молитвою и приобретать пользу от бдения. Прилично и вместе с тем полезно душе переносить всякие скорби, причиняемые людьми или бесами, как справедливо заслуженные. И всегда следует порицать только себя, ибо порицающий иного в своих скорбях будет справедливо осужден. Кто желает достичь чистой

молитвы, пусть остерегается ярости, и кто любит целомудрие, пусть удерживает чрево, не давая ему досыта хлеба и удручая его жаждою. Также необходимо удалить от себя памятозлобие и бодрствовать в молитве.

Для борьбы со страстями нужно с самого начала понимать коварство приходящих лукавых помыслов. Пробраз борьбы со страстными помыслами показал Самсон, когда связал хвосты лисиц и зажег нивы иноплеменников (см.: Суд. 15, 4–5). Эти помыслы хитро стараются показаться сначала благовидными. Но концы (хвосты) доказывают непристойность помыслов. Поэтому, связав хвосты, надо поставить между ними свечу — обличение. Например, часто от тщеславия приходит помысл блуда и хотя показывает благовидные преддверия ведущих во ад путей, однако скрывает гибельные места. Иногда он внушает мечтание священства, иногда совершенную жизнь инока или заставляет представлять, как другие хвалят его. И когда достаточно прельстит такими помыслами и отлучит от естественного трезвения, тогда изображает в уме собеседование с красивой женщиной и влечет к согласию

на скверное дело, низводя в крайний срам. И поскольку почести, которые обещает тщеславие, противятся бесчестью блуда, нужно поступить по примеру Самсона. Помысл чревобесия снова концом имеет блуд, а помысл блуда — печаль. Уныние и печаль сразу следуют за такими помыслами. Подвизающемуся надо помышлять не о наслаждении яств и не о сладости роскоши, но о концах того и другого; и, когда он увидит скорбь, последующую за обоими, пусть свяжет хвост с хвостом и обличением истребит нивы ино-племенников.

Прежде бывшие впечатления в уме нельзя изгладить, пока приходят новые и рассуждение еще занимается настоящими. Труд к истреблению страстей тогда должен быть большим, так как страсти приходящими мечтаниями, подобно источнику, душу наполняют и от времени (от продолжительности) усиливаются и умножаются. Кто хочет найти некоторые вещи, лежащие на дне ручья, никакой пользы не получает, исчерпывая воду, так как исчерпанное тут же наполняется источником. Когда же перекроет источник или отведет верхнее течение, тогда вода отступит,

дно откроется и станут видны искомые вещи. Так и воображения страстей можно упразднить, ничего извне не давая чувствам. Очистить же ум от волнения чувств, наносимых по подобию течения, не только трудно, но и совершенно невозможно. Может случиться, что страсти не борют из-за частых собеседований. До времени они не проявляются, но действуют втайне, все больше возрастая и укрепляясь. Земля, которую часто топчут, если и содержит в себе терния, не произращает их, пока мешает попираание ног, но терние пускает в глубине крепкие корни. Когда же настанет благоприятное для произрастания время, быстро вырастает сильное и большое терние. Подобно и страсти, не проявляющиеся от частых собеседований, укрепляются, а когда наступит безмолвие, вырываются со многой силой и причиняют неисчислимые беды тому, кто не боролся с ними вначале. Поэтому прилоги (начала) образов следует истребить, когда они только начинают появляться, иначе они, упав на землю мысли, произрастут и, напоенные обильными и бесполезными водами напрасного поучения, принесут большой плод злобы. Царь и пророк Давид ублажает

не дожидаящихся цвета страстей, но убивающих семя Вавилона, говоря: *Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень* (Пс. 136, 9). В книге Иова об этом так говорится: *Поднимается ли тростник без влаги? Растет ли камыш без воды? Еще он в свежести своей и не срезан, а прежде всякой травы засыхает* (Иов 8, 11–12). И в другом месте сказано: *Могучий лев* погибает без добычи* (Иов 4, 11). Здесь страсти мудро дается имя *мраволев*, поскольку она имеет характер и дерзкого льва, и слабейшего всех муравья. Приражения страстей скрытно приползают, по примеру муравья. Через время же они достигают великой силы и причиняют бедствия не меньше льва. Поэтому и необходимо подвижнику сражаться со страстями, когда они еще как муравьи приходят, если же достигнут львиной крепости, трудно будет их победить и не подать им пищу. Пищей же страстей являются образы чувственных вещей. Они питают страсти и вооружают против души каждый вид мечтания. Хотящему соблудности в чистоте храм своей души нужно

* Мраволев (ц.-сл.).

вспомнить, что сказал Господь Моисею: *Скинию же да сделает из десяти покрывал крученого виссона* (Исх. 26, 1). На ветхозаветной скинии была устроена сеть, чтобы ничто из нечистых животных не могло туда вползти. Поэтому следует заграждать вход нечистым мечтаниям помыслами о Страшном Суде. Кто сможет справиться с разжигающим зрением и долгое время его удерживать, тот без труда победит страсти, не ощущая наносимых ран, по слову царя Соломона: *Били меня, мне не было больно, толкали меня, я не чувствовал* (Притч. 23, 35). Так же и святой пророк Давид говорит: *...злого я не буду знать* (Пс. 100, 4). А кто этого не знает и увлекается чувствами, от них легко впадает в заблуждение. Если человек не только не видит их бесполезность, но небрежно им предается, он не заметит их нападения, не наученный прежде рассуждению. Так чувства воюют с чувственными и возлагают дани на побежденных. Поэтому необходимо заключить все двери своей души, то есть чувства, чтобы через них не пасть. И если ум не будет ничем поработан, то готовится к бессмертию, собирая чувства свои воедино.

Приложение

ДНЕВНИК КАЮЩЕГОСЯ

Покайтесь!*

*...Покайтесь, ибо приблизилось
Царство Небесное.*

(Мф. 4, 17)

Нам, христианам, назначен Рай, Небо, вечное блаженство, если здесь, на земле, будем жить благочестиво, не разлучаясь с Церковью Христовой, исполняя обещания, данные нами при крещении. А что же мы обещали? В Таинстве Крещения мы отрекались от сатаны и всех дел его (дела сатаны — это грехи), мы символическим плевком показывали свое презрение к этому падшему духу — врагу человеческого рода, изначально ставшему убийцей всех людей, ведь по его коварному совету первые люди Адам

*За основу взят материал из статьи «Поучение в понедельник первой недели Великого поста. Приготовление к Таинству Исповеди» святителя Игнатия (Брянчанинова). См.: *Игнатий (Брянчанинов), свт. Творения*. В 7 т. М.: Сретенский монастырь, 1996–2001. Т. 4.

и Ева нарушили Божию заповедь, тем самым потеряли Вечную Жизнь — Бога — и впустили в себя смерть, продав и себя, и всех своих потомков (то есть нас с вами) в рабство дьяволу. Теперь, живя на земле, мы пребываем в постоянных скорбях, страданиях и болезнях, служа своими грехами дьяволу, находясь во вражде со своим Творцом, а после смерти нам был навечно уготован ад.

С кем же мы, отрекшись от сатаны, соединились (сочетались) в крещении? Со Христом! Так почему же теперь опять живем во грехах? Ведь мы отреклись от них. Если после крещения грех вновь стал смыслом нашей жизни, если грешим и не видим своих грехов, считаем себя праведниками, то, значит, крестились неосознанно, так и не узнав смысла веры. Мы так и не поняли, что для избавления нас от проклятия вечной смерти потребовалось воплощение Сына Божьего, Его рождение от Девы Марии на земле. Имея такую же человеческую природу, как наша (за исключением греха), Иисус Христос не только понес свойственные нам скорби и беды, не только исцелял, чудодействовал и дал заповеди жизни как Бог, но и, добровольно взяв

наши грехи на Себя, понес наказание вместо нас — претерпел страшную казнь на Кресте и умер. Своим страданием и смертью Сын Божий примирил человечество с Отцом Небесным, избавил нас от вечной адской муки, от рабства дьяволу, и вновь открылся для нас Рай. Сын Божий, присоединив к Своей Божественной природе человеческую (в этом смысл воплощения), обновил, воссоздал ее, человеческую природу, убитую грехом. Теперь каждый, кто уверует в Иисуса Христа — Сына Божия как в своего Спасителя и Искупителя, может в Таинстве Крещения не только получить прощение всех своих грехов и очиститься от печати вечной смерти, но и родиться водою и Духом для Вечной Жизни.

Но вот, родившись крещением для вечности, мы больше не обращаем внимания на уготованное нам блаженство, мы никогда не думаем о неизреченных будущих благах, мысль наша всегда на земле, в земных удовольствиях, в земных попечениях. А если так, то не умерли ли мы вновь, не погубили ли в себе тот великий дар, полученный в крещении? Ведь в таинстве на нас сошел Святой Дух, ожививший нашу душу, — до этого она

была убита грехом, была непригодна к общению с Богом, к Раю, к Вечной Жизни. Если мы не обнаруживаем в себе действий Духа, если опять пресмыкаемся по земле, то, действительно, вновь умерла душа, хотя по видимости кажемся себе и окружающим живыми, но это только для плотских глаз. Это означает, что в нас опять «воскресла» вечная смерть, мы опять служим сатане, а после смерти нам опять уготован ад, огонь вечный, червь неусыпающий для непрестанного угрызения и терзания нас, поскольку проводим земную жизнь в грехах и в греховных наслаждениях. А мы этих-то наслаждений и ищем, за ними-то и гоняемся, в них все желания и размышления наши.

Мы живем так, как будто не существует ада, как будто мы бессмертны, вечны на земле, как будто пребываем в бесконечном блаженстве. Оглохли от земной суеты и развлечений, не слышим Слово Божие, возвещающее нам о страшных бесконечных муках! Мы видим смерть наших ближних, участвуем в их погребении, но это не производит на нас никакого впечатления, как будто смерть — удел других людей, но не наш. Мы, как мертвые,

не имеем ни памятования, ни предошущения смерти, ни памятования, ни предошущения будущности. Точно, мы мертвы!

Для нас Сын Божий сошел на землю, взял наши грехи на Себя, понес вместо нас наказание; умерев на Кресте, избавил нас от вечной смерти, сделался для нас жизнью и путем к этой жизни. Он требует, чтобы и мы вслед за Ним (если уж мы христиане) *распяли* свою *плоть со страстями и похотями* (Гал. 5, 24). Только не потому, что Он нуждается в этом, но потому, что это нужно нам. Только в христианах, «умерших» для греха, может раскрыться явление жизни благодатной.

Но мы, читая, видим одни буквы, самих слов душа не принимает, не понимает: они написаны как бы на чужом, неизвестном языке. И это неудивительно, это прямое следствие нашего неправильного душевного состояния. Мертвый телесно неспособен к ощущениям телесным: будут ли восхвалять его, осыплют ли его богатством или оскорблениями — ко всему он бесчувственен. Так и мертвый душою не может понять слов духовных, не может ощутить духовных благ, не может иметь должной памяти о смерти

и вечных муках, должного познания суетности этого мира, отравленного ядом греха. Он сам отравлен этим ядом, умерщвлен грехом, чужд Бога, стал добровольной жертвой ада. Тело живо, если присутствует в нем душа, а душа жива, если присутствует в ней Святой Дух.

Проверим себя, братья и сестры! Живем ли мы по законам Духа, изложенным в Евангелии, и нам станет ясно, жива наша душа или мертва. Отвечайте честно! Не гневаетесь ли на ближних за пустяки? Не находите ли с кем в ссоре? Не храните ли в сердце долгое время обиду? Не оскорбили ли кого? Удерживаетесь ли от воспоминаний, взглядов и впечатлений похотных и сладострастных? Не воздаете ли злом за зло? Любите ли врагов своих? Бываете ли так кротки, что не противитесь злу? Благодарите ли проклинающих вас? Делали ли добро ненавидящим вас? Не завидуете ли кому? Не осуждали ли кого-нибудь? Соблюдаете ли посты? Считаете ли себя окаянным грешником? Не убиваете ли драгоценное время перед телевизором? Даже эти немногие вопросы обличают нашу совесть! Ведь

мы живем не так, как заповедал нам Христос. Но, отвергая Его заповеди, мы отвергаем Самого Христа — Сына Божия, Истину, значит, становимся добровольной добычей ада, уготовляем себе вечную муку в сообществе с дьяволом. Не горько ли осознавать это? Не возникает ли в сердце сожаление о содеянных грехах? Не рождается ли сокрушение о своих прегрешениях? Или мы думаем, что грехи, хоть и есть, но не так много, что вот у других-то дело обстоит значительно хуже? Давайте не будем оглядываться на других! Нам сказано: «Не судите». Давайте поглубже заглянем в себя. Воспользуемся «Дневником», чтобы обнаружить, чем убита наша душа. Какие из восьми страстей живут в нас? В чем они проявляются? Какие смертные грехи «висят» на нас?

Есть случаи, когда люди возмущаются приведенным перечнем грехов, говорят, что не хотят лишаться «земных радостей». Что ответить? Страшно, если грех стал радостью, если мы так привыкли к нему, что другой жизни уже не представляем, если мы так взрастили его в себе, что стали рабами ему. Страшно наслаждение грехом!

Но есть и другие случаи. В палату к молодой женщине-предпринимателю, попавшей в автомобильную катастрофу и находящейся в больнице с опасными травмами, заходит сестра милосердия и предлагает побеседовать. Больная с раздражением в голосе спрашивает: «За что меня так Бог наказал?» Узнав, что женщина не имеет правильных понятий о грехах, сестра предлагает ей проверить себя по «Дневнику» и продолжить разговор завтра. На другой день, лишь только сестра появилась в палате, больная вдруг сходу задает вопрос: «Когда батюшка придет?» — «А зачем вам батюшка?» — робко спрашивает сестра. Тогда удачливая, уверенная в себе бизнесменка вдруг сказала: «Я не понимаю, как меня Бог до сих пор терпит на земле!» Какое удивительное прозрение! Не оказавшись в беде, она, быть может, с возмущением отвергла бы предложенную возможность проверить состояние своей души на предмет грехов.

Задумаемся, а нас-то как терпит Господь? Посмотрев на себя в свете Евангельской Истины, ужаснемся: какой ответ дадим на Суде Божиим, час которого неизвестен для нас.

Удивимся непостижимой благодати Всеблагого Бога, Который до сей поры долготерпит беззакония наши, до сей поры ожидает обращения нашего, до сей поры простирает к нам объятия, призывая блуждающих в пустынях и непроходимых дебрях греха, принимая кающихся грешников как сынов и дочерей Своих.

Бог призывает нас к покаянию. Покаяние необходимо для всех! Каждый да воспользуется драгоценным временем, даруемым милосердием Господа. Уже довольно мы принесли жертв греху! Уже вполне мы погубили себя! Принесем же наконец жертву Богу. Что это за жертва? Это — «сердце сокрушенное и смиренное», осознание своих грехов, искреннее раскаяние в них и нежелание впредь их повторять. Покаяние есть перемена жизни, организация своей жизни по заповедям Божиим, а не по правилам, традициям и привычкам растленного грехом мира. Единственной жертвой, которую принимает Бог от нас, является покаяние. Так принесем эту жертву, покажем на самом деле, что глубоко сожалеем о преступлениях заповедей, осуждаем

себя во грехах, искренне желаем и ищем исправления!

Покаяние всемогуще, как установление Всемогущего Бога! Покаяние не придумано людьми. Это дар Всеблагого Бога падшему человечеству. Действенность покаяния гарантирована искупительной жертвой Иисуса Христа, Его страданиями и крестной смертью. Ведь Господь доподлинно знает наши немощи, хитрость дьявола, лукавство окружающего мира, по которым человек легко может впадать в грех. Вот и дал нам любящий нас Бог возможность встать от греха — через покаяние. Нет такого греха, который бы устоял против него. Покаянием очищается всякий грех. Если мы впали и в тягчайшие грехи, не остановимся приступить к покаянию. Неизмеримый океан одинаково поглощает и воды реки широкой, протекшей многие страны, и скромные струи ручейка, едва приметного, — так в бездне благодати Божией исчезают тяжкие грехопадения наравне с малейшими, ничтожнейшими погрешностями. Но и малый грех остается не заглаженным, если согрешивший не покаялся в нем, считая

его несущественным, а великий грех заглаживается вполне посредством покаяния неограниченной благостью и всемогуществом Божиим.

Не позволим себе считать себя безгрешными — чтобы не перекрыть путь к исправлению. Не позволим себе сравнивать свои «грешки» с «тяжкими прегрешениями окружающих», потому что Бог будет судить нас за наши грехи, а в очах Божиих всякий нераскаянный грех тяжок — является враждой против Творца и служением сатане. Не позволим себе пребывать в беспечности и нерадении о своей будущей вечной участи. Беспечность и нерадение рождаются от пребывающей в нас вечной смерти. Не позволим себе делать, говорить, думать и чувствовать, не рассуждая о том, чем это является, добром или злом, — в противном случае плодятся грехи и увеличиваются, как снежный ком, пущенный с горы. Не позволим себе уснуть, пока не вспомним прошедший день и не осудим себя в содеянных грехах, чтобы не умерла окончательно наша совесть. Тогда Сам Господь, видя наше старание, откроет нам духовные очи, чтобы видеть

собственные недостатки; тогда пошлет нам дар покаяния, и станут удовлетворительными и действенными наши исповеди.

Правило 102 Шестого Вселенского Собора

Принявшие от Бога власть решить и вязать должны рассматривать качество греха и готовность согрешившего к обращению и так употреблять приличное недугу врачевание, дабы, не соблюдая меры и в том и в другом, не утратить спасения недугующего. Ибо не одинаков есть недуг греха, но различен и многообразен и производит многие отрасли вреда, из которых зло обильно разливается и далее распространяется, доколе не будет остановлено силою врачующего. Почему духовное врачевное искусство являющему подобает прежде рассматривать расположение согрешившего и наблюдать, к здравию ли он направляется или, напротив, собственными нравами привлекает к себе болезнь, и как между тем учреждает свое поведение; и если врачу не сопротивляется и душевную рану чрез приложение предписанных врачевств

заживляет, в таком случае по достоинству возмеривать ему милосердие. Ибо у Бога и у приявшего пастырское водительство все попечение о том, дабы овцу заблудшую возвратить и уязвленную змеем уврачевать. Не должно ни гнать по стремнинам отчаяния, ни отпускать бразды к расслаблению жизни и к небрежению; но должно непременно, которым-либо образом, или посредством суровых и вяжущих, или посредством более мягких и легких врачебных средств противодействовать недугу, и к заживлению раны подвизаться, и плоды покаяния испытывать, и мудро управлять человеком, призываемым к горнему просвещению. Итак, подобает нам и то и другое ведать: и приличное ревности кающегося, и требуемое обычаем; для неприемлющих же совершенства покаяния — следовать переданному образу, как поучает нас священный Василий*.

* Имеется в виду учение об епитимиях святого Василия Великого — «Канонические послания».

Как пользоваться дневником

*И проповедану быть во имя Его
покаянию и прощению грехов во
всех народах...*

(Лк. 24, 47)

Дневник удобно проходить с помощью опытного в духовной жизни руководителя.

Святоотеческий опыт разделяет все грехи на восемь групп — страстей. Каждая страсть имеет свое название и проявляется особым образом. Всякое проявление страсти мы должны признавать грехом, враждой против Бога, служением сатане. Таким образом, повторяя безбоязненно грехи, мы растим страсти — этим более и более продаем себя в рабство дьяволу.

В дневнике восемь глав, каждая из которых посвящена отдельной страсти. Внутри каждой страсти грехи разделены на три группы:

1) **жирным шрифтом** выделены грехи смертные, и даже один, любой из них, отрывает нас от Церкви, отлучает от Христа, лишает Божественной Благодати и отправляет

на вечные муки в ад — такова их тяжесть, если они остаются нераскаянными.

2) обычным шрифтом написаны грехи тяжкие, которые нужно обязательно замечать и регулярно с сокрушением сердца исповедовать. Нельзя их «копить»: от этого враг укрепляется в сердце, помрачает ум и лишает его способности замечать грехи.

3) *курсивом* выделены грехи «условно» простительные. «Условно» потому, что в разных ситуациях у разных людей степень их опасности может меняться — они могут переходить и в разряд тяжких. Простительные грехи в виде помыслов и чувств не оставляли даже святых, но они при этом сокрушались так, как мы не можем сокрушаться даже о смертных грехах. Опасность простительных грехов в том, что если их не признавать за грехи и оставлять без раскаяния, то можно набрать целый «мешок песчинок», который по весу будет не меньше тяжелого камня (смертного греха) и так же утянет на дно ада.

С детских лет сатана развивает в нас страсти: сначала приучая ко «грешкам», потом дальше и дальше, желая подвести нас

ко грехам смертным, чтобы гарантированно заполучить свою добычу. По этой причине не только смертный грех, но и **любая из страстей, оставленная без борьбы, развитая, да еще и любимая, точно так же отрывает нас от Христа и лишает Вечной Жизни.**

Исследуем себя! Проверим, на сколько крючков (страстей) поймал нас враг. А ведь для рыбы достаточно проглотить и один, чтобы быть пойманной! Но точно так и для души и одной страсти, оставленной без борьбы, достаточно для гибели. К ужасу своему, обнаружим при честном рассмотрении все восемь!

Если имеем заботу о своей будущей **вечной участи**, то незамедлительно начнем борьбу. Дерево (страсть), которое долго растили, и выкорчевать нелегко, но с помощью Божией все возможно.

Любой из грехов может быть прощен христианину в Таинстве Исповеди при выполнении следующего:

1) грех должен быть признан грехом (раньше мы могли не считать то или иное дело греховным и спокойно его совершали, не волнуясь о последствиях);

2) человеку необходимо раскаяться во грехе, причем степень его покаяния должна соответствовать степени греха, чего у большинства из нас обычно не получается из-за отсутствия страха Божьего. Как следствие, грехи с легкостью повторяются до тех пор, пока человек по-настоящему не сокрушится сердцем. Требуется борьба «до кровавого пота». В прежние века для этого назначали епитимии;

3) кающемуся не нужно отныне повторять этот грех, в его сердце должен произойти разрыв со грехом и должны родиться ненависть и брезгливость к нему. При одном воспоминании о грехе должна закипать вражда против него.

В левой части каждой страницы дневника оставлено три колонки. В первой колонке нужно отметить грехи, совершенные за всю прошедшую жизнь. Во второй колонке отметить грехи, совершаемые в настоящее время. В третьей колонке отмечается частота повторения нынешних грехов, например, за неделю. Если грех повторяется многократно,

то необходимо найти адекватные меры для его устранения — в этом поможет священник.

Пример заполнения дневника:

3	2	1	Наименование греха
::	+	+	Привязанность к лакомствам

Все, что будет намечено для исправления (периодичность исповеди, молитвенное правило, режим поста и прочее), можно отметить на последних страницах дневника, специально оставленных пустыми.

Надеемся, что большой перечень грехов, приведенный по каждой страсти, не толкнет никого в отчаяние, а, наоборот, поможет родиться в сердце сокрушению, без которого спасение не начинается.

В заключение хочется напомнить об ответственности христианина в Таинстве Причащения: *Да испытывает же себя человек и таким образом пусть ест от Хлеба сего и пьет из Чаши сей. Ибо кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны и немало*

умирает (1 Кор. 11, 28–30). Нераскаянный соответствующей степени покаяния смертный грех и страсть, оставленная в сердце без борьбы, разлучают нас со Христом, следовательно, приступать к Таинству Причащения в таком состоянии пока невозможно — обернется в осуждение. Сначала необходимо исправить свою жизнь, то есть обрести покаяние.

Да умудрит вас Бог.

3	2	1	Наименование страсти, греха
			<p style="text-align: center;">ЧРЕВОУГОДИЕ</p> <p>– – напивались до беспамятства;</p> <p>– – употребляли спиртное до сильного опьянения в течение нескольких дней (запой);</p> <p>– – подвергали себя отравлению алкоголем от избыточного его потребления (до рвоты и других осложнений здоровья);</p> <p>– – Обращались за оздоровлением к экстрасенсам, колдунам, гипнотизерам, «бабкам», «народным целителям», сектантам, знахарям и пр.;</p> <p>– – применяли для оздоровления заговоры;</p> <p>– – обращались за оздоровлением к природе, звездам, земле, воде, огню и пр.;</p> <p>– – кодировались от ожирения, курения, пьянства и пр.;</p> <p>– – служили своему телу как самому драгоценному в жизни; много сил, средств, времени тратили на заботы о теле (культ тела);</p>

	–	–	чрезмерно объедались при употреблении пищи (обжорство);
	–	–	употребляли пищу ночью: просыпались от голода и не могли уснуть, пока не наедались (работающих в ночную смену это не касается);
	–	–	не могли уснуть с «пустым желудком», ели (пили чай) перед сном;
	–	–	регулярно употребляли пиво (как безвредный напиток, хотя пиво более опасно с точки зрения привыкания, чем вино);
	–	–	за ужином непременно желали выпить спиртное;
	–	–	не соблюдали постов (каждая среда и пятница и 4 многодневных поста в году);
	–	–	не могли целиком выдержать пост, неоправданно нарушали посты;
	–	–	привязывались к наслаждениям телесным (баня, купание, загорание и пр. – не как к необходимости, а как к удовольствию);
	–	–	переедали и упивались вином даже в церковные праздники;
	–	–	нарушение режима питания по требованию желудка; частое в течение дня, употребление пищи;

	–	–	привязанность к острым пикантным приправам и закускам — пицца без них кажется невкусной (майонез, кетчуп, горчица, перец и пр.);
	–	–	желали обязательного разнообразия в пище – роптали, что надоело одно и то же, хочется чего-нибудь вкусенького;
	–	–	привязывались к лакомствам (в разном возрасте они могут быть разными – торты, сгущенка, конфеты, орехи, семечки, сухарики и пр.);
	–	–	привязывались к шоколаду (усиливает блудную страсть);
	–	–	были изнеженными, долго спали, длительно лежали в постели после пробуждения;
	–	–	<i>употребление спиртного до характерного «шума» в голове, вызывающего излишнюю веселость, болтливость, развязность, нарушение координации движений и искажение произносимых слов</i>
	–	–	<i>переедали (до тяжести в желудке), после чего наступает вялость, сонливость, лень, уныние;</i>
	–	–	<i>считаем употребление пищи приятным, радостным занятием, а не необходимой потребностью тела, принимаем пищу наслаждением, алчно, торопливо, не пережевывая тщательно;</i>

–	–	<i>желали друг другу и себе телесного здоровья как самого главного в жизни;</i>
–	–	<i>угождали плоти: хотели, чтобы было мягко, удобно, приятно, в удовольствие, с комфортом.</i>
–	–	<i>после приема пищи обязательно нужно вздремнуть, полежать, расслабиться.</i>
БЛУД		
–	–	имели плотскую связь до заключения брака (не сохраняли девство, любодеяние);
–	–	допускали зачатие детей до заключения брака;
–	–	изменяли – супружеская измена (прелюбодеяние);
–	–	разрушали венчанный брак;
–	–	зачатие детей от внесемейной плотской связи;
–	–	вступление в четвертый брак;
–	–	вступление в плотскую связь с бывшим супругом (супругой) после расторжения брака (любодеяние);
–	–	однополый «брак»;
–	–	занимались рукоблудием;

	–	–	согрешали блудом противоестественным (анальным, оральным, с животными, между однополыми, между близкими родственниками, с несколькими одновременно);
	–	–	соединялись в семью с близкими родственниками (кровосмешение);
	–	–	блудной связью разрушали чужую семью, дети оказались сиротами;
	–	–	разбивали чужую семью, желая устроить свою личную жизнь;
	–	–	блудной связью доводили кого-либо до отчаяния, до самоубийства;
	–	–	развращали, втягивали в блуд младшего по возрасту, девственника (девственницу);
	–	–	занимались сводничеством (содействовали в знакомстве людей, ищущих блудных отношений);
	–	–	целование, обнимание, нецеломудренное поведение до заключения брака;
	–	–	читали сладострастные книги, слушали и пересказывали непристойные анекдоты, смотрели передачи и фильмы с блудными сценами, в том числе разрешали детям это же;
	–	–	считали плотские отношения

		необходимыми для здоровья и хорошего настроения;
–	–	допускали плотский интерес к лицам противоположного пола, разглядывали тело «через одежду»;
–	–	засматривались с вождением на красивые лица, неприличные сцены и картины, непристойную рекламу;
–	–	носили одежду, подчеркивающую форму тела и не покрывающую (или специально открывающую) непристойные места (это касается и женщин, и мужчин);
–	–	допускали заигрывание, кокетство, кривляние, распушенность рук и языка, намеки, двусмысленность, вольное обращение с лицами противоположного пола;
–	–	допускали блудные воспоминания и мечтания, охотное удержание их в мыслях и происходящее от этого похотливое разжжение в теле;
–	–	танцевали с бесстыдными телодвижениями;
–	–	применяли косметику и другие средства для привлечения внимания;
–	–	проявляли плотское влечение супругов при детях;

	–	–	не воздерживались в супружеской жизни в посты, в среды и пятницы, воскресные и праздничные дни;
	–	–	неумеренность в плотских отношениях в законном браке;
	–	–	изменяли второй половине в своем сердце нечистым воззрением на лица противоположного пола;
	–	–	постоянным отказом в супружеской близости доводили вторую половину до измены;
	–	–	обращались к литературе, обучающей разнообразию плотских отношений;
	–	–	учили детей «безопасному сексу»;
	–	–	одобряли блуд, любодеяние, измены, разводы, брак с разведенными;
	–	–	насмехались над целомудрием, девством, честным браком, супружеской верностью;
	–	–	сквернословили (матерщина);
	–	–	мужья принуждали жен носить нецеломудренную одежду;
	–	–	старшие принуждали младших носить нецеломудренную одежду;
	–	–	<i>имели похотное чувство от случайно</i>

		<i>услышанного, увиденного или вспомнившегося;</i>
-	-	<i>часто смеялись по всякому пустяку.</i>
-	-	<i>наивные романтические мечтания о «возвышенной» любви.</i>
		СРЕБРОЛЮБИЕ
-	-	святотатство (похищали или присваивали себе церковную собственность);
-	-	похищали у людей иконы, священные книги и другие святыни;
-	-	обделяли стариков, немощных, калек, убогих, больных, заключенных, сирот – этот грех напрямую вопиет к Бог об отмщении за обиженных;
-	-	совершали разбой с целью наживы;
-	-	мародерство – ограбление жителей неприятельской территории или убитых и раненых (во время войны);
-	-	хитростью и обманом выигрывали в азартных играх деньги у простецов и неопытных;
-	-	играли в казино, игровые автоматы, доходя в азарте до помрачения ума, растрачивая впустую деньги;

	–	–	организовывали залы и клубы для игр на деньги;
	–	–	в бизнесе обманывали и подставляли других, наживая себе прибыль нечестно;
	–	–	зарабатывали на болезнях и несчастьях людей, давая ложные обещания исцеления, облегчения трудной участи;
	–	–	подвергание риску своего здоровья и даже жизни ради денег;
	–	–	различные игры на деньги;
	–	–	давали в долг под проценты;
	–	–	неуплата положенных налогов, сокрытие доходов от государства (наемный работник не виновен, если это зависит не от него, а от хозяина предприятия);
	–	–	возложение всех надежд на деньги, на запасы, на хозяйство;
	–	–	жестокосердие к нищим и ко всем нуждающимся (жалеем своего, не хотим поделиться, хотя и имеем возможность);
	–	–	болезненная привязанность к деньгам, вещам, предметам и сильная зависимость от них;

	–	–	желание обогатиться и размышление о средствах к обогащению, мечтание быть богатым (забота о необходимом достатке грехом не является);
	–	–	ненасытное желание иметь как можно больше, желание приобретать даже сверх необходимого, про запас;
	–	–	скупость, мелочность, жадность, скряжничество даже по отношению к родным;
	–	–	искание выгоды во всем (корыстолюбие);
	–	–	скрывание доходов от семьи, накапливание тайком от ближних;
	–	–	жалеем свое имущество, когда им необходимо послужить для ближних или Отечества (не хотим принять в свой дом проезжающих, оказавшихся неожиданно в бедственном положении, за помощь берем деньги; не хотим подвезти попутчиков – только за плату и т. д.);
	–	–	если просят имеющееся у нас, то, из жалости к вещи, обманываем, будто нет ее у нас или уже отдали кому-то;
	–	–	требуем возврата долга с оскорблениями и угрозами (спрашивать о возврате долга разрешается);

	–	–	воровство (кража чужого имущества, государственного или частного, присваивали то, что «плохо лежит»);
	–	–	умышленно не оплачивали проезд в транспорте;
	–	–	взятие без спроса не принадлежащего нам;
	–	–	бездельничанье на работе, недобросовестное исполнение служебных обязанностей (при этом оклад получаем целиком);
	–	–	ложный больничный лист;
	–	–	работаем не по совести, а только чтобы начальство не ругало и премии не лишило;
	–	–	обвешивание, обсчитывание, завышение цен в торговле;
	–	–	продавали плохое за хорошее;
	–	–	пользование электроэнергией без оплаты, занижение показаний счетчика;
	–	–	покупка краденого подешевле;
	–	–	подделка документов ради выгоды и наживы;
	–	–	незаконное приобретение дипломов, удостоверений, сертификатов и пр.,

		чтобы получить должность с большей оплатой;
–	–	предложение взятки и получение взятки;
–	–	не возвращали то, что брали во временное пользование;
–	–	требовали премию, доплату, надбавку, угрожая начальству и шантажируя увольнением или забастовкой;
–	–	судились с родными, с соседями, требовали возмещения ущерба материального, да еще и морального;
–	–	приносили краденое или незаработанное в качестве пожертвования в храм;
–	–	утаивали и присваивали найденные вещи и деньги;
–	–	получали незаработанные деньги;
–	–	намекали или принуждали людей делать нам подарки;
–	–	не возмещали нанесенного ущерба;
–	–	выпрашивали деньги и вещи на свои мнимые нужды ради наживы или пропоя;
–	–	нечестно делили вознаграждение за труды (себе или своим брали больше);

	–	–	присваивали чужое, утраченное людьми в результате стихийных бедствий;
	–	–	одобряли какую-нибудь разновидность воровства, научали и подстрекали к этому других;
	–	–	приносили домой с работы что-либо незаработанное: инструмент, канцелярские принадлежности, краску, лампочки, продукты и пр. (позволяется брать списанное с разрешения начальства);
	–	–	<i>если и даем кому-нибудь чем-то попользоваться, при этом боимся, как бы не сломали;</i>
	–	–	<i>соблазнялись чем-либо в чужом саду, огороде, поле – частном или государственном;</i>
	–	–	<i>небрежно относились к чужой или казенной вещи;</i>
	–	–	<i>скупались тратить на добрые дела помощи ближним, хотя и имели на то возможность;</i>
	–	–	<i>приносили на пожертвование что похуже, лучшее оставляли себе;</i>
	–	–	<i>не заботились о содержании и украшении храма, скупались на пожертвование в храм, хотя имели достаток в средствах;</i>

–	–	<i>полученные деньги обязательно пересчитываем, не доверяя честности человека;</i>
–	–	<i>задерживаем возврат долга, хотя можем его отдать.</i>
		ГНЕВ
–	–	убийство человека умышленное;
–	–	убийство человека неумышленное;
–	–	ненависть (ярость, вражда) к соседям, сослуживцам, начальникам, детям, родителям и пр. (ненавидящий ближнего есть человекоубийца);
–	–	избиение, увечье и прочее жестокое, бесчеловечное отношение к людям;
–	–	аборт (убийство ребенка в утробе матери) – этот грех ложится на мать, решившуюся на такое злодеяние, на отца, пожелавшего или промолчавшего, на врача (или на знахарку) и вспомогательный персонал, исполнивший убийство;
–	–	выкидыш (от самовольной физической нагрузки, от греховной жизни, от сильной печали, от умышленного применения специальных рецептов, от нехранения здоровья);
–	–	применение abortивных противоза-

		чаточных средств (спираль, гормональные таблетки, гормональная система «Мирена»), в части случаев вызывающих убийство оплодотворенной клетки, уже имеющей душу, т. е. живого человека (отличие от рожденного человека только в том, что тело еще не развито);
–	–	советовали делать аборт, давали деньги на это злодеяние, становясь соучастником убийства невинного ребенка;
–	–	«лечили» детей у «бабок», экстрасенсов, колдунов и т. д. – тем самым предавали их в лапы бесам;
–	–	своим поведением довели человека до самоубийства или до запоя, вследствие которого наступила смерть, став соучастником смертного греха;
–	–	не прощали обидчиков, держали в сердце злобу, примирались только на словах, лишая себя возможности получить прощение своих грехов. <i>Если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших (Мф. 6, 15);</i>
–	–	имели злоречивый характер: ругались, оскорбляли, проклинали, наговаривали, преувеличивали, угрожали, желали зла, запугивали, распускали слухи, выдумывали сплетни и клевету

		на людей , писали жалобы, устраивали разборки, злословили;
-	-	предательство, повлекшее гибель людей;
-	-	принуждали кодироваться;
-	-	жестокая месть с тяжкими последствиями;
-	-	угрожали человеку убийством;
-	-	проклятие своих личных врагов, а иногда даже родителей (посылали их в руки нечистой силы или в другой форме, при этом в смысл произносимых слов не вдумывались и даже не понимали, что это проклятие);
-	-	проклятие своих детей (проклятие отцовское разрушает дом, проклятие материнское низводит с земли);
-	-	желание беды, смерти, несчастья, болезни своим обидчикам;
-	-	не помогли умирающему от голода, тонущему, тяжелобольному, просящему о помощи, погибающему; не защитили обижаемого, убиваемого (убежали, крепче закрыли двери, заткнули уши);
-	-	оставление детей, отдавание их в интернаты, детские дома;

	–	–	оставление детей на воспитание бабушкам – не хотели связывать себя хлопотами, хотя имели возможности и силы;
	–	–	оставление старых немощных родителей, отдавание их в дома престарелых;
	–	–	подталкивали человека на грех, соблазняли, растлевали душу (навязывали выпивку, научали отомстить, развращали анекдотами, дурными примерами, скверными книгами, видеокассетами, дисками);
	–	–	втягивали в осуждение;
	–	–	постоянными придирками довели человека до отчаяния;
	–	–	обидным словом, упреком, придирками, грубостью досаждали родителям;
	–	–	не исполняли волю родителей, не утешали их в старости и болезни, не ухаживали перед смертью, не молились после их смерти, не подавали за них милостыню, не поминали на панихидах в храме, не следили за могилами;
	–	–	непристойный крик, спор, бранные жесткие и колкие слова, запугивание, оскорбление;
	–	–	ударение, толкание, побои без увечья;

–	–	злопамятство (воспоминание старых обид);
–	–	мелкая месть и рассуждение в мыслях об отмщении;
–	–	клевета (забыли, что отец и родитель лжи – дьявол), сознательная ложь о человеке;
–	–	распространение злых слухов о человеке;
–	–	разглашали тайны человека его врагам;
–	–	разглашали чужие слабости, грехи, очерняли доброе имя человека;
–	–	верили наговорам, распускали злые слухи, да еще и преувеличивали их;
–	–	передавали недобрые слова человеку, в адрес которого они были сказаны – тем самым вызывали обиды и ссоры;
–	–	сеяли раздоры и вражду между людьми;
–	–	осуждение другого человека в мыслях и словами – вместо сочувствия и сострадания. Если не хотим, чтобы нас осудил Бог, то не должны осуждать других. Судить людей – право Бога;
–	–	произнесение в виде шуток опасных пожеланий;

	–	–	злорадование: радуемся неудачам других, особенно неудачам наших недругов; радость эта не обязательно открытая, она может быть в виде мыслей или сердечного чувства;
	–	–	попользовавшись благами от общего дела (например, в бизнесе), не захотели отвечать за последствия;
	–	–	расторжение брака (развод) без уважительных причин;
	–	–	воспитание детей (или подчиненных) с помощью гнева, крика, оскорблений;
	–	–	применение наказаний, превышающих проступок;
	–	–	безразличие родителей к духовному состоянию детей (ненаучение их вере, заповедям, молитве, посту; дозволение не посещать Храм Божий, не исповедоваться, не причащаться, не читать духовную литературу);
	–	–	безразличие родителей к занятиям детей: посещают ли школу, выполняют ли домашнее задание, хороших ли имеют друзей, чем занимаются, чем интересуются, как относятся друг к другу;
	–	–	ненаучение детей нравственности, приемам ведения домашнего хозяйства, способности терпеть и прощать;

	–	–	не подавали детям примера исполнения Христовых заповедей;
	–	–	своим примером научали детей лжи, притворству, сквернословию, грубости, осуждению, зависти, мести, накопительству, алчности, обжорству, винопитию и прочим грехам, хотя на словах, может быть, были благочестивы (забыли, что дети во всем копируют своих родителей и научение происходит не столько словом, но больше делом, поэтому напрасно удивляемся: «Откуда у нас такие дети, мы их этому не учили!»);
	–	–	долго не крестим своих детей, после крещения не заботимся об их духовном возрастании, о регулярном причастии;
	–	–	не учили детей покаянию, не готовили их к исповеди;
	–	–	не оплакивали грехи ребенка как свои собственные;
	–	–	не прививали ребенку благоговейного отношения к храму, особенно к Таинствам Церковным;
	–	–	по неразумной родительской любви воспитывали эгоистов, лентяев, все отдавали им, всем ради них жертвовали, не знали меры, все позволяли, не поручали домашних дел, приучали

		к лакомствам, не запрещали смотреть подолгу телевизор (даже срамные передачи и фильмы), выполняли все их прихоти, терпели от них грубость и ложь, не применяли допустимых средств наказания (вплоть до телесных, но без гнева);
–	–	ревность (подозрение в измене), желание «привязать» к себе супруга (супругу) как собственность;
–	–	рассчитывались за работу водкой, способствуя спаиванию людей;
–	–	наносили вред чужому имуществу умышленно: от зла или зависти;
–	–	поджог чужого (или в порыве ярости своего) имущества;
–	–	отравление соседских животных;
–	–	препятствие в выгоде других людей;
–	–	не предохраняли других от убытков, заведомо зная, что они могут быть;
–	–	не помогали добрым советом, не обращали на путь истины заблуждающихся, если они просили об этом;
–	–	не утешали человека, находящегося в несчастье;
–	–	жестоко относились к домашним

		животным (били, пинали, кидали камнями, издевались, убивали по ненависти или ради развлечения);
–	–	не умеем отделять грех от человека (осуждаем не поступок, а человека);
–	–	«резали правду в глаза», обличали с гневом и без милости;
–	–	грубим ближним, ходим со злым лицом, не глядим на ближних, здороваемся сквозь зубы, хлопаем дверями;
–	–	в транспорте толкаемся, ругаемся, не уступаем место, не терпим неудобств и неприятностей;
–	–	не можем просить Бога о своих врагах такими словами: «Отче, прости им: не ведают, что творят. Не вмени им этого в грех. Просвети их ум, приведи их к вере и покаянию. Не лиши их Царства Небесного, не наказывай их за меня»;
–	–	неверующим людям навязываем веру, укоряем и упрекаем за неверие вместо того, чтобы кротостью, смирением, любовью, милосердием, терпением свидетельствовать о своей вере;
–	–	не выполняли обязанностей крестных, не молились за крестников, не научали

		<p>их вере, не показывали им пример благочестия, не водили их в храм, не заботились об их причастии (если родители ребенка препятствуют крестному, то остается только молитва и собственная благочестивая христианская жизнь);</p>
–	–	<p>родители вносили раздоры в семью молодых, ревновали сына к снохе и пр.;</p>
–	–	<p>будучи начальниками, потворствовали любимчикам или, наоборот, были жестоки в обращении с подчиненными, изводили придирками, несправедливостью, изживали с работы по зависти, наговору, мести;</p>
–	–	<p>потворствовали порокам подчиненных: пьянству, блуду, прогулам, воровству и прочее;</p>
–	–	<p>скверно относились к старшим по возрасту, старики мешали нам на улице, в транспорте, магазинах, больницах;</p>
–	–	<p>подвергали человека опасностям, изнуряли трудами;</p>
–	–	<p>не верили в болезни ближнего, насмехались над ним;</p>
–	–	<p>умышленным молчанием вызывали гнев ближнего;</p>

–	–	строптивостью, упрямством, желанием настоять на своем доводили человека до раздражения;
–	–	осуждали священников (как говорят проповеди, как совершают молебны, Таинства, богослужения);
–	–	отказывали болеющим или умирающим родственникам в приглашении домой священника;
–	–	повреждали свое здоровье умышленно, назло другим делали себе плохо;
–	–	считали, что в храме есть «наше» место и сгоняли занявших его;
–	–	не просим прощения у обиженных нами, не спешим к примирению;
–	–	<i>не уступаем с любовью место, раздражаемся на других прихожан, с раздражением одергиваем, грубо назидаем новичков, осуждаем;</i>
–	–	<i>осуждаем сидящих в храме по причине усталости и немощи телесной или даже делаем им замечание;</i>
–	–	<i>не хотим навестить больных, старых, страдающих, одиноких – не хочется портить себе настроение, оправдываемся нехваткой времени;</i>
–	–	<i>просили прощения формально, без</i>

		<p><i>сокрушения сердца, без искреннего сожаления о содеянном;</i></p>
–	–	<i>делали замечание человеку с раздражением и осуждением;</i>
–	–	<i>гневные мысли и чувства (в сердце как будто бы закипает кровь и начинается некоторое жжение);</i>
–	–	<i>вспыльчивость, раздражительность, говорение на «повышенных тонах».</i>
		ПЕЧАЛЬ
–	–	отчаяние в трудных ситуациях;
–	–	рассуждение о бессмысленности жизни, о том, что «я никому не нужен»;
–	–	нежелание жить, если с близким случится беда или смерть;
–	–	мысли о самоубийстве при обстоятельствах, кажущихся безвыходными;
–	–	отречение от спасительного креста – бегство от попущенных Богом трудных жизненных обстоятельств, что является отречением от Божьей воли спасительной и исполнением своей воли – гибельной;
–	–	жалуемся на жизнь: «За что мне это, за что меня Бог наказал?» – не можем принять все случившееся с нами как

		лекарство, совершенно необходимое, хотя и горькое, для исцеления нашей души, подаваемое рукой Божией;
–	–	не хотим терпеливо переносить скорби, забываем, что они очищают душу, что они абсолютно необходимы для нашего спасения, что скорби – это законное следствие наших грехов, подтверждающее наше грехопадение и рабство дьяволу;
–	–	ропот на Бога и выставление Его виновником стихийных бедствий, эпидемий, войн, грабежей, убийств, смерти детей и прочих бед;
–	–	огорчались и плакали от бессильной злобы, от унижения и оскорбленного самолюбия, от жалости душевной;
–	–	сильное огорчение от неудач, когда срываются наши планы и мечты;
–	–	недовольны своей участью, считаем себя достойными лучшего, говорили: чем я хуже других, меня не понимают, унижают, я этого не заслужил;
–	–	больше меры переживаем о родных и близких (особенно о детях), плачем при этом, желаем им земного благополучия, а об их будущей вечной участи забываем;

	–	–	опасение старости («Как будем жить?»), нечаянной нищеты, болезненности, изгнания, увольнения с работы («На что будем жить?»);
	–	–	огорчение от утраты (потери) чего-либо земного (вещи, деньги, украшения, имущество, работа, должность и т. д.), доходящее порой не только до потери настроения, но и здоровья;
	–	–	утрата в трудных жизненных ситуациях надежды на Бога, сомнение в безграничном милосердии Божиим, что легко доводит до отчаяния; забыли, что ничего худого не может с нами случиться без попуска Божиего; в скорбях Бог особенно близок к нам; если Бог попускает нам скорби, то Он же от них и избавляет или дает силы терпеть, а мы этого терпения не просим;
	–	–	недоверие Промыслу Божьему, не оставляющему человека в бедах, нищете и нуждах, приготовляющему для нас все потребное;
	–	–	ропот на ближних (родителей, детей, соседей, сослуживцев, начальников и пр.), выставление их виновниками наших бед;
	–	–	сильная привязанность к миру (привычки, нехристианские обычаи, тра-

		<p>диции, увлечения, происходящие не от Евангельских заповедей, и нежелание с ними расставаться);</p>
–	–	<p>постоянное размышление о земных делах и проблемах; «думы из головы не выходят»;</p>
–	–	<p><i>неспособность безропотно переносить скорби;</i></p>
–	–	<p><i>ропот на погоду, ветер, снег, дождь, мороз и пр.;</i></p>
–	–	<p><i>тоска по прежней счастливой жизни;</i></p>
–	–	<p><i>неблагодарение Богу за все случившееся (и доброе, и худое);</i></p>
–	–	<p><i>нетерпеливость (желание, чтобы поскорее разрешились наши проблемы);</i></p>
–	–	<p><i>жаление себя в разных трудных ситуациях (когда необходимо потрудиться на благо ближних, выполнить дополнительную работу, или когда нам досталась работа потруднее, или когда предстоит ухаживать за больными, дохаживать престарелых родителей, родственников; стараемся себе выбрать полегче, а тяжелое сваливаем на других);</i></p>
–	–	<p><i>ожидаем, что кто-то нас утешит, пожалеет, развеселит, и требуем этого от окружающих;</i></p>

	–	–	<i>плохое настроение оттого, что «на меня не обращают внимания», «не разговаривают со мной», «не делятся со мной новостями».</i>
			УНЫНИЕ
	–	–	имели произвольное понятие о Боге, о Церкви, о спасении – не хотели познать истину, спокойно жили в заблуждениях;
	–	–	не изучали свою Православную веру;
	–	–	думали только о земном, житейском, бытовом – о Боге и вечной участи не помышляли;
	–	–	имели некоторые теоретические понятия о вере, а в жизни их не применяли, не искали живой веры (вера без дел мертва);
	–	–	не изучали правила христианской жизни – заповеди Христовы – и не исполняли их;
	–	–	приступали к Таинствам Церковным холодно и безразлично, не имея страха Божьего;
	–	–	целью своей жизни считали достижение земных радостей;
	–	–	употребляли наркотические средства;

–	–	используем имя Бога в пустых разговорах, как присловие, бессмысленно (например: «Да ради Бога» или «Ну и Бог с ним» и пр.);
–	–	не посвящаем седьмой день Господу;
–	–	не ищем (уклоняемся) встреч для бесед на духовные темы, прерываем ближних, когда они начинают разговор о Боге, о спасении, о покаянии;
–	–	погрязли в житейской суете, крутимся «как белка в колесе», не можем оторваться от домашних дел, не находим времени на храм, на посещение духовных бесед, на подготовку к исповеди и причастию;
–	–	невнимательное, поспешное исполнение молитвенного правила;
–	–	неверное произношение слов молитвы, так что содержание меняется на противоположное;
–	–	не учили молитв, не вникали в их содержание;
–	–	чтение канонов, акафистов, Псалтири без понимания смысла читаемого;
–	–	отсутствие благоговейного трепетного отношения к святыням;
–	–	забываем свои грехи (даже смертные)

		и в целом о повреждении нашей природы ядом греха, не оплакиваем своего состояния, не способны каяться, нет искреннего сожаления о содеянных грехах;
–	–	неспособность замечать свои грехи, невозможность подготовиться к исповеди;
–	–	не можем возненавидеть свои грехи, не выражаем твердой решимости расстаться со грехом, исправить свою жизнь;
–	–	увлекались «земными» радостями, не видели в них противоречия с заповедями Христовыми;
–	–	скучаем по «обычной» человеческой радости, ищем ее, сами себе ее устраиваем – не понимаем, что рождается она от тщеславия и самодовольства, когда человек льстит сам себе или льстят ему другие, особенно когда земные успехи и удачи сопутствуют нам;
–	–	часто и подолгу говорим по телефону;
–	–	компьютерные игры, «сидение» в Интернете, уход в виртуальный мир;
–	–	желание развлечений, компаний, увеселений;

–	–	регулярное употребление алкогольных напитков для «поднятия» настроения;
–	–	курение;
–	–	поиск земного, призрачного, мимолетного счастья, гоняемся бесплодно за ним всю жизнь, как за тенью;
–	–	неспособность находиться в тишине, обязательно включим радио или телевизор (хотя и не смотрим, но пусть говорит);
–	–	подавленное состояние духа, безразличие, пустота, лень;
–	–	играли в карты и держали карты дома;
–	–	«убивали» время у телевизора на развлекательные программы, сериалы и пр. – наполняли душу разнообразной греховной отравой;
–	–	спим больше необходимого – сколько хочется;
–	–	празднословие (бесполезные пустые разговоры ни о чем), многословие, болтливость;
–	–	<i>излишнее успокоение сном, лежанием и всякого рода расслаблением;</i>
–	–	<i>хождение по магазинам, знакомым, родственникам – от «ничего делать»;</i>

	–	–	<i>опаздывали на богослужения без уважительной причины, толкались, ходили, разговаривали во время службы;</i>
	–	–	<i>невнимательность, рассеянность в храме во время службы, неспособность оторваться от пустых воспоминаний, мыслей о земном;</i>
	–	–	<i>ленимся пойти в храм, даже если в этот день не работаем: хочется отдохнуть, расслабиться;</i>
	–	–	<i>пост исполняем только телесный (внешний), не следим за своим внутренним состоянием, продолжаем грешить мыслями и чувствами сердечными;</i>
	–	–	<i>мысленный спор (пререкание) с отсутствующим человеком, доказывание в мыслях оппоненту своей правоты;</i>
	–	–	<i>праздное любопытство (чтение чужих писем, подслушивание разговоров; «проверка» чужих ящиков, шкафов и карманов; влезает в разговоры; отвечаем, когда не спрашивали; с надоедливостью расспрашиваем, интересуемся бесполезным и не касающимся нас, прислушиваемся к чужим разговорам, собираем слухи).</i>

ТЩЕСЛАВИЕ		
–	–	рисковали жизнью ради того, чтобы прославиться среди людей;
–	–	отрекались от веры, чтоб не потерять авторитет в обществе;
–	–	одобряли смертные грехи, чтобы сохранить уважение к себе со стороны безбожников;
–	–	согрешали смертно, чтобы не быть «белой вороной»;
–	–	приступали к Церковным Таинствам напоказ (например, венчались, потому что это теперь модно);
–	–	стыдились отстаивать истину (догматы, каноны, заповеди, если кто-то грубо их попирает);
–	–	стыдились исповедовать свои грехи (особенно срамные), чтобы не потерять авторитет и уважение в глазах священника, утаивали грехи;
–	–	пресмыкались перед начальниками, сильными мира сего, чтоб получить их внимание и расположение;
–	–	желание похвалы от людей и поиск авторитета - хотим, чтобы нас уважали, чтобы с нами считались, стремимся быть впереди;

	–	–	искание славы человеческой, земных почестей, должностей и званий;
	–	–	смакование своих достоинств, невидение собственных недостатков;
	–	–	хвастовство, приукрашивание речи, преувеличение для большей убедительности;
	–	–	следование моде, желание красивой одежды, украшений, изысканной мебели, вещей и пр., чтобы не отстать от других или быть впереди;
	–	–	положительная оценка своих душевных качеств (самодовольство);
	–	–	положительная оценка своих телесных качеств: красоты лица, прически, приятности голоса и прочих качеств тела; приписывание их себе, а не Богу;
	–	–	неспособность переносить замечания, упреки, увещания как несправедливые, так и справедливые (особенно трудно переносить несправедливые упреки, а мы и справедливых не можем стерпеть);
	–	–	желание всякий раз оправдываться, выгораживать себя, выставлять себя невиновным, указывая разные причины, лишь бы нас не уличили в лени и неумении;

	–	–	оправдываем свое незнание веры и греховность предыдущей безбожной жизнью и атеистической пропагандой, хотя гонения на веру давно прекратились;
	–	–	неспособность относиться одинаково ровно к хвалящим нас и обижающим нас;
	–	–	заискивание перед теми, от кого что-либо зависит, и презрительное или безразличное отношение к тем, от кого ничего не надеемся получить;
	–	–	лесть (хваление человека, чтобы добиться его расположения к нам или ради какой-нибудь выгоды; похвала с завистью; хваление человека на людях, чтобы заметили наше «великодушие» и отметили нас);
	–	–	лицемерие (притворство, актерство, неестественность поведения);
	–	–	оправдываемся: «Я не виноват, у меня такой характер» или: «Ты сам напросился»;
	–	–	перекладываем свою вину на других, чтобы не потерять репутацию и не выслушивать упреков;
	–	–	нежелание здороваться первым, пойти на примирение первым;

	–	–	нежелание выполнять работу, «унижающую» наше достоинство;
	–	–	боимся осуждения со стороны окружающих, страдаем мнительностью, переживаем о том, «а что подумают», «а что скажут люди»;
	–	–	следуем греховным правилам и традициям мира, чтобы не стать «белой вороной», оправдываемся, что теперь все так живут;
	–	–	уклоняемся от христианской жизни из-за ложного стыда перед знакомыми, стыдимся держать дома иконы, носить нательный крест, креститься на людях, скрываем, что ходим в храм, исповедуемся, соблюдаем посты, что верим в Бога и т. д.; боимся насмешек, упреков и непонимания;
	–	–	огорчаемся, если не получаем похвал и одобрений, особенно когда они достаются другим;
	–	–	обязательно расскажем, если что-то придется доделать за кем-нибудь;
	–	–	пытаемся унижить, зачернить, затушевать, перетолковать в худшую сторону достоинства и заслуги других людей, говорим многозначительно: «Да не так уж он хорош, как вы

		думаете!» или: «Вы про него не все знаете!»;
–	–	с любопытством узнаем недостатки других и охотно передаем это окружающим, при этом испытываем удовольствие;
–	–	домогаемся возвышения и признания себя, забыли слово Божие: <i>Кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою (Мк. 10, 42–43)</i> ;
–	–	совершение добрых дел ради земной славы или чтобы хотя бы заметили, обратили внимание, похвалили;
–	–	не укрываем все добрые дела от взоров человеческих, долго сами помним о сделанном, вспоминаем с удовольствием, рассказываем окружающим;
–	–	стремимся к роскоши и пышности, желаем чем-то особенным выделиться, показаться перед знакомыми, соседями, родственниками;
–	–	похваляемся даже своими пороками и стараемся хоть этим, но выделиться среди окружающих;
–	–	расточали средства напоказ, чтобы вызвать уважение к себе или спровоцировать зависть;

	–	–	употребляем в шутку слова молитв и Священного Писания;
	–	–	<i>мечтания о своих способностях, о своем предназначении, значимости;</i>
	–	–	<i>думаем о себе, что смиренны, говорим об этом другим, проповедуем свои труды; хвалим себя;</i>
	–	–	<i>радуемся и вдохновляемся, когда видим, что нам завидуют;</i>
	–	–	<i>употребляли свои таланты и способности не с христианским смирением, а с тщеславным самодовольством;</i>
	–	–	<i>передразниваем, пересмеиваем других (и даже священников);</i>
	–	–	<i>изображаем с преувеличением (мимикой, жестами, гримасами) других людей, высмеиваем недостатки окружающих;</i>
	–	–	<i>артистизм (копирование речи, движений, жестов) с целью рассмешить других, порисоваться, быть в центре внимания;</i>
	–	–	<i>радовались при совершении доброго дела, приписывая его себе, а не Богу;</i>
	–	–	<i>земные радости считаем вознаграждением за христианское благочестие;</i>

–	–	<i>острословие, шуточный тон, «красное словцо», рассказывание смешных историй, анекдотов;</i>
–	–	<i>добавление к сказанному кем-то своих остроумных замечаний, реплик, уточнений;</i>
–	–	<i>приятно, когда хвалят.</i>
		ГОРДОСТЬ
–	–	сомневались в бытии Бога;
–	–	отрицали бытие Бога;
–	–	хулили Бога (оскорбляли, презирали);
–	–	отрекались от Бога;
–	–	переходили в другую веру;
–	–	уходили в раскол, в секту;
–	–	распространяли ложное учение (ересь);
–	–	упрямо стояли в заблуждении, спорили, противоречили вероучению Православной Церкви в догматах и канонах;
–	–	непризнание грехов грехами в соответствии с Евангелием, некоторые из грехов не считали таковыми, не оценивали свои поступки, слова, мысли, чувства с точки зрения заповедей Божиих, борьбу с грехами не вели,

		<p>не каялись в грехах, говорили: «А какие у меня грехи? Никого не убивал» и т. д.;</p>
–	–	установление собственных заповедей и жизнь по ним;
–	–	не признавали Бога Творцом, а себя и весь мир – творением;
–	–	утверждали, что все религии равны и ведут к одному Богу;
–	–	считали, что в Церковь ходить не обя- зательно, а достаточно просто верить;
–	–	считали, что для спасения достаточно только верить, а как верить – не важно;
–	–	произвольно понимали Священное Писание, не читали толкований;
–	–	отвергали многовековой опыт Церкви, искали свою дорогу к Богу;
–	–	требовали от священника прощения грехов без покаяния, без изменения жизни;
–	–	считали, что достаточно только назвать грех на исповеди, не исправ- ляя его, и он автоматически простится;
–	–	обвиняли Бога в собственных грехах, оправдывая совершенные грехи словами: «Видно, так Богу было угодно, коль я согрешил»;

–	–	дерзали причащаться без правильной веры, без покаяния, с нераскаянными смертными грехами, без борьбы со страстями (такое причастие оборачивается в осуждение и в смерть вечную);
–	–	дерзали причащаться, находясь на епитимии;
–	–	не имея препятствий, причащались реже, чем раз в три недели (Дух Святой отлучает таких от Церкви – так гласит 80-е правило Шестого Вселенского Собора);
–	–	колдовали, ворожили, гадали, «лечили» заговорами, кодировали, вызывали духов, контактировали с НЛО, пытались «воскресить» умершего, входили в «общение» с умершими, занимались экстрасенсорикой, медитацией, аутотренингом, тем самым входили в общение с демонами;
–	–	обращались к колдунам, магам, чародеям, «целителям», «бабкам», экстрасенсам, «ясновидящим» и пр., – тем самым пользовались услугами демонов;
–	–	верили во всевозможные приметы и суеверия, доверяли снам, строили жизнь по «сонникам» и гороскопам;

–	–	прелесть: льстим себе, что чисты от грехов, святы, достойны Божественных откровений и впечатлений, что достойны общения с Ангелами, видения Ангелов, святых, Господа, Пресвятой Богородицы;
–	–	искушали Господа, говоря: «Если Ты есть, то исполни то, что я прошу, а если не исполнишь, то Тебя нет»;
–	–	попытка самоубийства;
–	–	самоубийство;
–	–	вера по расчету: ожидание от Бога благ в обмен на немощные попытки христианской жизни;
–	–	ожидание от Бога того, чего нам хочется;
–	–	обида на Бога, если не решаются наши проблемы;
–	–	верили только тогда, когда все складывалось по-нашему;
–	–	не верим, что Бог всемогущ и может избавить нас от греха при нашем искреннем желании, подтвержденном реальными попытками борьбы;
–	–	не признавали своего рабства дьяволу, что человек стал жилищем сатаны;
–	–	знали о своем грехе и не хотели

		исправляться, испытывали долго-терпение Божие;
-	-	чтение книг еретических, противоречащих вероучению Православной Церкви;
-	-	лжем, оправдываем ложь необходимостью обстоятельств, лжем даже просто так, по привычке;
-	-	зависть (желание того же, что видим у ближних, или мрачное чувство расстройства в сердце оттого, что мы чего-то не имеем, а у других это есть: достаток, счастье, положение в обществе, здоровье, способности, красота, рост, сила, успехи);
-	-	высокомудрие, самомнение, уверенность в своей духовной правоте, не основанной на Священном Писании и Предании Церкви;
-	-	самолюбие: почитание себя превыше всех и презрение тех, кто не согласен с нами, вражда против тех, кто «задевает» нас;
-	-	желание «долго жить», не задаваясь вопросом о смысле жизни, о Суде Божиим, о посмертной участи;
-	-	человекоугодие: угождение человеку из-за страха перед ним; готовы

		согрешить, если потребуют этого от нас; Бога не боимся, а человека боимся;
–	–	начальникам раболепно подчиняемся, подчиненных безжалостно укоряем;
–	–	не уходим из таких компаний, где осуждают, играют в карты, упиваются вином, сквернословят, хулят Бога, Церковь, – боимся потерять отношения, раболепствуем;
–	–	утверждаем, что «всегда верили», «всегда Бога вспоминали», «всегда с Богом жили», что всегда имели «Бога в себе, в своем сердце» (при этом показываем рукой на грудь или похлопываем по груди), однако сами грубо нарушаем заповеди Божии, даже не зная их, и не приступали никогда к исповеди и причастию;
–	–	говорили: «Грешны во всем», признавая себя грешниками на словах только, а на деле не могли назвать своих грехов и не боролись с ними;
–	–	поминали умерших водкой, организовывали застолья на кладбищах;
–	–	подавление ближнего грубым словом или колкой насмешкой, чтобы не возносился как мы или выше нас;
–	–	наглость, дерзость;

	–	–	строптивость: неспособность подчиняться во всем, что не противоречит заповеди: подчиненные – начальникам, дети – родителям и учителям, младшие – старшим, жены – мужьям;
	–	–	долго не успокаиваемся от обид, жалеем, что мало наговорили, мало ответили обидчику, в мыслях будем долго спорить с ним, оправдывать себя; будем рассказывать другим об этом случае, очерняя обидчика и оправдывая себя; будем придумывать способы отмщения и пр.;
	–	–	в окружающих людях видим врагов;
	–	–	не способны просить и обращаться за помощью – гордость не позволяет: а вдруг откажут, тогда будет обидно – лучше уж сами как-нибудь;
	–	–	стремление жен командовать в семье, самостоятельно распоряжаться деньгами;
	–	–	прекословие (пререкание) даже со старшими, с родителями, с начальниками;
	–	–	божились и клялись именем Божиим, прикрывали ложь божбой;
	–	–	клялись жизнью (даром Божиим), здоровьем, своими детьми, матерью;

	–	–	требовали клятв от других;
	–	–	забвение и медление в исполнении обещания, данного Господу, даже если уже получили просимое;
	–	–	не почитали священников, избегали благословения, не хотели принимать Таинства от священников, считая их грешными и недостойными;
	–	–	отказывались от лечения по причине гордости («Я сильный – все вытерплю»), хотя болезнь была опасной для жизни;
	–	–	считали, что достойны Вечной Жизни и спасемся независимо от того, что живем во грехах;
	–	–	самонадеянность: надеялись на собственные силы и способности, знания и опыт, на свои «добрые» дела, на свои молитвы, посты, забывая, что без Бога спастись невозможно;
	–	–	попытка исправиться от недостатков собственными силами или исправить других без помощи Божией, при этом главная опора во всех наших делах – «я сам»;
	–	–	ставим себе цель стяжать Духа Святого без понуждения себя к терпению, кротости, смирению, целомудрию – забыли, что Бог гордым

		противится, а только смиренным дает благодать (см.: Иак. 4, 6);
–	–	о Боге вспоминали только тогда, когда все способы уже испробовали;
–	–	неспособность к послушанию;
–	–	неперенесение обличений;
–	–	легко прощаем себе свои недостатки; в чем себя оправдываем, в том других осуждаем;
–	–	превозносимся над другими, считаем себя лучшими, свое мнение – более правильным, дело свое – более важным;
–	–	ждем услуг от ближних, требуем, чтоб нам все помогали, сами же не спешим на помощь;
–	–	<i>требуем, чтобы нас обязательно простили (для нашего самоуспокоения), выжимаем это «прощение» из обиженного нами человека;</i>
–	–	<i>брезгливы во всем и всегда (естественное отвращение от нечистот не греховно);</i>
–	–	<i>не умеем благодарить Бога за Его милости к нам;</i>
–	–	<i>не просим Божьего благословения на всякое дело;</i>

	–	–	<i>хватаемся за дела, превышающие наши силы, а потом стонем, изнываем под непомерной тяжестью их и обижаемся на окружающих, что не помогают нам;</i>
	–	–	<i>взятие на себя чрезмерного поста и превышающего наши силы молитвенного правила;</i>
	–	–	<i>непосильные подвиги, входящие в противоречие с нашим положением (семейным, социальным и т. д.) или невозможные для нашего здоровья, возраста, опытности;</i>
	–	–	<i>любим учить других, вмешиваться в чужие дела и разговоры;</i>
	–	–	<i>страх, трусость, пугливость, боязливость, опасливость, робость, всегдашнее ожидание беды;</i>
	–	–	<i>повышенные требования к другим и прощение себе ошибок без самоукорения;</i>
	–	–	<i>судим об окружающих по внешнему виду, а не по делам;</i>
	–	–	<i>вступали в спор, доказывали свою правоту, не могли уступить, настаивали на собственном мнении.</i>

Составитель: Сергей Михайлович Масленников, преподаватель воскресной школы, алтарник храма в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы города Екатеринбурга, по благословению настоятеля храма протоиерея Андрея Канева.

При составлении «Дневника кающегося» учтены дополнения и замечания:

Высокопреосвященнейшего Викентия, Архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского; протоиерея Евгения Попиченко, старшего священника храма в честь великомученика и целителя Пантелеимона в Екатеринбурге; протоиерея Алексея Яковлева, настоятеля екатеринбургского храма в честь Святителя Николая; Ольги Валентиновны Баталовой, автора и ведущей программы «Уроки Православия» телекомпании «Союз».

Содержание

Предисловие составителя	5
-----------------------------------	---

Святой Иоанн Кассиан

Борьба плоти и духа	19
Общее очертание страстей и борьбы с ними	28
Борьба с восемью главнейшими страстями	36

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Слово о смерти	171
Восемь главных страстей с их подразделениями и отраслями	188
Отношение христианина к страстям его	197

Преподобный Никодим Святогорец

Общие уроки об употреблении чувств	221
---	-----

**Основы духовной жизни по славянскому
«Добротолюбию»**

Борьба со страстями и стяжание
добродетелей. 233

Приложение

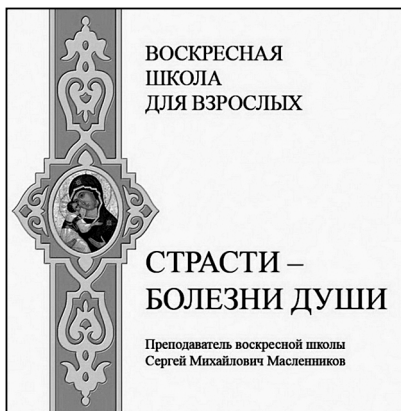
С. М. Масленников. Дневник кающегося . . . 247

**Издательство «Сибирская
Благовонница» представляет
вышедшие в свет авторские диски
(в формате MP3)**

***Из серии «Воскресная школа
для взрослых»:***

- «Страсти – болезни души» (9 бесед)
- «Трудности при подготовке к исповеди» (7 бесед)
- «Толкование на Евангелие от Марка» (20 бесед)
- «Тайны христианства» (15 бесед)
- Сокрушение сердца постом и молитвой (9 бесед)
- Плоды достойные покаяния (10 бесед)
- Гибельность своеволия. Божий Промысел (14 бесед)
- Как определить Божью Волю (9 бесед)
- Покаяние истинное и ложное. Плачь и радость. О внутреннем делании (9 бесед)

Всякий человек, осознавший с Божьей помощью смертельную опасность болезней души — страстей, поскорее захочет обследовать себя: а вдруг тоже заражен? Тогда медлить нельзя: «Пребывание в смертном грехе, пребывание в порабощении у страсти, есть условие гибели вечной» (свт. Игнатий (Брянчанинов)).

По вопросам приобретения обращаться
по адресам:

г. Москва, ул. Шверника, стр. 17, книжная лавка, м.
Академическая тел. 8 (499)123-72-98

г. Екатеринбург, ул. Азина 20/1, церковный магазин
«Сибирская Благовонница»
тел. 8 (343) 213-12-84
www.sybir_ural@mail.ru

СТРАСТИ – БОЛЕЗНИ ДУШИ
ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ТВОРЕНИЙ
СВЯТЫХ ОЦОВ
Дневник кающегося

Составитель
Сергей Михайлович Масленников

Редакторы *Е. О. Фомина, Л. А. Чуткова*
Корректоры *О. В. Грецова, Т. А. Копяткевич*
Художественное оформление *С. Ю. Губин*
Верстка *В. А. Фролова*
Техническое сопровождение *Ю. В. Мосягин*

Сибирская Благозвонница

Подписано в печать 12.07.11. Формат 70x100/32
Бумага офсетная. Печ. л. 10.0
Тираж 8 000 экз. Заказ № .

Адрес издательства:
109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6
E-mail: syb-blag@yandex.ru, www.blagozvon.ru

Отдел оптовых продаж:
109202, г. Москва, шоссе Фрезер, д. 17 а
т телефон/факс: 8(495) 363-45-10

Отпечатано с электронных носителей издательства:
ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5.
Телефон: +7(4822) 44-52-03, 44-50-34, телефон/факс +7(4822) 44-42-15.
E-mail: tpk@tverpk.ru; sales@tverpk.ru.